

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026 Том 26 № 1

В номере: Стратегическая стабильность, глобальная и региональная безопасность

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курылев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамич Мирзет Сафетович, кандидат политических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Мешкин Даниал, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Наврита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томани Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, Белый список РЦНИ, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka и Academia.Edu.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025–2026 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 2 2026	Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы	Прием статей закрыт
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	Прием статей закрыт
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	15 апреля 2026 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 27.03.2026. Выход в свет 31.03.2026. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,09. Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2026 VOLUME 26 No. 1

In this issue: **Strategic Stability, Global and Regional Security**

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russian Federation
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russian Federation
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russian Federation
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Maksim A. Nikulin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Mirzet S. Ramich, PhD (Political Sciences), Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA
Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA
Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA
Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia
Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy
Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA
Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation
Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India
Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic
Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France
Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy
Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan
Victor L. Jelfets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation
Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, White List of RCSI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2025–2026 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 2 2026	International Relations in the Digital Era: New Opportunities and Traditional Challenges	Submission of articles is closed
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	Submission of articles is closed
No. 4 2026	Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	By April 15, 2026

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova, L.N. Zamaraykina

Computer design I.A. Chernova

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ, ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Криволапов О.О.** Американские ракеты средней и меньшей дальности и региональная безопасность в Европе и западной части Тихого океана7
- Каширина Т.В., Цибенко В.В.** Политика Турции в сфере нераспространения ядерного оружия: история и перспективы20
- Мухаметов Р.С.** Инициирование межгосударственных вооруженных конфликтов и военное правление32
- Волосюк О.В., Козылов И.С.** Партнерство Глобального Юга во имя устойчивого развития: сотрудничество Китая и СЕЛАК по вопросам продовольственной безопасности46
- Козюлин В.Б.** Проблема применимости международного гуманитарного права к кибероперациям: обзор российского и западных подходов62

КИТАЙ В МИРЕ

- Забелла А.А., Кун С.** Роль культуры как элемента формирования стратегической коммуникации Китая77
- Литягина Е.А., Климова К.М.** Инструменты «мягкой силы» США, Китая и России в Латинской Америке в условиях формирования многополярного мира.....94

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Байков А.А., Виньо А.С.Л., Калюжнова Е.** «Падение назад», или Как кризисы влияют на интеграцию: ЕС и энергетический кризис108
- Андреева А.А.** Механизмы легитимации интервенций во внешней политике Испании126
- Алешин А.А.** БРИКС и трансформация глобального порядка: научные подходы и интерпретации138
- Киамба А., Бокерия С.А.** Содействие женщинам в посредничестве и переговорах в районе Великих Африканских озер: постановка проблемы.....150

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Якова Т.С.** Конфликтогенный потенциал международной политики: медиагеографический анализ европейского ментального пространства165

РЕЦЕНЗИИ

- Моргунова О.А., Огбаджи М.У.** Рецензия на книгу: Pacheco Pacifico A. M. C. Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2022. 204 p.....176
- Гуторов В.А., Ширинянц А.А.** Рецензия на книгу: Garlick J. Evolution in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 86 p.....180
- Kirichko F. A.** Book review: A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? / ed. by I. K. Hard, D. J. Kanbergs. Washington, DC: Arab Center Washington DC, 2023. 194 p. (**Киричко Ф. А.** Рецензия на книгу: A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? / ed. by I. K. Hard, D. J. Kanbergs. Washington, DC: Arab Center Washington DC, 2023. 194 p.).....185

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: STRATEGIC STABILITY, GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

Krivolapov O.O. The U.S. Short- to Medium-Range Missiles and Regional Security in Europe and the Western Pacific	7
Kashirina T.V., Tsibenko V.V. Türkiye’s Nuclear Nonproliferation Policy: History and Prospects	20
Mukhametov R.S. The Initiation of Interstate Armed Conflicts and Military Rule.....	32
Volosyuk O.V., Kozylov I.S. The Global South Partnership for Sustainable Development: China — CELAC Cooperation on Food Security	46
Kozyulin V.B. The Applicability of International Humanitarian Law to Cyber Operations: A Review of Russian and Western Approaches.....	62

CHINA IN THE WORLD

Zabella A.A., Kong X. The Role of Culture in China’s Strategic Communication	77
Lityagina E.A., Klimova K.M. The Instruments of “Soft Power” of the USA, China and Russia in Latin America in the Context of Multipolar World Order Formation.....	94

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Baykov A.A., Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y. ‘Falling Backward’, or How Crises Affect Integration: The EU and the Energy Crisis	108
Andreeva A.A. Mechanisms for Legitimizing Interventions in Spain’s Foreign Policy	126
Aleshin A.A. BRICS and the Transformation of the Global Order: Academic Approaches and Interpretations.....	138
Kiamba A., Bokeriya S.A. Empowering Women in Mediation and Negotiation in the Great Lakes Region of Africa: A Problem Statement	150

APPLIED ANALYSIS

Yakova T.S. The Conflict Potential of International Politics: A Media Geographical Research of the European Mental Space.....	165
--	-----

BOOK REVIEWS

Morgunova O.A., Ogbajie M. U. Book review: Pacheco Pacífico, A. M. C. (2022). Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 204 p. (In Russian)	176
Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Book review: Garlick, J. (2025). Evolution in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 86 p. (In Russian).....	180
Kirichko F. A. Book review: Hard, I. K., & Kanbergs, D. J. (Eds.). (2023). A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? Washington, DC: Arab Center Washington DC, Inc., 194 p.....	185

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ, ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

THEMATIC DOSSIER: STRATEGIC STABILITY, GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-7-19

EDN: TEOIXN

Научная статья / Research article

Американские ракеты средней и меньшей дальности и региональная безопасность в Европе и западной части Тихого океана

О.О. Криволапов

Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, Москва, Российская Федерация

✉ o.krivolapov@iskran.ru

Аннотация. Одной из черт формирующегося полицентричного мира является продолжение соперничества в военной сфере. Соединенные Штаты Америки продолжают политическое и военное соперничество с Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией. Роспуск Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) открыл для США возможность добавить в свой арсенал еще один инструмент проецирования силы — ракеты наземного базирования с дальностью 500–5500 км. Этот вид вооружений имеет свои преимущества и недостатки. Основная проблема темы РСМД в настоящее время, по мнению автора, не столько в стабилизирующем или дестабилизирующем характере развертывания этих ракет в Европе и в западной части Тихого океана, сколько в том, как руководство США будет интерпретировать события после фактического развертывания. Цель исследования — выявление основных вероятных последствий развертывания американских РСМД в Европе и западной части Тихого океана. Методологическую основу исследования составила теория сдерживания. Новизна изложенного подхода к теме РСМД заключается в том, что он позволяет рассмотреть максимально широкий спектр возможных вариантов развития событий в случае развертывания, а также прояснить, как эта совокупность вариантов может восприниматься администрацией США. В качестве основного метода в данном исследовании применено моделирование. В фокусе внимания — вероятные действия обеих сторон во время кризиса между США и РФ, а также между США и КНР. Сравнительный метод позволил сопоставить доктринальные положения указанных стран в сфере применения неядерных вооружений. Моделирование вероятных кризисных ситуаций показало, что на каждом этапе развития кризиса существуют реальные риски дальнейшего обострения ситуации, а также возможности для урегулирования. Как представляется, неядерные РСМД могут стать для США важным инструментом ведения ограниченного вооруженного конфликта с ядерной державой на доядерном уровне, чтобы, балансируя на грани большой войны, вынуждать этих оппонентов на политические уступки.

Ключевые слова: неядерные ракеты, политико-военный кризис, теория сдерживания, неядерное сдерживание, меры до пуска, активная оборона, балансирование на грани войны

© Криволапов О.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Криволапов О. О. Американские ракеты средней и меньшей дальности и региональная безопасность в Европе и западной части Тихого океана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-7-19>; EDN: TEOIXN

The U.S. Short- to Medium-Range Missiles and Regional Security in Europe and the Western Pacific

Oleg O. Krivolapov

Arbatov U.S. and Canada Institute, Moscow, Russian Federation

✉ o.krivolapov@iskran.ru

Abstract. One of the defining characteristics of the emerging polycentric international order is the persistence of military rivalry. The United States remains engaged in political and military competition with both the People's Republic of China (PRC) and the Russian Federation. The demise of Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF Treaty) has provided Washington with the possibility of adding another instrument of power projection to its arsenal: land-based missiles with ranges between 500 and 5,500 kilometers. This category of weapons has both advantages and disadvantages. In the author's view, the central problem regarding post-INF missiles today lies less in the stabilizing or destabilizing effects of their deployment in Europe and the western Pacific than in how the U.S. leadership will interpret events once these missiles are actually fielded. This study aims to identify the possible consequences of deploying U.S. intermediate-range missiles in Europe and the western part of the Pacific Ocean. The theoretical framework of the research is the deterrence theory. The originality of the proposed approach to the INF issue is that it makes it possible to examine the widest possible range of potential scenarios in the event of deployment, and to clarify how this ensemble of scenarios may be perceived by the U.S. administration. The primary research method employed is modelling. The analysis focuses on the possible actions of both sides during a crisis between the United States and Russia, as well as between the United States and China. The comparative method is used to juxtapose the doctrinal provisions of these states regarding the employment of non-nuclear weapons. The modelling of likely crisis situations demonstrates that, at each stage of escalation, there are both real risks of further deterioration and opportunities for de-escalation and settlement. It is plausible that non-nuclear intermediate-range missiles may become, for the United States, an important instrument for waging a limited armed conflict with a nuclear-armed state at the pre-nuclear level. By operating on the brink of major war, such missiles could compel adversaries to make political concessions.

Key words: non-nuclear missiles, politico-military crisis, deterrence theory, non-nuclear deterrence, left-of-launch, active defense, brinkmanship

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Krivolapov, O. O. (2026). The U.S. short- to medium-range missiles and regional security in Europe and the Western Pacific. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 7–19. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-7-19>; EDN: TEOIXN

Введение

Формирующийся полицентричный мир может оказаться высококонфликтной средой, поскольку государства все в большей степени ориентируют свою политику на обеспечение собственной безопасности. Одним

из проявлений соперничества является гонка вооружений, которая может носить количественный или качественный характер и продолжается уже достаточно длительное время. К числу активных участников этой гонки наряду с другими государствами относятся США.

В 2017 г. администрация Д. Трампа начала говорить о возвращении соперничества между великими державами, отнеся к таковым кроме США также Китай и Россию¹. Среди многочисленных видов вооружений, в сфере которых Соединенные Штаты стремятся конкурировать с перечисленными оппонентами, примечательны ракеты средней и малой дальности наземного базирования (РСМД).

Долгое время из трех указанных держав только Китай беспрепятственно развивал такие ракетные системы качественно и количественно. Во время той же администрации Д. Трампа США, исходя из оценки угрозы со стороны китайских РСМД для войск и союзников в западной части Тихого океана, стремились вернуть себе возможность создавать такие ракетные системы. Вероятно, именно этот фактор стал одной из ключевых причин разрыва Договора о РСМД (ДРСМД), действовавшего в 1987–2019 гг. и запрещающего создание и развертывание ракет наземного базирования с дальностью 500–5500 км. Формальной причиной выхода Вашингтона из договора было объявлено создание Россией запрещенных ракетных систем². Однако с момента прекращения действия договора российская ракета наземного базирования 9М729, которая, по мнению США, имела дальность более 500 км, не упоминалась Вашингтоном или Брюсселем даже в контексте применения Россией ракетных вооружений на Украине. В 2019–2025 гг. Москва соблюдала мораторий на развертывание РСМД в регионе.

Преимущества мобильных РСМД наземного базирования анализировались

в работах американских экспертов, которые до 2019 г. утверждали, что Россия нарушает ДРСМД. Некоторые из экспертов считают, что Соединенным Штатам тоже нужны такие ракеты в мобильном варианте, поскольку они обладают следующими преимуществами:

1) бóльшая возможность маскировки мобильных ракетных комплексов наземного базирования по сравнению с морскими или авиационными носителями таких ракет;

2) возможность использовать эти многоцелевые носители (корабли, подводные лодки, самолеты) для других задач без необходимости привязывать их к одному району;

3) высокая готовность к боевому применению по сравнению с подобными ракетами воздушного и морского базирования;

4) более широкие возможности заблаговременного развертывания в регионе, что частично снижает необходимость преодоления вражеского потенциала воспрепятствования доступа и маневра³.

Этим ракетным системам могут быть отведены следующие политико-военные функции: заверение союзников, сдерживание противников и нанесение удара возмездия в случае провала сдерживания. Скорее всего, это оружие займет значимое место в арсенале США.

В зарубежной исследовательской литературе на тему РСМД, опубликованной с момента начала обострения вопроса в 2014 г., прослеживаются два основных направления: согласно первому, эти ракетные системы позиционируются как стабилизирующие обстановку в регионе, так как они создают заслон «агрессивной» политике Москвы и Пекина

¹ National Security Strategy of the United States of America // The White House. December 2017. P. 27. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 02.02.2026).

² President Donald J. Trump to Withdraw the United States from the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty // The White House. February 1, 2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-withdraw-united-states-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/> (accessed: 01.02.2026).

³ См.: McLeary P. The Rest Of The Story: Trump, DoD & Hill Readied INF Pullout For Years // Breaking Defense. October 22, 2018. URL: <https://breakingdefense.com/2018/10/the-rest-of-the-story-trump-dod-hill-readied-inf-pullout-for-years/> (accessed: 01.11.2024); Gotkowska J. The End of the INF: The Beginning of Tough Negotiations // The Centre for Eastern Studies (OSW). December 12, 2018. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-12-12/end-inf-beginning-tough-negotiations> (accessed: 01.11.2024); Sayers E. The Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty and the Future of the Indo-Pacific Military Balance // War on the Rocks. February 13, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/asia-inf/> (accessed: 31.01.2025). См. также: (Krepinevich, 2015).

в их соответствующих регионах мира⁴; в рамках второго направления эти вооружения воспринимаются как потенциально стабилизирующие ситуацию в регионе, но при этом они способны создать риски, провоцируя потенциальных противников на ответные действия⁵.

Российское экспертное сообщество традиционно настороженно относится к развёртыванию американских РСМД (Арбатов, 2021; Рогов, 2021; Есин, 2019; Золотарёв, 2021; Чеков, 2024). Китайские специалисты по данной теме также обычно подчеркивают возможность дестабилизации в случае развёртывания этих вооружений Соединёнными Штатами⁶.

Ключевая проблема, связанная с РСМД в нынешних условиях, по мнению автора, состоит не столько в стабилизирующем или дестабилизирующем потенциале их развёртывания в Европе или западной части Тихого океана, сколько в том, как руководство США будет интерпретировать последствия такого шага. Теоретически обострение обстановки совсем необязательно может быть оценено Вашингтоном как бесспорно нежелательное явление.

В этой связи цель данного исследования — выявление основных вероятных последствий развёртывания американских РСМД в рассматриваемых регионах. При этом вне предмета исследования остаются условия применения ядерного оружия со стороны Российской Федерации, Китайской Народной Республики (КНР) или США, а также вероятная динамика кризиса после перехода

на ядерный уровень. Вопросы о том, какие политические события способны привести к острому политико-военному кризису между Вашингтоном, с одной стороны, и Москвой или Пекином — с другой, и каких уступок могут добиваться, например, США от своих соперников, также заслуживают отдельного исследования и остаются вне рамок данной статьи.

Методологической рамкой исследования выступает теория сдерживания (Т. Шеллинг, Р. Джервис и др.). Она связана с исследованием путей, с помощью которых субъект манипулирует рисками в целом и угрозой скатывания к большой ядерной войне в частности, чтобы заставить оппонентов действовать в соответствии со своими интересами (Jervis, 1979, p. 292).

Особое внимание в теории сдерживания уделяется природе политико-военного кризиса. Объективное, рациональное и универсальное восприятие ситуации всегда затруднено целым рядом естественных ограничителей, в том числе субъективных (Jervis, 1982, pp. 21–30), а во время кризиса из-за необходимости быстро реагировать на меняющуюся обстановку руководства стран тем более ограничены в своих возможностях полностью взвесить все варианты и принять решение, которое реально может остановить скатывание к полномасштабной войне.

Новизна исследования состоит в том, что предложенный в нем подход к теме РСМД позволяет рассмотреть максимум возможных

⁴ См.: Callender T. The Way Forward for the United States in a Post-INF World // The Heritage Foundation Report. February 2019. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2019-02/BG3383.pdf> (accessed: 14.06.2025); Cohn J., Walton T. A., Lemon A., Yoshihara T. Leveling the Playing Field: Reintroducing U.S. Theater-Range Missiles in a Post-INF World. Washington, DC : CSBA, 2019. См. также: (Simón & Lanoszka, 2020).

⁵ См.: Nouwens V., Wright T., Graham E., Herzinger B. Long-Range Strike Capabilities in the Asia-Pacific: Implications for Regional Stability. London : The International Institute for Strategic Studies, 2024. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/2024/01/long-range-strike/long-range-strike-capabilities-in-the-asia-pacific--implications-for-regional-stability.pdf> (accessed: 31.01.2025); Missile Proliferation in the Indo-Pacific Drivers and Consequences: Interview with Ankit Panda // NBR. June 18, 2022. URL: <https://www.nbr.org/publication/missile-proliferation-in-the-indo-pacific-drivers-and-consequences/> (accessed: 01.11.2024). См. также: (Kühn, 2019).

⁶ См., например: Ван С. Скрытая логика США, обусловившая выход из ДРСМД // Российский совет по международным делам. 01.04.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytaya-logika-ssha-obuslovivshaya-vykhod-iz-drsm-d/> (дата обращения: 06.09.2021). См. также: (Zhao, 2020).

вариантов развития событий в случае их развертывания, а также прояснить, как эта совокупность вариантов может восприниматься администрацией США.

В данном исследовании под «политико-военным кризисом» понимается ситуация повышенного риска вооруженного столкновения по причине предельно низкого уровня доверия между противостоящими сторонами. Непреднамеренное столкновение может возникнуть в том числе вследствие недопонимания намерений друг друга обеими сторонами из-за нехватки информации и пониженной коммуникации между ними. Речь идет о ситуации, в которой наличие хотя бы у одной из сторон страха внезапного нападения со стороны оппонента побуждает ее действовать на опережение (Schelling, 2008, pp. 95–101). Именно в кризисной ситуации стороны могут приписывать друг другу агрессивные намерения даже при отсутствии таковых и использовать это как отправную точку в своем процессе принятия решения о войне и мире. В результате действия, предпринятые с целью сдерживания оппонента, могут, наоборот, спровоцировать атаку с его стороны. Противник может рассматривать такие меры как целенаправленное давление, а свое положение — как безвыходное (Jervis, 1982, p. 13; Schelling, 2008, p. 225). Так, в условиях политико-военного кризиса у него может появиться стимул для ракетной атаки, которого изначально не было.

В качестве основного метода в данном исследовании используется моделирование. Основное внимание уделено вероятным действиям обеих сторон во время кризиса между США и РФ в Европейском регионе, а также между США и КНР — в западной части Тихого океана. Сравнительный метод

применялся для сопоставления доктринальных положений указанных стран в сфере применения неядерных вооружений.

Европейский регион

Условия

В 2015 г., когда в западном экспертном сообществе начались обсуждения предполагаемого нарушения Россией Договора о РСМД, в этих дискуссиях появилось мнение, что развертывание ракет средней дальности в Европе усилит сдерживание против России. После 2022 г. западное экспертное сообщество не отвергло идею о том, что такие ракеты могут помочь сдержать предполагаемую агрессию России против НАТО. Идея размещения таких ракет в Европе в неядерном варианте обсуждалась в США в 2019–2020 гг. чиновниками и экспертами⁷. Авторы идеи считали, что развертывание неядерных ракет было бы менее дестабилизирующим по сравнению с развертыванием ядерных. Кроме того, существует мнение, что дозвуковые крылатые ракеты в меньшей степени влияют на дестабилизацию обстановки по сравнению с баллистическими или гиперзвуковыми, поскольку подлетное время дозвуковых крылатых ракет значительно больше⁸.

Мобильная система *Typhon*, имеющаяся в распоряжении Вооруженных Сил США, предполагает использование неядерных ракет: *SM-6* с максимальной дальностью 460 км и *Tomahawk* — с максимальной дальностью около 1600 км (по классификации Организации Североатлантического договора (НАТО), «средняя дальность» (*medium-range*) составляет 1000–3000 км). Точная дальность *Tomahawk Block IV* и *VB* засекречена. Система *Dark Eagle* с гиперзвуковой ракетой *LRHW*

⁷ Подробнее об этом см.: Tucker P. Expect a Missile Race After the INF Demise // *Defense One*. January 31, 2019. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2019/01/expect-missile-race-after-inf-demise/154577/> (accessed: 25.09.2024); Griffith L. Biden Should Continue Building Intermediate-Range Missiles // *Defense News*. December 23, 2020. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/12/23/biden-should-continue-building-intermediate-range-missiles/> (accessed: 26.09.2024). См. также: (Simón & Lanoszka, 2020).

⁸ Aarten S. R. The Impact of Hypersonic Missiles on Strategic Stability // *Militaire Spectator*. April 21, 2020. URL: <https://militairespectator.nl/artikelen/impact-hypersonic-missiles-strategic-stability> (accessed: 22.08.2024).

с дальностью полета около 2800 км ожидает полной готовности и считается неядерной. В 2023 г. на о-ве Борнхольм (Дания) в рамках учений НАТО уже временно развертывались пусковые установки с ракетами *SM-6*, способные запускать и *Tomahawk*⁹. Вероятно, в США обсуждается создание ядерных вариантов ракет средней дальности. Это обострило бы риск начала ядерной войны. Однако, как будет показано далее, даже отказ от ядерного оснащения американских РСМД не снизит риски эскалации.

В контексте текущей ситуации в Европе, с одной стороны, НАТО продолжает поддерживать Киев оружием и данными с систем разведки, наблюдения и рекогносцировки, постоянно подчеркивая, что альянс не хочет прямого военного столкновения с Россией¹⁰. С другой стороны, в НАТО признают сокращение финансирования и поставок оружия на Украину. Представители администрации Дж. Байдена периодически заявляли, что в случае падения киевского режима удар России по отдельным странам НАТО неизбежен¹¹. Кроме того, в январе 2024 г. представитель Совета национальной безопасности США впервые с 2020 г. заявил, что у России все еще имеются те ракеты 9M729, из-за которых Вашингтон якобы вышел из Договора о РСМД¹².

В 2024 г. Германия напомнила о принятом решении принять на ротационной основе на своей территории американские соединения с неядерными крылатыми и гиперзвуковыми ракетами средней дальности¹³. В тот момент ответом российской стороны можно было считать как напоминание о возможности Москвы прекратить соблюдать мораторий на развертывание РСМД, так и уточнение основ политики в области ядерного сдерживания. В обновленной версии документа от 2024 г. одним из условий применения ядерного оружия со стороны России указан масштабированный старт любых средств воздушно-космического нападения в направлении РФ, включая крылатые и гиперзвуковые ракеты (п. 19), а не только баллистические, упомянутые в предыдущей редакции от 2020 г.¹⁴

С указанной корректировкой ядерной доктрины РФ ситуация пока выглядит условно стабильной, но не решенной. В частности, среди уязвимых точек региональной безопасности в Европе остается Калининградская область, представляющая собой эксклав, где расположен штаб Балтийского флота РФ и важная военно-морская база. Если Москва во время острого политико-военного кризиса посчитает (корректно или ошибочно), что НАТО намерена блокировать Калининград со всех сторон,

⁹ U.S. Navy and Danish Defense Forces Train on SM-6 Missile Launcher Together // Naval News. September 21, 2023. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2023/09/u-s-navy-and-danish-defense-forces-train-on-sm-6-missile-launcher-together/> (accessed: 27.11.2024).

¹⁰ См.: NATO's Support for Ukraine // NATO. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/natos-support-for-ukraine> (accessed: 03.02.2026); NATO Says Doesn't Want Confrontation with Russia, Ready to Maintain Communication // TASS. July 11, 2024. URL: <https://tass.com/world/1815483> (accessed: 01.02.2026).

¹¹ Hunnicutt T., Holland S., Stone M. Do not let Putin Win, Biden Pleads with Republicans on Ukraine // Reuters. December 7, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/us/biden-announce-175-mln-ukraine-press-congress-more-2023-12-06/> (accessed: 12.01.2024).

¹² Arms Control and Nonproliferation: A Catalog of Treaties and Agreements // Congressional Research Service. March 2, 2026. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/RL/PDF/RL33865/RL33865.65.pdf (accessed: 03.03.2026).

¹³ Liang X. U.S. to Deploy Intermediate-Range Missiles in Germany // Arms Control Association. September 2024. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2024-09/news/us-deploy-intermediate-range-missiles-germany> (accessed: 01.11.2024).

¹⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.11.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения: 19.12.2024).

это может повлечь серьезные последствия вплоть до применения силы¹⁵.

Для полноты анализа ситуации в Европе следует учитывать доктринальные положения США и РФ. США располагают концепцией мер противоракетной обороны «до пуска» в рамках интегрированной противозушной/противоракетной обороны (ПВО/ПРО)¹⁶. В соответствии с ней, если потенциальный противник имеет большой арсенал ракет и готовится нанести ракетный удар по США, их войскам в различных регионах мира или их союзникам, то допускается нанесение упреждающего ракетного удара по соответствующим пусковым установкам или кораблям-носителям ракет противника¹⁷ как во время продолжающегося конфликта, так и — при необходимости — до начала вооруженного конфликта¹⁸.

В действующей российской Военной доктрине от 2014 г. имеется положение о неядерном сдерживании¹⁹, в рамках предотвращения агрессии в отношении РФ подразумевающее при определенных обстоятельствах в том числе нанесение упреждающего неядерного удара (Буренок, Ачасов, 2007, с. 12). Например, по жизненно важным объектам противника могут быть нанесены высокоэффективные выборочные удары, не связанные с потерями населения и живой силы противника (Буренок, Ачасов, 2007, с. 13). Ограниченным неядерным ударам могут подвергнуться следующие средства потенциального противника: корабли

и самолеты, являющиеся носителями крылатых ракет, корабли с системами ПРО, радары (Пономарёв, Поддубный, Полегаев, 2019, с. 100), средства радиоэлектронной/радиотехнической разведки, узлы связи и управления (Кокошин, 2014, с. 201). Например, речь может идти об ударе только по недавно развернутым системам.

Моделирование

После развертывания РСМД в Германии возможны два основных варианта развития событий.

Первый вариант предполагает, что Россия решает ответить развертыванием своих РСМД в Европейской части РФ. Причинами могут быть следующие обстоятельства.

1. Практический опыт активного применения в течение последних лет дозвуковых крылатых ракет по целям, прикрытым эшелонированной ПВО/ПРО, показывает, что при определенных обстоятельствах дозвуковые ракеты могут быть не менее эффективны, чем баллистические или гиперзвуковые, например, в случае численного превосходства над системами ПВО/ПРО. Следовательно, даже дозвуковые ракеты средней дальности могут быть восприняты Москвой как дестабилизирующие.

2. Неядерные ракеты, вероятнее всего, будут восприниматься Москвой как потенциально ядерные исходя из логики наихудшего

¹⁵ Подобное указано среди военных опасностей, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание. См. п. 15 (ж) «Основ государственной политики РФ в области ядерного сдерживания»: Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.11.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁶ 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. P. 8. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (accessed: 01.11.2024).

¹⁷ 2019 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. P. 60. URL: <https://media.defense.gov/2019/jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-missile-defense-review.pdf> (accessed: 01.06.2024).

¹⁸ Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability. U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff. May 10, 2017. P. 1.

¹⁹ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 10.11.2024).

сценария²⁰. Ракеты *Tomahawk* уже существовали в ядерном оснащении до 2011 г. Подобное развертывание может быть расценено как угроза обезглавливающего удара по России, что побудит Москву принять доктрину упреждающего ядерного удара вместо ныне действующей доктрины ответно-встречного удара²¹.

Таким образом, на каждом этапе цикла «действие — противодействие» в сфере стягивания сил и средств в регион у каждой стороны в теории есть возможность не отвечать. В каждом случае принятие того или иного решения будет зависеть от того, как эта сторона оценивает изменившийся баланс сил в регионе.

В рамках *второго варианта* Москва не осуществляет ответное развертывание своих РСМД. Это возможно в том случае, если российская сторона будет уверена в возможностях своих уже имеющихся в регионе наступательных ракет и систем ПВО/ПРО и не будет считать, что баланс сил в регионе сильно нарушен.

С одной стороны, при таком варианте продолжение эскалации не выглядит неизбежным, так как у НАТО тогда будет меньше стимулов к развертыванию новых ракет. С другой стороны, продолжается конфликт на Украине, а отношения между Россией и НАТО напряжены до предела. У США и РФ имеются разработанные концепции ограниченного неядерного удара по готовому к атаке противнику. При любом обострении ситуации в Европе (в связи с украинским конфликтом или обострением ситуации в Балтийском субрегионе), если одной из сторон покажется — корректно или ошибочно, что другая сторона по каким-то причинам готова на решительные действия, это может создать стимулы для упреждающего удара. Порог

применения неядерных ракетных вооружений ниже, чем ядерных. Ограниченный неядерный удар проще подать как ограниченную демонстрацию силы, направленную на разубеждение оппонента. Начало цикла «действие — противодействие» в сфере ограниченных неядерных ударов между ядерными державами, конечно, опасно переходом к ядерной войне. Однако нет никаких гарантий, что в момент кризиса это будет очевидно для всех политиков, которые играют ключевую роль в принятии решений. Рост ставок может быть сознательной манипуляцией рисками при полной уверенности (корректной или ошибочной) в том, что большой войны удастся избежать. Такой подход не исключен, и он может способствовать обострению кризиса.

Западная часть Тихого океана

Условия

Потенциально конфликтная ситуация между США и КНР в этом регионе мира отличается наличием ряда территориальных споров с участием Пекина, с одной стороны, и союзников США — с другой. Среди таковых китайско-японский спор об острове Сэнкаку (Дяоюйдао), который фактически контролирует Япония, и китайско-филиппинский спор об о-вах Спратли и рифе Скарборо, которые по факту контролирует Китай. Отдельным ключевым очагом потенциального конфликта остается Тайвань, независимость которого США формально не признают, но периодически заявляют о необходимости своего силового вмешательства, если Пекин попытается силой взять остров под свой контроль²².

²⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с годовщиной прекращения действия ДРСМД // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.08.2020. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/us/1439210/> (дата обращения: 10.11.2024).

²¹ Одноколенко О. Генерал-полковник Виктор Есин: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара» // Звезда. 08.11.2018. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2018117102-0iaAI.html> (дата обращения: 04.10.2024).

²² Liptak K., Judd D., Gan N. Biden Says US Would Respond ‘Militarily’ if China Attacked Taiwan, But White House Insists There’s No Policy Change // CNN. May 23, 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/05/23/politics/biden-taiwan-china-japan-intl-hnk> (accessed: 03.02.2026).

Доктринальная составляющая также может играть значимую роль в динамике кризисной ситуации. Выше была упомянута американская концепция мер ПРО «до пуска». В Китае, в свою очередь, разработана концепция «активной обороны», содержательное наполнение которой остается предметом дискуссий среди специалистов²³. В официальных китайских публикациях по военной стратегии сформулированы тезисы как в поддержку упреждающих неядерных ударов²⁴, так и против них²⁵. Проблема именно в том, что позиция американских военных, состоящая в том, что руководство КНР склонно нанести упреждающий неядерный удар²⁶, сама по себе уже дестабилизирует ситуацию, поскольку в условиях политико-военного кризиса Вашингтон может иметь стимул действовать на опережение.

По оценкам США, у Ракетных войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в распоряжении находится суммарно около 3100 баллистических и крылатых ракет наземного базирования с дальностью 300–5500 км и около 1000 пусковых установок для них²⁷. Некоторые из этих ракет в случае запуска с территории КНР способны поразить военные объекты США и их союзников вплоть до о-вов Палау и Марианских о-вов (так называемая «Вторая цепь островов»).

Развертывание американских ракет средней дальности в Азиатско-Тихоокеанском регионе необязательно предполагает их нахождение на стационарных позициях. Ракеты могут периодически перемещать между несколькими точками, в том числе в рамках учений. Среди возможных районов развертывания этих ракет, прежде всего, — территории, где уже располагались в прошлом или все еще находятся военные объекты США, а именно Марианские о-ва (Гуам, Сайпан, Тиниан), о-ва Пелелиу и Палау, где планируется восстановить аэродром и построить загоризонтную радиолокационную станцию (РЛС). Расположенные на этих островах системы *Typhon* могли бы реализовать лишь свой противокорабельный потенциал (ракеты *SM-6*), так как «Вторая цепь островов» находится на большем расстоянии от континентального Китая, чем заявленная дальность ракет *Tomahawk*. Однако постоянное присутствие мобильных систем на указанных островах позволит быстро развернуть их на более опасных для КНР позициях — в Японии и на Филиппинах.

Известно, что вариант размещения указанных ракет в Японии прорабатывается администрацией США²⁸, при том что Токио и так планирует закупить около 400 ракет *Tomahawk*²⁹. Так или иначе, ракеты *Tomahawk* с территории Японии (включая о. Окинава)

²³ О дискуссиях китайских экспертов насчет применимости неядерных ракет для разубеждения противника в продолжении эскалации см.: (Cunningham & Fravel, 2019, pp. 98, 103). Относительно упреждающих ударов по радарам и системам ПРО см.: Степанов А. Основные тенденции развития китайских ракетно-ядерных сил // Российский совет по международным делам. 13.10.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-tendentsii-razvitiya-kitayskikh-raketno-yadernykh-sil/> (дата обращения: 12.12.2025).

²⁴ См. неофициальный перевод: Science of Military Strategy 2013. In Their Own Words: Foreign Military Thought. Montgomery, AL : China Aerospace Studies Institute, 2013. P. 58, 60.

²⁵ См. неофициальный перевод: Science of Military Strategy 2020. In Their Own Words: Foreign Military Thought. Montgomery, AL : China Aerospace Studies Institute, 2020. P. 32, 133.

²⁶ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China // U.S. Department of Defense. 2024. P. 33–34. URL: <https://media.defense.gov/2024/Dec/18/2003615520/-1/-1/0/MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA-2024.PDF> (accessed: 06.02.2025).

²⁷ Ibid. P. 66, 166.

²⁸ Moriyasu K. U.S. Wants to Deploy Midrange-Missile Launcher to Japan via Drills // Nikkei Asia. September 6, 2024. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/U.S.-wants-to-deploy-midrange-missile-launcher-to-japan-via-drills> (accessed: 10.09.2024).

²⁹ Woody C. Philippines, Japan Near Long-Range Missile Milestones as They Arm Up for China // Breaking Defense. March 15, 2024. URL: <https://breakingdefense.com/2024/03/philippines-japan-near-long-range-missile-milestones-as-they-arm-up-for-china/> (accessed: 07.10.2024).

могли бы поразить цели в пределах Восточного Китая, где развернута большая часть всех ракетных соединений НОАК³⁰.

Развернутые в 2024 г. на Филиппинах в рамках региональных учений США с их союзниками батареи ракетного комплекса *Typhon* на момент написания данной статьи по-прежнему находились на территории страны³¹. Ракеты *Tomahawk*, запущенные системой *Typhon* с Филиппин, могут поразить объекты только в южных районах Китая, но именно там развернуты соединения ракетных войск НОАК, оснащенные ракетами малой и средней дальности, в том числе противокорабельными³². Ракеты *SM-6* и *PrSM*, способные уничтожать корабли и наземные объекты, будучи развернутыми на Филиппинах, могли бы поражать цели вокруг спорных рифов Скарборо и большей части территории о-вов Спратли. Гиперзвуковые ракетные комплексы *Dark Eagle* в случае развертывания на Гуаме смогут поразить цели только на Тайване, но не на континентальном Китае. Если их развернуть на Южных Филиппинах или на о. Палау, то в радиусе поражения окажется весь Южный Китай с вышеупомянутыми ракетными соединениями, а если развернуть *Dark Eagle* на о. Лусон (Северные Филиппины), то он сможет поражать цели вплоть до Пекина³³. Среди потенциальных мишеней американских неядерных РСМД — не только ракеты и их пусковые установки, но и узлы связи, командные пункты, средства радиоэлектронной/радиотехнической разведки, радиоэлектронной борьбы, радары.

Моделирование

С учетом нынешнего фактического развертывания *Tomahawk* на Филиппинах существует два варианта развития событий.

Первый вариант состоит в том, что Китай дополнительно развернет новые наступательные ракеты и системы ПВО/ПРО. Однако, как и в Европе, на каждом этапе продолжения цикла «действие — противодействие» в сфере стягивания сил и средств в регион у каждой стороны в теории имеется возможность не отвечать. В каждом случае это будет зависеть от того, как эта сторона оценивает изменившийся баланс сил в регионе.

Второй вариант предусматривает, что Китай не примет никаких мер по наращиванию своего арсенала ракет с дальностью 500–5500 км и не усилит свою архитектуру ПВО/ПРО. Это возможно в том случае, если Пекин будет полностью уверен в возможностях своих наступательных ракет и систем ПВО/ПРО.

Даже если Китай не отреагирует на такое развертывание, присутствие рассматриваемых американских ракет в регионе будет повышать риски обмена ограниченными ударами, особенно в случае роста напряженности в отношениях между США и КНР в целом и в вышеуказанных очагах на Тихом океане в частности. Предпосылкой для этого служат ранее упомянутые концепции упреждающего неядерного удара по готовому к атаке противнику. В условиях политико-военного кризиса США могут исходить из того, что удары неядерным оружием по их ключевым военным объектам в регионе (например, по базам в Японии и на о. Гуам) могут привести

³⁰ Nouwens V., Wright T., Graham E., Herzinger B. Long-Range Strike Capabilities in the Asia-Pacific: Implications for Regional Stability. London : The International Institute for Strategic Studies, 2024. P. 13, 23. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/2024/01/long-range-strike/long-range-strike-capabilities-in-the-asia-pacific--implications-for-regional-stability.pdf> (accessed: 31.01.2025).

³¹ Gomez J. US Missile System Will Remain in Philippines Despite China's Alarm // The Associated Press. September 25, 2024. URL: <https://apnews.com/article/us-philippines-china-military-typhon-midrange-missile-system-69242b99335eb55032894fbc83d75135> (accessed: 27.09.2024).

³² Nouwens V., Wright T., Graham E., Herzinger B. Long-Range Strike Capabilities in the Asia-Pacific: Implications for Regional Stability. London : The International Institute for Strategic Studies, 2024. P. 13. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/research-papers/2024/01/long-range-strike/long-range-strike-capabilities-in-the-asia-pacific--implications-for-regional-stability.pdf> (accessed: 31.01.2025).

³³ Ibid. P. 23.

к утрате Вашингтоном инициативы из-за временной потери оперативного управления, потере части их сил и средств, а также создадут условия для действий НОАК, которые поставят Вашингтон и его партнеров перед свершившимся фактом достижения Китаем своих целей на Тайване или Сенкаку. Однако в случае, если американские военные будут уверены, что их силы и средства выдержат этот удар, а потери будут не на том уровне, при котором подразделения не выполнят своих задач, то США, скорее всего, воздержатся от упреждающего удара.

Если предположить, что США все же произведут упреждающий удар, то следует принимать во внимание известную практику НОАК в одном ракетном подразделении иметь и ядерные, и неядерные боеголовки для одних и тех же ракет (Cunningham & Fravel, 2019, p. 94). Эти ракеты могут быть уязвимы при неядерных ударах. Как КНР будет реагировать на потерю хотя бы части своего небольшого ядерного арсенала во время кризиса в условиях, когда эти потери причинены неядерными вооружениями, неизвестно. Однако Пекин обязательно ответит ядерным ударом, учитывая доктрину неприменения ядерного оружия первым. Это может быть сопоставимый неядерный удар по объектам США. Продолжение цикла «действие — противодействие» уже в форме ограниченных неядерных ударов может привести к росту эскалации, хотя, строго говоря, переход ядерного порога не гарантирован.

Обсуждение результатов

Даже если ни одна из указанных сторон вероятного противостояния (Россия, Китай, США) не будет в этот момент заинтересована в прямой войне с оппонентом, условия политико-военного кризиса могут быть таковы, что противостоящие стороны могут неверно истолковать или воспринять меры оппонента в сфере сдерживания. Обе вовлеченные стороны могут оказаться в ситуации, когда меры, принятые для сдерживания активных действий оппонента, в конечном итоге из-за

просчета стимулируют нежелательные действия. Таким образом цикл «действие — противодействие» в сфере наращивания вооружений продолжится, но совсем необязательно он закончится применением силы.

В случае острого кризиса, если какая-либо из сторон сочтет (корректно или ошибочно), что применение ракет оппонентом неизбежно, то эта сторона может решить первой провести ограниченный неядерный удар по одному-двум военным объектам потенциального противника, подав это как ограниченную демонстрацию силы, чтобы послать противной стороне четкий сигнал. Во время кризиса стороны могут рассматривать такую атаку либо как ограниченную меру сдерживания, либо как первый шаг к захвату инициативы в регионе. Так может начаться и развиваться цикл «действие — противодействие» в сфере ограниченных неядерных ударов, при этом переход к большой войне не является предопределенным.

Порог применения обычных вооружений ниже, чем у ядерных. Применение неядерных ракет малой и средней дальности различных типов базирования в последние три года показывает, что они дают возможность наносить ограниченный, но политически чувствительный урон потенциальному противнику с относительно небольшими или даже нулевыми человеческими потерями для этого противника. Подобные атаки позволяют угрожать уничтожением военного корабля, радара, средств радиоэлектронной/радиотехнической разведки и радиоэлектронной борьбы, временным выведением из строя аэродрома, сети боевого управления, элементов энергетической инфраструктуры либо позволяют наносить подобные удары без риска вызвать всемирное осуждение, как, вероятно, было бы в случае применения ядерного оружия.

Отдельного упоминания заслуживает фактор эшелонированной ПВО/ПРО. Она имеется и развивается у РФ, КНР и у войск США и их партнеров в Европе и Восточной Азии. Региональная ПРО может частично повысить порог для ракетной атаки, но не предотвратит массированный пуск ракет малой и средней

дальности в кризисной ситуации, когда одна из сторон воспринимает ее как безвыходную и не видит иного варианта, кроме упреждающего удара в ожидании якобы неизбежной атаки противника³⁴. Однако поскольку обе стороны думают в данном случае о применении не ядерного оружия с его огромной разрушительной мощностью, а об обычных вооружениях, стороны могут отложить решение об ответе до выяснения результата ракетной атаки со стороны оппонента, особенно при наличии систем ПРО.

В целом кризисная ситуация, сложившаяся как до момента применения неядерных вооружений, так и после него, будет тем фоном, на котором будут урегулироваться политические противоречия между вовлеченными сторонами. Выше было показано, что на каждом этапе риски дестабилизации могут оцениваться участниками как реальные. Без этого обстоятельства оказание давления невозможно. К сожалению, участники противостояния, в частности администрация США, могут пытаться балансировать на грани скатывания к большей войне, чтобы добиться политических уступок от своих оппонентов.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что обострение ситуации не является единственным возможным следствием развертывания американских ракет средней и малой дальности в Европе и западной части Тихого океана. Были рассмотрены различные варианты того, как ситуация может меняться после появления указанных вооружений в региональном

балансе сил между РФ и США и между КНР и США. Стечение определенных обстоятельств может привести к острому политико-военному кризису, где обе вовлеченные стороны могут, не желая того, способствовать ухудшению ситуации. С одной стороны, эскалация до крупномасштабной войны остается реальной возможностью, а с другой — подобная война не является неизбежным исходом. Наличие возможности урегулирования обусловлено самим характером рисков либо применения силы, либо скатывания к большой войне. Хотя политико-военным кризисом по определению тяжело управлять, к сожалению, это не означает, что никто из участников не будет делать попыток воспользоваться ситуацией, чтобы добиться своих целей.

Учитывая возможность избежать острого кризиса или большой войны даже при продолжении давления на оппонента, администрация США может и далее продолжать реализацию своей инициативы по развертыванию неядерных РСМД наземного базирования в Европе и западной части Тихого океана. Вероятно, неядерные высокоточные вооружения малой и средней дальности будут укреплять у администрации США представление о возможности (или иллюзии возможности) ведения ограниченного вооруженного конфликта с ядерной державой без перехода ядерного порога, оказания давления на оппонента, обладающего ядерным оружием, балансируя на грани большой войны (или даже ядерной войны), и манипулирования рисками, чтобы вынудить оппонента на политические уступки.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 16.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Арбатов А. Г. Глобальная стабильность в ядерном мире // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 6. С. 560–570. <https://doi.org/10.31857/S0869587321050030>; EDN: OQIXKN
Буренок В. М., Ачасов О. Б. Неядерное сдерживание // Военная мысль. 2007. № 12. С. 12–16. EDN: IJAPRF

³⁴ Подробнее об этом автор уже высказался ранее, см.: (Криволапов, 2022; 2023).

- Есин В.И.* Возможные последствия прекращения действия Договора о РСМД // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № S1. С. 20. <https://doi.org/10.18254/S207054760005316-4>; EDN: ZFCGYF
- Золотарёв П.С.* Возможные подходы к снижению рисков ядерной эскалации на региональном уровне // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 3. С. 9. <https://doi.org/10.18254/S207054760017020-9>; EDN: OZZGTH
- Кокошин А.А.* Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание: приоритеты современной эпохи // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 3. С. 195–205. <https://doi.org/10.7868/S0869587314030086>; EDN: RXFQCL
- Криволапов О.О.* Влияние региональной ПРО НАТО на европейскую безопасность // Современная Европа. 2022. № 3. С. 132–144. EDN: GGOQUV
- Криволапов О.О.* Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 39–53. <https://doi.org/10.31857/S0869049923030036>; EDN: GHKWCV
- Пономарёв С.А., Поддубный В.В., Полегаев В.И.* Критерии и показатели неядерного сдерживания: военный аспект // Военная мысль. 2019. № 11. С. 97–100. EDN: KNBJBF
- Рогов С.М.* Глобальная и региональная стабильность в ядерном мире // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 6. С. 571–584. <https://doi.org/10.31857/S0869587321050212>; EDN: CLUUUI
- Чеков А.Д.* Пять лет без ДРСМД — уроки и перспективы // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 5. С. 194–215. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-194-215>; EDN: UOSPXX
- Cunningham F.S., Fravel M.T.* Dangerous Confidence? Chinese Views on Nuclear Escalation // *International Security*. 2019. Vol. 44, iss. 2. P. 61–109. https://doi.org/10.1162/isec_a_00359
- Fravel M.T.* *Active Defense : China's Military Strategy Since 1949*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2019. <https://doi.org/10.2307/j.ctv941tzj>
- Jervis R.* Deterrence and Perception // *International Security*. 1982. Vol. 7, no. 3. P. 3–30. <https://doi.org/10.2307/2538549>
- Jervis R.* Deterrence Theory Revisited [Review of *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*, by A. George & R. Smoke] // *World Politics*. 1979. Vol. 31, no. 2. P. 289–324. <https://doi.org/10.2307/2009945>
- Krepinevich A. T., Jr.* How to Deter China: The Case for Archipelagic Defense // *Foreign Affairs*. 2015. Vol. 94, no. 2. P. 78–86. URL: <http://www.jstor.org/stable/24483484> (accessed: 12.03.2025).
- Kühn U.* Between a Rock and a Hard Place: Europe in a Post-INF World // *The Nonproliferation Review*. 2019. Vol. 26, iss. 1–2. P. 155–166. <https://doi.org/10.1080/10736700.2019.1593677>
- Schelling T.C.* *Arms and Influence*. New Haven : Yale University Press, 2008. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vm52s>
- Simón L., Lanoszka A.* The Post-INF European Missile Balance: Thinking about NATO's Deterrence Strategy // *Texas National Security Review*. 2020. Vol. 3, iss. 3. P. 12–30. <http://dx.doi.org/10.26153/tsw/10224>
- Stepanov A.S.* China's Concept of Military Security // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, no. 2. P. 188–216. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-2-188-216>; EDN: PBZRYO
- Zhao T.* Conventional Long-Range Strike Weapons of US Allies and China's Concerns of Strategic Instability // *The Nonproliferation Review*. 2020. Vol. 27, iss. 1–3. P. 109–122. <https://doi.org/10.1080/10736700.2020.1795368>; EDN: AAKCCG

Сведения об авторе:

Криволапов Олег Олегович — кандидат политических наук, руководитель Отдела военно-политических исследований, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова; Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., д. 2/3; eLibrary SPIN-код: 2350-0021; ORCID: 0000-0001-9658-2671; e-mail: o.krivolapov@iskran.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-20-31

EDN: TEOILI

Научная статья / Research article

Политика Турции в сфере нераспространения ядерного оружия: история и перспективы

Т.В. Каширина¹ , В.В. Цибенко² ¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация tsibenkovv@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью ядерного оружия в международных отношениях не только как средства политического, но и военно-стратегического влияния и противостояния, а также размыванием правового режима нераспространения ядерного оружия. Турция, официально являясь неядерным государством, но членом Организации Североатлантического договора (НАТО), имеет на своей территории ядерное оружие и радар противоракетной обороны (ПРО). Цель исследования — выявить особенности политики Анкары и ее перспективы в сфере нераспространения ядерного оружия (НЯО). Научная новизна исследования заключается в рассмотрении исторических основ турецкой политики в сфере НЯО, определении комплекса факторов, влияющих на политику Анкары, и выявлении трех ее основных направлений — тактическое ядерное оружие, система американской/европейской системы ПРО, мирный атом. Научная проблема рассмотрена в рамках неореализма, на основе проблемно-хронологического принципа, принципов диалектики, объективности, историографической традиции. Были использованы традиционные исторические методы — ретроспективный, конкретно-исторический и сравнительно-исторический. Сделан вывод, что в настоящее время вопрос об официальном старте собственной ядерной программы не стоит на повестке дня в Турции, поскольку это может спровоцировать региональную гонку вооружений, в которой Турция будет в позиции догоняющего в отношении таких региональных акторов, как Иран и Израиль. В этой связи Турция заинтересована в сдерживании распространения ядерного оружия и в целом соблюдает режим НЯО и подписанные международные договоры в этой сфере. При этом Турция является важным элементом системы коллективной безопасности НАТО, и ее позиция по вопросу ядерного оружия во многом зависит от членства в этой организации.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, противоракетная оборона, ядерный фактор, ядерное сдерживание, американо-турецкие отношения, безопасность России, глобальная безопасность

Вклад авторов. Каширина Т.В.: подготовка черновика статьи, редактирование рукописи, анализ полученных данных по политике США в отношении Турции, по евроПРО, написание текста. Цибенко В.В.: подготовка черновика статьи, редактирование рукописи, анализ полученных данных по политике Турции в НАТО, по НЯО, написание текста. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Каширина Т.В., Цибенко В.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Каширина Т.В., Цибенко В.В.* Политика Турции в сфере нераспространения ядерного оружия: история и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2026. Т. 26, № 1. С. 20–31. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-20-31>; EDN: TEOILI

Türkiye's Nuclear Nonproliferation Policy: History and Prospects

Tatyana V. Kashirina¹ , Veronika V. Tsibenko²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 tsibenkovv@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic lies in the increasing role of nuclear weapons in international relations, both as a political and military tool and as a means of exerting influence and engaging in confrontation. It also lies in the erosion of the legal regime for the non-proliferation of nuclear weapons. Türkiye, while officially a non-nuclear state, is a NATO member and has nuclear weapons and missile defense radars on its territory. This article aims to explore Ankara's policy and its prospects in the field of nuclear non-proliferation (NWF). The scientific novelty of the study is to examine the historical foundations of Turkish nuclear defense policy, to identify a set of factors influencing Ankara's policy, and to identify its three main areas — tactical nuclear weapons, the American/European missile defense system, and the peaceful atom. The scientific problem is considered within the framework of neorealism based on the problem-chronological approach, the principles of dialectics, objectivity, and the historiographical tradition. Traditional historical methods, such as retrospective, concrete historical, and comparative historical methods, were employed. It is concluded that at present time, the issue of Türkiye's official launch of its own nuclear program is not on the agenda, as it may provoke a regional arms race, in which Türkiye will be in a position of catching up with regional actors such as Iran and Israel. In this regard, Türkiye is interested in preventing the proliferation of nuclear weapons and, in general, adheres to the nuclear non-proliferation regime, having signed international treaties in this area. At the same time, Türkiye is an important element of the NATO collective security system, and its position on the issue of nuclear weapons largely depends on its membership in this organization.

Key words: international relations, foreign policy, nuclear weapons, nuclear deterrence, nuclear factor, non-proliferation, missile defense, Turkish politics, U.S.-Turkish relations, Russian security, global security

Authors' contributions. T.V. Kashirina: preparation of the draft of the article, editing of the manuscript, analysis of the data obtained on US policy towards Türkiye, on European missile defense, writing the text. V.V. Tsibenko: preparation of the draft of the article, editing of the manuscript, analysis of the data obtained on Türkiye's policy in NATO, on the Nuclear non-proliferation, writing the text. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kashirina, T.V., & Tsibenko, V.V. (2026). Türkiye's nuclear nonproliferation policy: History and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 20–31. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-20-31>; EDN: TEOILI

Введение

Актуальность исследования политики Турции в сфере нераспространения ядерного оружия (НЯО) обусловлена существенной ролью этого неядерного государства, граничащего с Россией в Черном

море, подписавшего ряд международных договоров в сфере нераспространения ядерного оружия, но имеющего на своей территории в качестве члена Организации Североатлантического договора (НАТО), во-первых, тактическое ядерное оружие (ТЯО), во-вторых, радар в рамках создаваемой

Вашингтоном системы противоракетной обороны (ПРО).

Цель исследования — изучить политику Анкары и ее перспективы в сфере нераспространения ядерного оружия, задачи — проанализировать членство Турции в НАТО как фактор развития турецкой ядерной программы; рассмотреть историю развития ядерного потенциала Турции; исследовать политику Анкары в сфере обладания и возможного наращивания ТЯО; изучить позиции Турции в свете размещения элементов американской/европейской системы ПРО, а также по развитию мирного атома.

Материалами для исследования послужили официальные документы турецкого руководства в сфере внешней политики и безопасности, а также российского и американского руководства; публикации, содержащие официальную позицию Анкары и Вашингтона в турецкой и американской прессе; научные статьи турецких, российских и американских исследователей.

В основе методологии исследования лежит системный (комплексный) подход, позволивший рассмотреть проблему в совокупности и взаимосвязи всех составных элементов. Научная проблема рассмотрена в рамках неореализма, в контексте формирования баланса сил в системе международных отношений, на основе проблемно-хронологического принципа, принципов диалектики, объективности, историографической традиции. Были использованы традиционные исторические методы — ретроспективный, конкретно-исторический и сравнительно-исторический.

Вопросу позиции Турции по ядерному фактору уделяется много внимания западными (Criss, 1997; Fuerth, 2004; Polser, 2004) и турецкими исследователями¹. Главным экспертом выступает М. Кибароглу, который в целом негативно оценивает перспективы

развития турецкой ядерной программы (Kibaroglu, 2005; Kibaroglu, 2012).

В 2024 г. один из ведущих экспертных центров Турции STRASAM подготовил доклад по вопросу, нуждается ли Турция в ядерном оружии для обеспечения своей безопасности, и в этом докладе такая возможность была связана с обстановкой в регионе². В целом выраженную приверженность турецкой стороны к стратегии ядерного сдерживания выражает работа П. Таджара, подготовленная для Комиссии по атомной энергетике при Офисе премьер-министра Турции еще в 1970 г. (Tasar, 1970).

В России также представлены отдельные работы по этой проблематике (Миргород, 2022), хотя основное внимание уделяется все же американо-турецкому сотрудничеству в сфере безопасности (Алиева, 2018; Свистунова, 2016; 2022)

Официальная позиция Турции по распространению ядерного вооружения

Турция принимает деятельное участие во многих соглашениях по контролю над вооружениями и разоружению. В 1969 г. Турция подписала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и ратифицировала его в 1980 г. (Duman, 2023). Страна стала участником многих программ по контролю вооружений, среди которых Вассенаарское соглашение (один из основателей, 1996 г.), Режим контроля за ракетными технологиями (с 1997 г.), Комитет Цангера (с 1999 г.) и Группа ядерных поставщиков (с 2000 г.). Анкара также поддерживает ряд дополнительных инициатив, таких как Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, Глобальная инициатива по борьбе

¹ Uygur H., Toprak E.G. Nükleer İran ve Türkiye'ye Etkileri: Seçenekler ve Sonuçlar // Perspektif. İran Araştırmaları Merkezi (İRAM). 2023 (Temmuz). URL: https://iramcenter.org/uploads/files/NukleerIranVeTurkiyeyeEtkileri_v5.pdf (accessed: 11.12.2025). См. также: (Süvari, 2017).

² Altıntaş N., Önder E. Türkiye'nin Güvenlik İhtiyacı İçin Nükleer Silaha İhtiyacı Var mı? // STRASAM. Febyary 5, 2024. URL: <https://strasam.org/strateji/ulusal-guvenlik/turkiyenin-guvenlik-ihtiyaci-icin-nukleer-silaha-ihtiyaci-var-mi-2890> (accessed: 10.15.2025).

с актами ядерного терроризма, Инициатива по нераспространению и разоружению, Международное партнерство по верификации ядерного разоружения и Инициатива «Создание среды для ядерного разоружения». В 1997 г. Турция также присоединилась к режиму контроля над ракетными технологиями, а в 1996 г. подписала Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Турция также приняла активное участие в повышении эффективности гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), подписав Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ и ратифицировав его в 2000 г. (Кибароглу, Гюрзель, 2008, с. 119).

Как уже отмечалось, Турция является членом Инициативы по нераспространению и разоружению — коалиции государств в рамках ДНЯО, сформированной в 2010 г. с целью реализации Заключительного документа Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО. В 2018 г. Турция в последний раз исполняла обязанности действующего председателя Конференции. Турция поддерживает инициативу по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке, попытка реализации которой осуществляется с 1995 г. в рамках Обзорных конференций по ДНЯО.

Однако Анкара наряду с другими членами НАТО, на территории которых сейчас размещено ядерное оружие США, и странами — обладателями ядерного оружия не присоединилась к Договору о запрещении ядерного оружия 2017 г. (вступил в силу в 2021 г.). Этот шаг можно расценить, с одной стороны, как стремление не лишиться американского ядерного оружия и не испортить отношения с Вашингтоном. С другой стороны, явно прослеживается нежелание Анкары полностью закрыть для себя возможный путь к обладанию ядерным оружием.

Официальная позиция Турции выражена в ряде документов. В частности, МИД Турции опубликовал стратегическое видение национальной внешней политики в объявленный президентом страны в 2023 г. «век Турции»³. В этой программе подчеркивается миролюбивый характер турецкой внешнеполитической линии, однако приводятся основания для проактивной региональной и глобальной политики: центральное географическое положение Турции, ее историческое богатство, сильные институты и человеческий капитал, динамичная экономика. Это дает возможность Турции претендовать на защиту своих национальных интересов на глобальной арене, а также выступать в качестве регионального лидера с независимой политикой, обеспечивающего мир и безопасность в регионе. В этой системе координат, заданной национальными интересами и вопросами национальной безопасности Турции, на первое место выдвигаются борьба с терроризмом и экстремизмом, предотвращение конфликтов и их мирное урегулирование при посреднической роли Турции.

Этот тезис развивается МИД в его официальной позиции по контролю над вооружениями и разоружению⁴. Обозначается озабоченность угрозой распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и его захвата террористами, обеспокоенность нарушением договоров и соглашений, общим регрессом в данной сфере, подчеркивается важность сохранения стабильности и укрепления институциональной базы для нераспространения, а также важность участия Турции в механизмах контроля. Как указывается в программе «Турецкая внешняя политика в век Турции», представленной министром иностранных дел Турции Х. Фиданом в ноябре 2024 г. в турецком парламенте, текущие неблагоприятные условия для безопасности, допускающие неконтролируемые поставки оружия, увеличивают риск перехвата этих военных материалов,

³ Türkiye Yüzyılı'nda Milli Dış Politika // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa> (accessed: 05.12.2024).

⁴ Silahların Kontrolü ve Silahsızlanma // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/silahlarin-kontrolu-ve-silahsızlanma.tr.mfa> (accessed: 05.12.2024).

особенно террористическими организациями. Это создает дополнительную угрозу безопасности не только для зон конфликтов, но и для всех стран, ведущих борьбу с терроризмом, особенно Турции. В этих условиях Турции необходима «решительная и сильная внешняя политика», а сама она готова принять участие в выработке новой архитектуры европейской безопасности⁵.

Важно отметить, что в Документе по секторальной стратегии оборонной промышленности на 2023–2027 гг. отсутствует раздел по ядерному вооружению, однако отражена общая стратегия страны в отношении других видов вооружения. В частности, первая из целей сектора по развитию производства боеприпасов в качестве главной задачи указывает на придание боеприпасам тяжелого класса свойств, которые еще больше усилят воздействие на цель. На данный момент Турция уже имеет собственные крылатые ракеты *SOM* и противокорабельные крылатые ракеты *ATMACA*, которые могут быть потенциально оснащены ядерными боеголовками. В этой связи важно, что основной упор в стратегии развития отрасли делается на локализации производства всех компонентов (уже с 2022 г. *SOM* выпускаются с турецкими двигателями), минимизации затрат и увеличении дальности полета⁶.

В части стратегии, обозначенной в документе, уместно привести цитату Халука Горгюна, главы Управления оборонной промышленности при президенте Турции: «Учитывая конъюнктуру, в которой находится мир, становится очевидной важность принятия необходимых мер для подготовки к войне в мирное время. Сила сегодня заключается в том, чтобы обладать технологиями и возможностями, которые будут присутствовать на поле уже сегодня, создавая эффект

внезапности и не оставляя противникам шанса на победу»⁷. Данное высказывание в полной мере отражает общий настрой Турции и ее планы в области вооружений.

Политика Турции в сфере НЯО в условиях членства в НАТО и турецко-американских отношений

Проблематика ядерной политики Турции не может быть рассмотрена вне контекста отношений Турции с НАТО и США. Турция традиционно рассматривалась как один из ключевых военно-политических плацдармов Западного блока в рамках противостояния Восточному в ходе холодной войны (Baharçişek & Ekici, 2016). Безопасность, центральным элементом которой для Турции является прикрытие ее территории «ядерным зонтиком», выступает основой для приверженности Турции сохранению участия в западном военном блоке и отношений с США, несмотря на высокую степень недовольства американской политикой в регионе и в отношении самой Турции (Efe, 2019). Еще в 1997 г. турецкие дипломаты открыто заявляли, что без размещения американского ядерного оружия в Турции НАТО не будет значить для турок ничего (Kibaroglu, 2005, p. 455).

На двусторонние отношения Турции и США существенное влияние оказывают ряд факторов. В первую очередь, это значимая для Турции курдская проблема, обусловившая расхождение позиций Анкары и Вашингтона в отношении курдов в ходе военной операции США в Ираке в 2000-х гг. и активное вмешательство Турции в сирийский конфликт, разгоревшийся в 2011 г., что затрагивало и интересы России.

Вторым фактором выступает проблема признания геноцида армян, который

⁵ Belirsizlikler Çağında Karaklı ve Güçlü Türk Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/belirsizlikler-caginda-karakli-ve-guclu-turk-dis-politikasi-2025-kitapcik.pdf (accessed: 25.12.2024).

⁶ 2023–2027 Savunma Sanayii Sektorel Strateji Dokumanı // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. URL: <http://www.sp.gov.tr/tr/temel-belge/s/242/Savunma+Sanayi+Sektorel+Strateji+Belgesi+2023-2027> (accessed: 25.12.2024).

⁷ Ibid.

в период президентства в США Дж. Байдена в 2019 г. был признан Вашингтоном на государственном уровне. Несмотря на призывы американской администрации и даже намеки на применение мер давления на президента Р.Т. Эрдогана⁸, турецкая сторона не пошла на изменение принципиальной для Анкары позиции по данному вопросу.

Один из важнейших факторов — политика усиления на Ближнем Востоке американского союзника в лице Израиля (особенно на фоне потенциального развала сирийского государства после свержения Б. Асада), неофициально обладающего ядерным оружием, что, естественно, болезненно воспринимается Анкарой, активно претендующей на роль ближневосточного регионального лидера.

Следующий фактор — политика Ирана, давнего американского противника в регионе. С одной стороны, Турция не заинтересована в дальнейшем усилении США на Ближнем Востоке. И здесь наличие антиамериканской политики Тегерана даже выгодно турецкому руководству. Однако, с другой стороны, дальнейшие позиции Ирана в регионе в свете падения союзнического Тегерану режима Б. Асада в Сирии остаются несколько неопределенными, как и вся ближневосточная конфигурация. Это открывает для Турции окно возможностей, но одновременно несет и очевидные риски.

Еще одним фактором является давняя нерешенная проблема вступления Турции в Европейский союз (ЕС), тем более, что союзники Анкары по НАТО являются членами Евросоюза, включая — и это особенно чувствительно для Турции — Грецию. Источником разногласий выступает и позиция США по военно-техническому сотрудничеству Турции с Россией (речь идет главным образом о поставках российских ракет С-400).

Несмотря на указанные факторы, сегодня Турция продолжает оставаться активным и значимым членом НАТО. Одновременно

она пытается проводить независимую политику внутри альянса, что в последнее время подчеркивал долгий процесс согласования позиции Турции по вступлению в блок новых членов — Швеции и Финляндии. Именно членство Турции в НАТО во многом определяет ее отношение к созданию и распространению ядерного оружия, что будет рассмотрено ниже.

Размещение тактического ядерного оружия на территории Турции

Уже на следующий год после одобрения Генассамблеей ООН ДНЯО 1968 г. к нему присоединилась Турция. Однако до официальной ратификации прошло еще 12 лет, за которые, как считается, Турция могла всерьез рассматривать вопрос развития собственной ядерной программы (Fuerth, 2004). Основными причинами, по которым Турция приняла решение о ратификации ДНЯО, исследователи считают гарантии безопасности, полученные ею со стороны НАТО, разрешение на использование мирного атома, а также возможность для участника в любой момент выйти из Договора (Süvari, 2017). Гарантии безопасности были подтверждены размещением на территории Турции военнослужащих США и тактического ядерного оружия.

Еще в 1961 г. на основе двустороннего договора о сотрудничестве между Турцией и США от 5 марта 1959 г., где прописывалось взаимодействие в обеспечении безопасности и обороны от прямых и непрямых угроз, американцы разместили в районе Измира у военной авиабазы Чигли 15 ядерных баллистических ракет средней дальности «Юпитер» (SM-78), которые могли быть использованы решением главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе при условии одобрения со стороны США и Турции. Жесткая советская реакция на размещение ядерного оружия у своих рубежей

⁸ Сучков М. Политическая история: почему США признали геноцид армян // Forbes. 27.04.2021. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/427839-politicheskaya-istoriya-pochemu-ssha-priznali-genocid-armyan> (дата обращения: 10.01.2025).

и последовавший Карибский кризис 1962 г. привели к выводу ракет с турецкой территории, однако их место заняли ядерные бомбы В-61. Согласно американской позиции, это не противоречило ДНЯО, поскольку данное вооружение на территории Турции контролировалось американскими военными, хотя и переходило в распоряжение турецких военных в случае войны (Sechser, 2015, pp. 5, 11–12; Süvari, 2017, p. 180).

Следует отметить, что решение о выводе ракет «Юпитер» принималось без участия и даже информирования Турции, что спровоцировало рост антиамериканских настроений в стране и серьезную напряженность в отношениях с США, усугубленную озвученной в 1964 г. президентом США Л. Джонсоном прямой угрозой снять с себя обязательства по защите Турции от советской угрозы в случае, если Анкара пойдет на обострение ситуации на Кипре (Süvari, 2017, p. 186). Неподконтрольность ядерного оружия на турецкой территории турецкому руководству и сегодня вызывает общественный резонанс и выступает одним из основных аргументов против его размещения в Турции.

Если в постсоветский период главной целью возможного применения ядерного оружия с территории Турции считается Иран с учетом его ядерной программы, то в период холодной войны такой мишенью был СССР. Установленные в Турции ракетные системы являлись важными для интересов США, учитывая тогдашнюю 250-мильную границу Турции с Советским Союзом. Радарные установки, расположенные на территории Турецкой Республики, позволяли отслеживать испытания советских ракет, а также контролировать значительную часть воздушного пространства Советского Союза. Ракеты класса «земля — воздух» охраняли подходы к проливам Босфор и Дарданеллы, авиабаза в Инджирлике являлась ключевой площадкой

для истребителей-бомбардировщиков США в Восточном Средиземноморье, крупные склады военно-морских поставок и топлива базировались в турецких портах, а станции береговой охраны обеспечивали навигацию дальнего действия для американского 6-го флота. В случае военных действий страны НАТО, согласно отдельному соглашению 1982 г.⁹, предусмотрели развертывание американской тактической авиации на турецких передовых авиабазах Эрзурум, Ван, Батман, Муш, Диярбакыр, Мюртед, Эскишехир, Измир и Чигли.

В настоящее время в Турции все еще размещено ядерное вооружение НАТО, обслуживаемое американскими военными, однако информация о нем не разглашается, что продолжает турецкую традицию умолчания чувствительной информации по ядерному вооружению (Kibaroglu, 2005, pp. 443–444; Criss, 1997, pp. 98–100, 111–112). Турецкие специалисты по ядерной проблематике, как правило, указывают, что на территории Турции находится около 60–70 ядерных боеголовок (ТЯО, гравитационные авиабомбы типа В-61), подавляющая часть из которых располагается на военной авиабазе Инджирлик в районе Аданы, на юге страны¹⁰.

Американская/европейская система ПРО в Турции

В феврале 1995 г. администрация Б. Клинтона приняла программу строительства национальной противоракетной обороны (НПРО), согласно которой НПРО предлагалось развернуть в три этапа, на тот момент не затрагивая территорию Турции. Предусматривалось использование имевшихся станций и радаров ПРО в США, Великобритании и Гренландии без размещения в странах Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы.

⁹ Военная база в турецком Измире будет закрыта // ИА Регнум. 05.11.2010. URL: <https://regnum.ru/news/1343505> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁰ Karadağ M.F. Nükleer Silahlar ve Türkiye // Stratejik Ortak. January 31, 2017. URL: <https://stratejikortak.com/2017/01/nukleer-silahlar-ve-turkiye.html> (accessed: 05.12.2024).

В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО (1972 г.) и приступили к созданию ее европейского сегмента. По замыслам администрации Дж. Буша-мл., система ПРО должна была иметь вид гигантского треугольника, один пик которого находится в Восточной Европе, а два остальных — в США, на Аляске и в Калифорнии. Европейская составляющая ПРО (третий позиционный район) отвечала бы за обнаружение взлетающих ракет и уничтожение их на ранней и средней стадии полета. В рамках ПРО также предусматривались элементы космического базирования для уничтожения ракет на средней стадии траектории с помощью лазерных пушек.

С 2003 г. проект НПРО начал реально осуществляться (Лобанов, 2011, с. 51–52). С приходом к власти в США президента Б. Обамы в 2009 г. был объявлен новый план развертывания эшелонированной ПРО на территории Европы¹¹. Уже на первом этапе, в течение 2011 г., в Средиземном море были развернуты корабли с перехватчиками, которые беспрепятственно находились в том числе у турецких берегов.

На тот момент не было окончательной определенности с размещением в Европе не только наземного варианта противоракет СМ-3 (Румыния, Болгария), но и радаров. Однако уже не исключалось, что эти радары могли быть размещены в Турции, Грузии и странах Восточной Европы. Поскольку в любом случае они являются составной частью системы ПРО США и Европы, в этом качестве вся эта система должна рассматриваться с точки зрения угрозы российскому потенциалу ядерного сдерживания (Ядерная перезагрузка..., 2011, с. 192–193).

В сентябре 2010 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США адмирал М. Маллен провел в Анкаре переговоры с турецким военным командованием и политическим руководством. Турции было дано обещание не использовать ее территорию для вывода американских войск из Ирака и продолжить совместную борьбу с Рабочей партией Курдистана (РПК). Стороны обсудили и проблему создания позиционного района ПРО в Европе, которая должна была стать центральной темой запланированного на ноябрь саммита НАТО¹².

К тому моменту участники Североатлантического альянса уже не первый месяц планировали разместить на территории Турецкой Республики объекты стратегического назначения. По сути, в октябре 2010 г. для Турции наступил очередной момент истины: либо поддержать этот план, продвигаемый США, и тем самым продемонстрировать свою прозападную ориентацию, либо отказаться от участия реализации этого замысла и продолжить «обхаживание» Ирана.

Свою позицию Анкара не афишировала вплоть до ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, на котором была принята новая стратегическая концепция Североатлантического альянса¹³. Официально решение об установке радара раннего предупреждения о ракетном нападении принималось для защиты всех членов блока якобы от потенциально опасных действий Тегерана. Турция поддержала новую инициативу альянса, но озвучила свое условие: не указывать какую-либо конкретную страну в качестве источника угрозы, против которой устанавливается радар (Kibaroglu, 2012, p. 7; Sakmak & Güneysu, 2013, p. 198). Однако Анкара выдвигала и другие

¹¹ Fact Sheet: U.S. Missile Defense Policy: A Phased, Adaptive Approach for Missile Defense in Europe // The White House. September 17, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-missile-defense-policy-a-phased-adaptive-approach-missile-defense-eur> (accessed: 05.12.2024).

¹² Kardaş Ş. Admiral Mullen Discusses Critical Military Engagement in Turkey // The Jamestown Foundation. August 9, 2010. URL: <https://jamestown.org/program/admiral-mullen-discusses-critical-military-engagement-in-turkey/> (accessed: 01.09.2025).

¹³ Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Lisbon // NATO. November 20, 2010. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2010/11/20/lisbon-summit-declaration> (accessed: 05.12.2024).

требования, в частности о том, чтобы затраты на проект делились поровну между участниками блока, а доступ к разведанным, собранным на объектах в Турции, был закрыт для Израиля (Oğuzlu, 2012, pp. 158–159). Союзники по НАТО пошли ей на уступки в этих вопросах (Алиева, 2018, с. 68–70).

В результате в 2012 г. по результатам Лиссабонского саммита НАТО 2010 г. в Турции были установлены элементы системы ПРО НАТО — радар раннего оповещения на военной базе Кюреджик на юго-востоке Турции, в районе Малатьи. Радар находится под полным контролем командования армии США в Европе и американских военных на местах (Свистунова, 2016, с. 56). Характерно, что еще в 1960-х гг. на этом же месте располагалась радиолокационная база, использовавшаяся НАТО для контроля за воздушным пространством Советского Союза. С той же целью использовался радар на открытой в 1956 г. авиабазе Пиринчлик на юго-востоке Турции (в 1997 г. она была закрыта).

Вместо заключения: выводы и прогнозы

В настоящее время вопрос об открытом старте Турцией собственной ядерной программы не стоит на повестке дня. Об этом свидетельствует официальная позиция Анкары по вопросу ядерных вооружений. Незаинтересованность Турции объясняется ее технологическим отставанием, а также тем, что информация о разработке ядерной программы может спровоцировать региональную гонку вооружений, в которой Турция будет в позиции догоняющего в отношении таких региональных акторов, как Иран и Израиль. В этой связи Турция заинтересована в сдерживании распространения ядерного оружия и в целом соблюдает режим НЯО и подписанные международные договоры в этой сфере. Кроме того, Турция вынуждена учитывать

ядерный фактор при рассмотрении перспектив своего членства в НАТО, взвешивая риски для своей безопасности со стороны ядерных держав (Ирана, России, Израиля), с одной стороны, и США с их политическими амбициями в регионе, которые могут поставить Турцию под удар, — с другой.

Поскольку Турция является важным элементом системы коллективной безопасности НАТО, на ее территории размещается ТЯО и радар ПРО. На данный момент Турция де-факто обладает ядерным оружием, и в случае военной угрозы турецкое руководство может получить возможность его использовать. Это порождает определенные угрозы для Турции, вызывающие опасения и в турецком руководстве, и в обществе: насколько надежны партнеры Турции по НАТО, не будет ли Турция использоваться в качестве ядерной мишени в случае открытого конфликта НАТО с Россией или Ираном. В частности, такие угрозы в 2010-х гг. уже поступали со стороны Ирана, обозначившего радар ПРО в Турции в качестве приоритетной цели для удара¹⁴.

Также Турция озабочена американо-израильским партнерством в регионе, поскольку США могут использовать Турцию и ее военные возможности для усиления Израиля. В частности, именно последние действия Израиля в Газе спровоцировали массовые протесты против размещения элементов ПРО в Турции. Следует также отметить, что вопрос о выводе ядерного вооружения с территории Турции последовательно поднимается одним из ключевых турецких экспертов в данной области, Мустафой Кибароглу (Kibaroglu, 2005).

Дальнейшая политика турецкого руководства в области НЯО будет во многом зависеть от складывающейся конфигурации в Ближневосточном регионе. С падением режима Б. Асада в Сирии увеличиваются потенциальные возможности для закрепления лидерских позиций Турции. В таком случае

¹⁴ Uygur H., Toprak E.G. Nükleer İran ve Türkiye'ye Etkileri: Seçenekler ve Sonuçlar // Perspektif. İran Araştırmaları Merkezi (İRAM). 2023 (Temmuz). URL: https://iramcenter.org/uploads/files/NukleerIranVeTurkiyeyeEtkileri_v5.pdf (accessed: 11.12.2025).

неизбежен конфликт интересов с Израилем, обладающим ядерным оружием и претендующим на роль регионального лидера, в том числе опять же за счет использования возможностей, которые открылись в результате краха правящего режима в Сирии. Довольно неопределенной становится дальнейшая судьба Ирана, активно стремившегося к развитию собственной атомной программы, с которым Турция поддерживает давние довольно взвешенные связи.

Турция также инициировала сближение с обладающим ядерным оружием Пакистаном. Турция была четвертым по величине поставщиком оружия для Пакистана, обогнав Соединенные Штаты, а Пакистан был третьим по величине рынком экспорта оружия Турции в период с 2016 по 2019 г. (Kibaroglu, 2012). Возможно, Турция захочет получить от Исламабада взамен и ядерные технологии для применения в военных целях. По крайней мере, такие опасения неоднократно высказывались западными партнерами Анкары (Khan, 2020; Kibaroglu, 2012, p. 15).

Источником для создания собственной ядерной программы может стать и использование «мирного атома» в рамках развития атомной энергетики на территории Турции силами России (на примере атомной электростанции Аккую) и, возможно, других государств, тем более что собственные исследования в этой сфере Турция проводит с 1950-х гг.¹⁵, а в 1962 г. в рамках сотрудничества с США в передаче технологий уже запустила свой первый опытный атомный реактор бассейнового типа в районе озера Кючюкчекмедже¹⁶. Второй подобный реактор

был открыт в Стамбульском техническом университете. Оба не способны вырабатывать ядерную энергию и по настоящее время используются только для проведения исследований. Новым этапом в этом направлении стало объявление министром промышленности и технологий Турции М.Ф. Каджыром в сентябре 2025 г. о запуске программы по разработке собственных ядерных реакторов¹⁷.

Однако, несмотря на более чем полувековую историю ядерных исследований в Турции, страна до сих пор не достигла необходимого технического уровня для самостоятельной ядерной программы. По оценкам некоторых экспертов, с учетом «отстающего» характера текущих исследований даже в случае официального принятия ядерной программы в части производства и использования ядерного вооружения она будет реализована Турцией не ранее 2050 г.¹⁸ Это не исключает варианта ускоренного достижения необходимых результатов благодаря добровольной передаче технологий со стороны одной из ядерных держав или научному и промышленному шпионажу. Кроме того, в настоящее время Турция активно повышает компетенции в ядерной сфере и развивает кадровый потенциал.

Другие признаки амбиций Турции, о которых широко не сообщалось, включают разработку баллистических ракет и космическую программу Турции (Gheorghe, 2022). В этой связи можно говорить об увеличивающихся ядерных амбициях президента Турции Р.Т. Эрдогана, и некоторые признаки указывают на то, что эти намерения могут быть реализованы (Миргород, 2022, с. 129). В 2019 г. на 74-й сессии

¹⁵ В 1956 г. была создана Комиссия по атомной энергии при премьер-министре Турции, в 1970 г. — Управление электроэнергетики Турции с отдельным управлением ядерной энергетики в своем составе (с 1972 г.). В 1982 г. появилось Управление по атомной энергии Турции (ТАЕК), просуществовавшее до 2020 г., когда его функции и полномочия были переданы Управлению энергетики, ядерных исследований и горнодобывающей промышленности Турции. Кроме того, в 1988 г. в Турции было создано отдельное Управление проектами атомных электростанций, а в 2018 г. — Управление по ядерному регулированию.

¹⁶ Был закрыт в 1977 г., и на его основе в 1981 г. открыт новый, с увеличенной мощностью (5 МВт вместо 1 МВт).

¹⁷ Türkiye Yerli Nükleer Reaktör Geliştirme Çağrısı Başlattı // TRT Haber. September 14, 2025. URL: <https://www.trthaber.com/haber/bilim-teknoloji/turkiye-yerli-nukleer-reaktor-gelistirme-cagrisi-baslatti-919826.html> (accessed: 25.09.2025).

¹⁸ Karadağ M.F. Nükleer Silahlar ve Türkiye // Stratejik Ortak. January 31, 2017. URL: <https://stratejikortak.com/2017/01/nukleer-silahlar-ve-turkiye.html> (accessed: 05.12.2024).

Генассамблеи ООН президент Эрдоган включил вопрос обладания ядерным оружием в свою идеологическую формулу «Мир больше пяти», заявив о неравенстве и несправедливости нынешнего международного порядка и предложив следующее решение вопроса обладания ядерным оружием: либо у всех, либо ни у кого¹⁹. Так, Турция фактически призывает обнулить ядерный фактор, чтобы устранить свое технологическое отставание в этой сфере и претендовать на вхождение в состав глобальных лидеров без решения «ядерного вопроса».

Турецкие власти хотят сохранять развернутое на территории Турции американское ТЯО, поскольку они рассматривают его в большей степени как инструмент политического влияния (Kibaroglu, 2005, p. 449). Основная причина, по которой Анкара желает оставить ТЯО, объясняется желанием удержаться в структуре Североатлантического альянса. В то же время это связано с сохранением достаточно крепких отношений Анкары и Вашингтона, а также Турции с европейскими союзниками — членами ЕС. Понятно, что размещение ТЯО на турецкой территории способствовало укреплению отношений с США, когда эти связи периодически ослабевали в контексте проактивной турецкой

политики на Ближнем Востоке и развития экономических и политических связей с Россией. Турецкие власти могли предполагать, что вывод американского ТЯО в этот непростой период мог бы еще более ослабить отношения между Турцией и США. В этом же контексте возможно, что турецкие власти также хотят сохранить радар в рамках европейской системы ПРО, управляемой США.

Таким образом, потенциальное обладание Турцией ядерным оружием зависит от складывающейся военно-политической ситуации на Ближнем Востоке и от внутривосточной динамики и решимости действующих турецких властей. Скорее всего, в случае гипотетически активно развернутой гонки ядерного оружия в регионе Турция проиграет, но можно предположить, что Анкара постарается нарастить количество ядерного оружия на территории страны, используя в первую очередь наработки «мирного атома». В условиях опять же пока гипотетического появления у Турции собственного ядерного оружия видоизменению подвергнется вся региональная архитектура ядерной безопасности от Ближнего Востока до Закавказья (у границ и на территории Содружества Независимых Государств), что затронет и глобальную международную безопасность.

Поступила в редакцию / Received: 15.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Алиева А.И. Американо-турецкое «образцовое партнерство»: проверка на прочность (2009–2010) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10, № 4. С. 41–78. EDN: MNUHJS
- Кибароглу М., Гюрзель А. Нужно ли Турции американское ядерное оружие? // Индекс безопасности. 2008. Т. 14, № 3. С. 117–122. EDN: OWMHGX
- Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX — начало XXI века) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран : сборник научных трудов. 2011. Вып. 9. С. 47–61.
- Миргород Д.А. Перспективы обладания Турцией ядерным оружием: военно-политический аспект // Современная наука и инновации. 2022. № 4. С. 128–133. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2022.4.14>; EDN: XGBMZS
- Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 53–61. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61>; EDN: VVVFNR

¹⁹ Эрдоган оценил использование ядерного оружия в качестве рычага давления // РИА Новости. 24.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190924/1559081137.html> (дата обращения: 29.12.2024).

- Свиштунова И.А.* Отношения Турции и НАТО в оценках турецких исследователей // Современная Европа. 2022. № 4. С. 135–147. EDN: GKIEQE
- Ядерная перезагрузка : сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. Москва : РОССПЭН, 2011. EDN: QPSBTZ
- Baharççek A., Ekici S.* NATO'ya Üyelik Sürecinde Türkiye ABD İlişkileri // Birey Ve Toplum Sosyal Bilimler Dergisi. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 149–168. URL: <https://izlik.org/JA46FG42AJ> (accessed: 18.02.2025).
- Cakmak C., Güneysu G.* Turkish-American Relations During Obama Era: Unfulfilled Expectations // Turkish Studies. 2013. Vol. 14, iss. 2. P. 193–211. <https://doi.org/10.1080/14683849.2013.802923>
- Criss N.B.* Strategic Nuclear Missiles in Turkey: The Jupiter Affair, 1959–1963 // Journal of Strategic Studies. 1997. Vol. 20, iss. 3. P. 97–122. <https://doi.org/10.1080/01402399708437689>
- Duman M.* 70. Yılında Türkiye — NATO İlişkilerinin Tarihsel Boyutu // Akademik Hassasiyetler. 2023. Vol. 10, no. 21. P. 400–429. <https://doi.org/10.58884/akademik-hassasiyetler.1216268>; EDN: QLMQMZ
- Efe İ.* NATO'ya Üyelik Sürecinde Türkiye-ABD İlişkileri ve Türk Kamuoyundaki Akisleri // History Studies: International Journal of History. 2019. Vol. 11, iss. 2. P. 601–619. <https://doi.org/10.9737/hist.2019.732>
- Fuerth L.* Turkey: Nuclear Choices amongst Dangerous Neighbors // The Nuclear Tipping Point: Why States Reconsider Their Nuclear Choices / ed. by K.M. Campbell, R.J. Einhorn, M.B. Reiss. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2004. P. 145–174. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.cttlvjqptv.11> (accessed: 18.02.2025).
- Gheorghe E.* Polarity, Proliferation, and Restraint: A Market-Centric Approach // Polarity in International Relations : Past, Present, Future / ed. by N. Græger, B. Heurlin, O. Wæver, A. Wivel. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2022. P. 291–311. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05505-8_15
- Khan S.* Dynamics of Pakistan — Turkey Relations // Pakistan Review of Social Sciences. 2020. Vol. 1, no. 2. P. 14–24. URL: <https://www.pakistanreview.com/index.php/PRSS/article/download/62/32/177> (accessed: 18.02.2025).
- Kibaroglu M.* Isn't It Time to Say Farewell to Nuke's in Turkey? // European Security. 2005. Vol. 14, iss. 4. P. 443–457. <https://doi.org/10.1080/09662830500528294>
- Kibaroglu M.* Lessons from Turkey's Long Quest for Nuclear Power // The Nuclear Question in the Middle East. Working Group Summary Report. Center for International and Regional Studies, Georgetown University School of Foreign Service in Qatar. 2012. No. 4. P. 15–17. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/140996/NuclearQuestionSummaryReport.pdf> (accessed: 18.02.2025).
- Oğuzlu T.* Turkey's Eroding Commitment to NATO: From Identity to Interests // The Washington Quarterly. 2012. Vol. 35, iss. 3. P. 153–164. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.706578>
- Polser B.G.* Theater Nuclear Weapons in Europe: The Contemporary Debate // Strategic Insights. 2004. Vol. 3, iss. 10. P. 1–8. URL: <https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/11363/polserSept04.pdf?sequence=3> (accessed: 18.02.2025).
- Sechser T.S.* Sharing the Bomb: Nonproliferation, Deterrence, and Foreign Nuclear Deployments. Charlottesville, VA : University of Virginia, 2015. URL: <https://posse.gatech.edu/sites/default/files/pubfiles/Sechser%20-%20Sharing%20the%20Bomb%20-%202015.pdf> (accessed: 18.02.2025).
- Süvari K.* Türkiye'nin Nükleer Silahların Yayılmasının Önlenmesi (NSYÖ) Antlaşmasına Katılımı: Nedenleri ve Etkileri // AİBÜ Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2017. Vol. 17, no. 2. P. 167–194. URL: <https://izlik.org/JA76PB53GH> (accessed: 18.02.2025).
- Tacar P.Y.* Nükleer Silahların Yayılmasının Önlenmesi Sorunu. Ankara : T.C. Başbakanlık Atom Enerjisi Komisyonu, 1970.

Сведения об авторах:

Каширина Татьяна Владиславовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38; eLibrary SPIN-код: 5898-3052; ORCID: 0000-0002-4361-7778; e-mail: kashirina73@mail.ru

Цибенко Вероника Витальевна — доктор исторических наук, директор, Центр междисциплинарных гуманитарных исследований, Южный федеральный университет; 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; eLibrary SPIN-код: 7623-6259; ORCID: 0000-0001-5755-1231; e-mail: tsibenkovv@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-32-45

EDN: TDLEEW

Научная статья / Research article

Инициирование межгосударственных вооруженных конфликтов и военное правление

Р.С. Мухаметов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
Российская Федерация

✉ muhametov.ru@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено взаимосвязи военного правления и инициирования межгосударственных войн. В научной литературе преобладает мнение, что власть военных в политике приводит к росту количества вооруженных конфликтов между странами. Цель работы — эмпирически проверить, действительно ли военные правительства чаще начинают межгосударственные войны по сравнению с другими видами автократий, и насколько верно, что военные диктатуры чаще, чем военные режимы, иницируют межгосударственные вооруженные конфликты и войны. Для этого был составлен список вооруженных межгосударственных конфликтов с 1946 по 2007 г., а также сопоставлены государства — инициаторы войн с типами их политических режимов с целью установления взаимосвязи. Источником данных по войнам стали данные проекта «Корреляты войны». Для достижения цели данного исследования был составлен список из 38 межгосударственных конфликтов с 1946 по 2007 г., а также определен тип политического режима инициатора войны. Выявлено, что авторитарные режимы в целом иницируют больше межгосударственных конфликтов, чем демократии. В сравнении с другими видами автократий военное правление не занимает первое место по инициированию межгосударственных войн, пропуская вперед, как правило, персоналистскую диктатуру. В исследовании проводится различие между военными диктатурами и военными режимами. Военная диктатура — это один из видов военного правления, при котором главой государства / президентом является кадровый военный, офицер, пришедший к власти в результате свержения гражданского правительства, то есть военного переворота. Принципиальное отличие от военного режима состоит в отсутствии коллегиального органа управления. Военный режим — это более институционализированная форма военного правления. Установлено, что военные диктатуры действительно чаще, чем военные режимы, иницируют войны и вооруженные межгосударственные конфликты, что обусловлено наличием системы «сдержек и противовесов» в форме существования института военной правительственной хунты как коллегиального органа власти. Развязывание международного конфликта военными во власти совпадает с наличием территориального спора между странами. Результаты данного исследования имеют большое значение для понимания того, как международные конфликты могут распространяться и каким образом они могут быть урегулированы.

Ключевые слова: международные конфликты, война, авторитаризм, военные режимы, военные диктатуры, территориальный спор, инициатор конфликта, тип политического режима, милитаризм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Инициирование межгосударственных вооруженных конфликтов и военное правление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 32–45. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-32-45>; EDN: TDLEEW

© Мухаметов Р.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Initiation of Interstate Armed Conflicts and Military Rule

Ruslan S. Mukhametov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

✉ muhametov.ru@mail.ru

Abstract. This study examines the relationship between military rule and the initiation of interstate wars. The prevailing view in academic literature holds that the involvement of the military in political power increases the frequency of armed conflicts between states. This paper aims to empirically test whether military governments are indeed more likely to initiate interstate wars compared to other types of autocracies, and to assess the validity of the claim that military dictatorships are more prone than military regimes to initiating interstate armed conflicts and wars. To this end, a list of armed interstate conflicts from 1946 to 2007 was compiled, and the initiator states were categorized by their political regime type to identify potential correlations. Conflict data were drawn from the Correlates of War project. For the purpose of this study, a list of 38 interstate conflicts occurring between 1946 and 2007 was compiled, and the political regime type of each conflict initiator was identified. The findings suggest that, in general, authoritarian regimes initiate more interstate conflicts than democracies. Compared to other types of autocracy, military rule does not rank first in the initiation of interstate wars; instead, it is typically preceded by personalist dictatorships. The study distinguishes between military dictatorships and military regimes. A military dictatorship is a form of military rule in which the head of state or president is a career military officer who comes to power through the overthrow of a civilian government—i.e., via a military coup. Its key distinction from a military regime lies in the absence of a collegial governing body. A military regime represents a more institutionalized form of military rule. It has been established that military dictatorships initiate wars and armed interstate conflicts more frequently than military regimes, a difference attributed to the presence of checks and balances in the form of a military government junta acting as a collegial authority. The initiation of international conflict by military authorities coincides with the existence of a territorial dispute between the states involved. The findings of this study significantly contribute to understanding the escalation and potential resolution of international conflicts.

Key words: international conflicts, war, authoritarianism, military regimes, military dictatorships, territorial dispute, conflict initiator, type of political regime, militarism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Mukhametov, R.S. (2026). The initiation of interstate armed conflicts and military rule. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 32–45. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-32-45>; EDN: TDLEEW

Введение

К. Райт, один из первопроходцев в области изучения вооруженных конфликтов, отмечал, что люди рассматривают войну с противоположных точек зрения: для одних это чума, которую необходимо искоренить, для вторых — преступление, за которое должно быть наказание, а для третьих — это анахронизм, который больше не служит никакой цели (Wright, 1942, pp. 1–3). Войны и военные конфликты, как показывает исторический опыт, являются неотъемлемой частью развития человечества. По мнению исследователей, с 1816 по 1997 г. произошла 401 война, в том числе

79 межгосударственных и 214 гражданских. Войны между государствами достигли своего пика в эпоху 1870–1899 гг. (Sarkees, Wayman & Singer, 2003, p. 60). Несмотря на наличие долгосрочной тенденции, указывающей на сокращение числа и доли конфликтов между странами (Степанова, 2020, с. 27), межгосударственные войны происходят и в XXI столетии.

В политической науке и международных отношениях существует несколько подходов к объяснению инициирования межгосударственных конфликтов. Существующие трактовки можно условно разделить на три группы: внешнеполитические,

политико-экономические и внутривнутриполитические (Сушенцов, 2010).

Говоря о группе интерпретаций, которые обусловлены *международными факторами*, можно обозначить основные причины инициирования военных конфликтов.

Во-первых, начало войны связывается с «ложным оптимизмом», когда военно-политическое руководство государства оказывается в плену чрезмерно оптимистичных ожиданий (например, неправильного толкования стоимости войны или наличия надежды на относительно легкую и быструю победу) (Van Evera, 1999).

Во-вторых, на вероятность милитаризованного конфликта влияют альянсы. Одни исследователи считают, что военные союзы не входят в число наиболее важных причин войн с участием великих держав (Levy, 1981), в то время как другие полагают, что это зависит от типа альянса: оборонительные — оказывают сдерживающий эффект, а наступательные — подстрекательское воздействие, повышая уверенность государства в способности добиться успеха с помощью агрессии (Leeds, 2003).

В-третьих, одним из факторов, влияющих на вероятность развязывания войны, является неудовлетворенность страны своим международным статусом. Конфликты инициируют те государства, которые испытывают дефицит статуса в рамках международного сообщества (Renshon, 2017).

В-четвертых, военный конфликт возникает из-за территориальных споров. Войну начинает государство, для которого территория имеет большое внутреннее значение (Diehl & Goertz, 2002).

Что касается *политико-экономической* группы трактовок, то существует мнение, что государства, обладающие богатыми запасами нефти, участвуют в милитаризованных межгосударственных спорах чаще, чем страны, у которых нет подобных ресурсов (Hendrix, 2017). При этом нефтяные государства, возглавляемые революционными лидерами, значительно более агрессивны, чем другие виды государств (Colgan, 2010).

На развязывание вооруженных конфликтов странами влияют также и *внутриполитические обстоятельства*.

Во-первых, войны начинают государства, которые ожидают получить от них больше плюсов, чем минусов. К инициированию межгосударственного конфликта более склонен лидер, который приходит к выводу, что риск принесет больше бонусов его сторонникам (коалиции) в сравнении с издержками (de Mesquita & Lalman, 1992).

Во-вторых, решение лидера о начале международного конфликта определяется политическим будущим самого лидера. Руководитель страны, который ожидает насильственного отстранения от власти, более склонен к инициированию конфликта (Chiozza & Goemans, 2011).

Наконец, войну начинает государство, правящая элита которого верит собственной мобилизующей пропаганде и распространяемым мифам о безопасности (Snyder, 1991).

Одним из решающих внутривнутриполитических факторов в объяснении стремления государств к международным конфликтам является тип политического режима. В академической литературе широко распространено мнение, что авторитарные режимы более склонны к развязыванию международного конфликта, чем демократии (Reiter & Stam, 2003). Необходимо отметить, что существует несколько видов авторитарных режимов (Голосов, 2019). Одни исследователи выделяют монархии, военное правление, беспартийные, однопартийные и ограниченно многопартийные режимы (Hadenius & Teorell, 2007; Wahman, Teorell & Hadenius, 2013), другие говорят о монархических, военных и гражданских диктатурах (Cheibub, Gandhi & Vreeland, 2010). Наконец, П. Брукер обозначает монархическое, персоналистское, военное и однопартийное правление (Brooker, 2013).

Цель исследования — ответить на следующий вопрос: является ли военное правление более агрессивным на международной арене, чем другие виды авторитарных режимов, как указывается в академической литературе?

Обзор литературы, проделанный Д. С. Красновым, показывает, что коллегиальные диктатуры, в том числе и военные, более сдержанны в плане развязывания военных конфликтов (Краснов, 2023). Данная статья продолжает указанное направление исследований и вносит вклад в изучение взаимозависимости типа политического режима и его агрессивности на мировой арене.

Военные режимы в оптике теории милитаризма

В научной литературе доминирует мнение, что авторитарные режимы, опирающиеся на военные институты, с большей вероятностью инициируют межгосударственные конфликты, чем другие разновидности авторитарных режимов (Sechser, 2004; White, 2021). Данный тезис основывается на теории милитаризма и, как правило, подразумевает набор определенных присущих авторитарному государству убеждений и ценностей, которые:

- подчеркивают использование силы и угрозы насилия как наиболее подходящего и эффективного средства решения проблем;
- рассматривают войну и подготовку к войне как нормальную и желательную социальную деятельность;
- ставят военные институты выше гражданских и привносят военный менталитет в процесс принятия гражданских решений (Albrecht, 1980; Kraska, 2007, p. 503; Mann, 1987, p. 35).

В данном исследовании милитаризм трактуется как стремление военного аппарата страны (включающего вооруженные силы и связанные с ними военизированные, разведывательные и бюрократические учреждения) к установлению все более широкого контроля над жизнью и поведением своих граждан, при этом военные ценности (централизация власти, иерархизация, дисциплина, конформизм, воинственность и ксенофобия) все больше доминируют в национальной культуре,

образовании, СМИ и религии (Klare, 1980, p. 34).

Существуют определенные формы проявления милитаризма:

- повышенная роль военных институтов как в общенациональных, так и в международных делах (Ross, 1987, p. 563);
- значительная доля финансовых ресурсов направляется на военные нужды (Thee, 1980, p. 12);
- милитаристское поведение в быту, культуре, обществе, экономике и правительстве (Beer, 1981, p. 12);
- вмешательство военных во внутреннюю политику и контроль над ней, а также чрезмерный акцент на важности вооруженных сил (Varas, 1985, pp. 26–27);
- склонность полагаться на насилие при разрешении конфликтов (Van Tuyll, 1994, p. 519).

По мнению исследователей, военные распространяют несколько основных заблуждений или мифов, которые провоцируют войну. Это преувеличенная враждебность других государств, когда рисуется мир, состоящий из агрессивных противников и ненадежных союзников; изображение мира в целом как легкого для завоевания, при этом преуменьшаются препятствия для агрессии; стремление видеть возможность достижения безопасности только через агрессивные действия; преувеличение выгод от нанесения первого удара и «окон возможностей», связанных с началом упреждающих войн; преувеличение преимуществ завоевания и недооценка проблем, которые возникают с победой; недооценка экономических и политических издержек войны¹.

Данные теоретические рассуждения имеют эмпирические доказательства. По мнению Ю. Лэя и Д. Слейтера, военные режимы с большей вероятностью инициируют конфликт, чем однопартийные режимы из-за различий в основополагающих институтах. Имея в распоряжении более слабые внутренние

¹ Evera S.V. *Militarism* // Massachusetts Institute of Technology. 2001. URL: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/5534/militarism.pdf> (accessed: 18.12.2024).

институциональные ресурсы, лидеры военных режимов часто стремятся использовать внешнюю политику для обеспечения лояльности и укрепления власти (Lai & Slater, 2006). Другие ученые полагают, что военные режимы с большей вероятностью прибегнут к военной силе, так как они существуют в более враждебной внешней среде. Военное правление с большей вероятностью возникнет и будет существовать в государствах, сталкивающихся с внешними территориальными угрозами (Kim, 2018). М. Горовиц и А. Стем доказывают, что лидеры государств, прошедшие военную службу, но не имеющие боевого опыта, значительно более склонны инициировать милитаризованные споры и войны, чем те, у кого есть боевой опыт (Horowitz & Stam, 2012).

Военное правление: концептуализация понятия и рабочая гипотеза

В данном исследовании вслед за Б. Геддес военное правление будет делиться на два вида — военную диктатуру и режим, управляемый хунтой, то есть небольшой группой военных офицеров (Geddes, Frantz & Wright, 2014). Под военными режимами понимается такой вид военного правления, при котором государством управляет военная правительственная хунта, то есть временный, неконституционный, коллегиальный орган управления, состоящий, как правило, из кадровых военных, пришедших к власти в результате переворота.

Опираясь на современную литературу (Ajisebiyawo & Onoyemeakro, 2021; Battera, 2021; Crouch, 2024), можно выделить несколько отличительных черт военных режимов.

Во-первых, военные режимы возглавляются военными правительственными хунтами, то есть неформальными, не прописанными в Основном законе страны органами власти.

Во-вторых, правительственная военная хунта представляет собой временное правительство. В частности, Военный Совет

Грузии, созданный после свержения президента З. Гамсахурдиа, управлял государством с 6 января по 10 марта 1992 г. Национальный совет по вопросам демократии во главе с генеральным председателем Жильбером Диендере был правящим кабинетом военной хунты Буркина-Фасо с 17 по 23 сентября 2015 г. Однако необходимо подчеркнуть, что политическая история знает случаи, которые не укладываются в общую закономерность. В качестве такого исключения можно привести Бирму (Мьянму), в которой с 1988 по 1997 г. высшая власть была сосредоточена в руках членов Государственного совета по восстановлению правопорядка (*State Law and Order Restoration Council (SLORC)*), а с 1997 по 2011 г. — Государственного совета мира и развития (*State Peace and Development Council (SPDC)*). В Эфиопии Временный военно-административный совет («Дерг») находился у власти в период 1974–1987 гг. Если говорить о сроках военного правления, то, как правило, они недолговечны и в среднем составляют 3–5 лет (Ezrow & Frantz, 2011), после чего власть передается гражданскому правительству.

В-третьих, военная правительственная хунта представляет собой коллегиальный орган власти, а не единоличное правление, как при военной диктатуре, что является принципиальным отличием. Во главе военного режима находится группа лиц, что отражается в определенной политической институционализации. Например, с 22 мая 2014 г. до июля 2019 г. в Таиланде действовал Национальный совет для мира и порядка (*National Council for Peace and Order (NCPO)*), в Португалии — Революционный совет (1975–1982 гг.), в Грузии — Военный Совет (6 января — 10 марта 1992 г.), в Чаде — Переходный военный совет (апрель 2021 — октябрь 2022 гг.) и т. д. Председатель военной правительственной хунты считается де-факто главой государства. Президент страны с военным режимом не является диктатором, если под диктатором понимать политического лидера, власть которого на практике не ограничена другими институтами (Ганди, Захаров, 2016). Его можно рассматривать как «первого среди равных».

В свою очередь члены правительственной военной хунты представляют собой «игроков с правом вето», то есть это политические субъекты, которые имеют возможность отклонить сделанный председателем этого органа выбор (Tsebelis, 2002). Это, в частности, проявляется в относительно коротких сроках пребывания де-факто президентов у власти. Например, в Аргентине с 21 сентября 1955 г. по 1 мая 1958 г. сменилось два военных лидера, а с 28 июня 1966 г. по 25 мая 1973 г. — три руководителя (генералы Хуан Карлос Онганиа, Роберто Марсело Левингстон и Алехандро Лануссе).

В-четвертых, военный режим формируется после организации и совершения военного переворота. Как известно, государственный переворот — это захват власти небольшой критически настроенной группой и устранение правительства от контроля над государственным аппаратом без помощи народных масс и силы армии в целом (Лютвак, 2019). Если говорить о военном перевороте, то это насильственное свержение или смена существующего правительства небольшой группой военных (Hebditch & Connor, 2005). Как правило, члены будущей военной правительственной хунты совершают переворот и низлагают действующего главу государства. По типологии временных правительств, которую разработали Й. Шейн и Х. Линц, правительственную военную хунту можно отнести к революционному временному правительству, когда прежний режим низложен и власть принадлежит людям, которые его свергли (Shain & Linz, 1995). В то же время существует несколько исключений. Так, в условиях массовых демонстраций в Польше, которые были организованы движением «Солидарность» Л. Валенса, первый секретарь польской правящей партии В. Ярузельский ввел военное положение и учредил Военный совет национального спасения, управлявший страной с 1981 по 1983 г.²

В-пятых, военные перевороты совершаются на фоне политической нестабильности и политических / экономических кризисов в стране. Классическим примером выступает ранее упоминавшийся Национальный совет для мира и порядка, который представлял собой результат военного переворота от 22 мая 2014 г. в Таиланде на фоне политического кризиса 2013–2014 гг. Высший совет Вооруженных сил в Египте был сформирован после отставки президента Х. Мубарака в условиях массовых акций протестов в рамках «арабской весны».

В-шестых, целью, которую ставят организаторы совершения военного переворота и инициаторы создания военной правительственной хунты, является стабилизация общественно-политической обстановки в стране и возврат к «нормальности». Об этом свидетельствуют названия этих хунт. Например, Республикой Корея с 1961 по 1963 г. управлял Верховный совет по национальному восстановлению, Португалией (с 26 апреля 1974 г. по 14 марта 1975 г.) — Хунта национального спасения, а Никарагуа (с 17 июля 1979 г. по 10 января 1985 г.) — Хунта национального восстановления.

Наконец, членами военной правительственной хунты являются кадровые военные, высшие офицеры. Так, Революционный совет в Португалии (1975–1982 гг.) состоял из президента страны, начальника и заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил, начальников штабов армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил и т. д. Революционный совет в Алжире во главе с полковником Х. Бумедьеном состоял из 26 членов, подавляющее большинство которых были офицерами Алжирской народной национальной армии, связанной с группировкой Уджда.

От военных режимов следует отличать военные диктатуры. Военная диктатура — это один из видов военного правления, при

² Этот день в истории: 1981 год — в Польше введено военное положение // EurAsia Daily. 13.12.2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/13/etot-den-v-istorii-1981-god-v-polshe-vvedeno-voennoe-polozhenie?ysclid=mlixxc8fj401232158> (дата обращения: 18.12.2024).

котором главой государства / президентом является кадровый военный, офицер, пришедший к власти в результате свержения гражданского правительства, то есть военного переворота. Другими словами, можно говорить о неконституционном способе прихода к власти. Принципиальное отличие военной диктатуры от военного режима состоит в отсутствии коллегиального органа управления. В этом плане военный режим — это более институционализированная форма военного правления.

Исходя из вышеназванных теоретических соображений, можно сформулировать ряд рабочих гипотез исследования:

H1: *Военные правления чаще начинают межгосударственные войны по сравнению с другими видами автократий.*

H2: *Иницируют межгосударственные военные конфликты и войны чаще военные диктатуры, чем военные режимы.*

Источники данных

Для проверки рабочих гипотез необходимо определиться со списком межгосударственных военных конфликтов. В нашем исследовании используются данные проекта «Корреляты войны»³, что обусловлено двумя причинами.

Во-первых, данный набор данных включает список войн с 1816 г.

Во-вторых, этот исследовательский проект содержит информацию об инициаторе межгосударственного конфликта, что для нас является принципиальным.

Общая выборка вооруженных конфликтов между государствами составила 38 войн в период 1946–2007 гг. Данный проект определяет межгосударственную войну как ту, в которой территориальное государство, которое квалифицируется как член межгосударственной системы, вовлечено в войну с другим членом

системы. Межгосударственная война характеризуется продолжительными боевыми действиями с участием регулярных вооруженных сил с обеих сторон и 1000 связанных с боем смертельных исходов среди всех вовлеченных членов системы (Small & Singer, 1982, p. 56).

Межгосударственный военный конфликт важно отличать от милитаризованного межгосударственного спора, объединяющего исторические случаи, в которых угроза, демонстрация или применение военной силы одним государством-членом, за исключением войны, явно направлена против правительства, официальных представителей, официальных сил, имущества или территории другого государства (Jones, Bremer & Singer, 1996, p. 163). Под инициатором войны М. Смолл и Д. Сингер понимают сторону конфликта (государство), чьи батальоны совершили первую по численности атаку на армии или территорию противника (Small & Singer, 1982, p. 194).

Источниками информации по политическим режимам стран, которые были инициаторами войн и конфликтов с 1946 по 2007 г., являются данные трех проектов: наборы данных от Х.А. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вриланда (Cheibub, Gandhi & Vreeland, 2010), Б. Геддес, Дж. Райта и Э. Франц⁴, а также проект *Polity IV* от Центра за системный мир (охватывает 167 стран за 1946–2013 гг.)⁵. Выбор этих источников информации обусловлен тем, что они представляют данные о политических режимах в исторической ретроспективе.

Необходимо отметить, что перечисленные выше базы данных охватывают период до середины 2010-х гг., исходя из чего некоторые могут сделать вывод, что за рамками настоящего исследования остаются два последних десятилетия. Данное заключение являлось бы некорректным, так как за этот временной период государства с военным правлением не инициировали ни одного межгосударственного конфликта, хотя с начала 2020-х гг. было развязано

³ COW War Data, 1816–2007 (v4.0) // The Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/> (accessed: 18.12.2024).

⁴ Autocratic Regime Data. URL: <https://sites.psu.edu/dictators/> (accessed: 18.12.2024).

⁵ Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946–2013 // Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed: 18.12.2024).

несколько войн между странами (например, Вторая Карабахская война 2020 г., когда военные действия начал Азербайджан, политический режим которого определяется как авторитарный).

Результаты исследования

В данном разделе представлена взаимосвязь между инициатором межгосударственного конфликта и типом его политического режима (табл. 1).

Как видно из статистики, содержащейся в табл. 1, авторитарные режимы в целом иницируют большинство межгосударственных конфликтов. В частности, согласно данным проекта *Polity IV*, на автократии приходится более половины всех случаев. По типологии политических режимов Х.А. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вриланда авторитарные режимы начинают 67 % войн (это цифра получилась в результате сложения долей гражданской и военной диктатур, а также монархий), а по типологии Б. Геддес, Дж. Райта и Э. Франц — 68 % (это совокупность процентов персоналистского, военного и монархического режимов). Эти статистические данные соответствуют выводам предшествующих исследований (Peceny & Butler, 2004; Weeks, 2014).

Что касается военного правления, то из данных табл. 1 видно, что в сравнении

с другими видами авторитарных режимов этот тип не занимает ведущее место по иницированию межгосударственных войн, что опровергает первую гипотезу. По типологии режимов Х.А. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вриланда военная диктатура занимает второе место (26 %), пропуская вперед гражданскую диктатуру (36 %).

Если посмотреть на классификацию режимов Б. Геддес, Дж. Райта и Э. Франц, то можно увидеть, что военный режим занимает третье место (16 %), уступая лидерство по иницированию войн партийным (29 %) и персоналистским (18 %) режимам. Эти данные противоречат существующей в научной литературе точке зрения, что военное правление является наиболее агрессивным видом автократий на международной арене. Наш результат исследования не является исключением. К аналогичному выводу приходил и С. Андрески. Его аргументация заключалась в том, что при военном правлении военная мощь направляется против внутренних противников, а не внешних врагов. Иными словами, чем чаще вооруженные силы используются внутри страны, тем менее способными они становятся вести войну (Andreski, 1980). В табл. 2 представлен перечень войн и конфликтов, которые были иницированы военными, находящимися у власти.

Таблица 1. Виды политических режимов и иницирование межгосударственных войн и конфликтов

База данных					
Polity IV		Х.А. Чейбуб, Дж. Ганди и Дж. Вриланд		Б. Геддес, Дж. Райт и Э. Франц	
Политический режим	Доля, %	Политический режим	Доля, %	Политический режим	Доля, %
Демократия	29	Парламентская демократия	17	Демократия	32
Открытая анократия	15	Полупрезидентская (смешанная) демократия	2	Партийный режим	29
Закрытая анократия	1	Президентская демократия	14	Персоналистский режим	18
Автократия	55	Гражданская диктатура	36	Военный режим	16
		Военная диктатура	26	Монархический режим	5
		Монархия	5		

Источник: составлено Р.С. Мухаметовым по данным: (Cheibub, Gandhi & Vreeland, 2010); Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946–2013 // Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed: 18.12.2024); Autocratic Regime Data. URL: <https://sites.psu.edu/dictators/> (accessed: 18.12.2024).

Таблица 2. Межгосударственные конфликты, начатые государствами с военным правлением

Название войны	Участники	Государство-инициатор	Политический режим государства-инициатора (Х.А. Чейбуб, Дж. Ганди и Дж. Вриланд / Б. Геддес, Дж. Райт и Э. Франц)
Корейская война 1950–1953 гг.	Южная Корея, США vs. Северная Корея, КНР	Северная Корея	Военная диктатура / Персоналистский режим
Вторая кашмирская война 1965 г.	Пакистан vs. Индия	Пакистан	Военная диктатура / Военный режим
Вторая лаосская война 1968–1973	Северный Вьетнам vs. Камбоджа, Южный Вьетнам, США	Северный Вьетнам	Военная диктатура / Партийный режим
Война Коммунистической коалиции 1970–1971 гг.	Северный Вьетнам vs. Камбоджа, Южный Вьетнам, США	Северный Вьетнам	Военная диктатура / Партийный режим
Война на истощение 1969–1970 гг.	Израиль vs. Египет	Египет	Военная диктатура / Военный режим
Футбольная война 1969 г.	Сальвадор vs. Гондурас	Сальвадор	Военная диктатура / Военный режим
Третья индо-пакистанская война / Война за независимость Бангладеш 1971 г.	Индия vs. Пакистан	Пакистан	Гражданская диктатура / Военный режим
Война Судного дня 1973 г.	Израиль vs. Египет, Ирак, Иордания, Сирия	Египет	Военная диктатура / Персоналистское правление
		Сирия	Военная диктатура / Военный режим
Война за Огаден 1977–1978 гг.	Эфиопия vs. Сомали	Сомали	Военная диктатура / Персоналистское правление
Угандийско-танзанийская война 1978–1979 гг.	Танзания vs. Уганда	Уганда	Военная диктатура / Персоналистский режим
Фолклендская война 1982 г.	Великобритания vs. Аргентина	Аргентина	Военная диктатура / Военный режим

Источник: (Sarkees, Wayman & Singer, 2003).

В табл. 2 представлены одиннадцать войн и конфликтов, политические режимы государств — инициаторов которых были отнесены исследователями к военному правлению. Видно, что по пяти случаям (Пакистан 1965 г., Египет 1969 г., Сальвадор, Сирия и Аргентина) наблюдается консенсус / совпадение мнений о типе политического режима. Остальные кейсы имеют разночтения. Исходя из предложенной концептуализации военного правления, представляется необходимым скорректировать данный список.

Так, по нашему мнению, Сальвадор нужно исключить из перечня военных режимов: политическая история этой страны в 1931–1982 гг. представляла собой чередование военных

(военно-гражданских) и партийных режимов. В частности, со 2 по 4 декабря 1931 г. государством управляла военная хунта (Гражданская директория или Гражданский справочник по управлению страной), состоящая из 12 офицеров. С 1933 по 1945 г. в стране существовал однопартийный режим («Национальная партия за Родину»). Революционный правящий совет (коллегиальный военно-гражданский орган) управлял Сальвадором с 14 декабря 1948 г. по 14 сентября 1950 г. С 26 октября 1960 г. по 25 января 1961 г. страной руководила Правительственная хунта, состоящая из военных и гражданских лиц, а с 25 января 1961 г. по 25 января 1962 г. — Военно-гражданская директория. Период 1962–1979 гг.

характеризуется существованием квази-многопартийной системы с гегемонистской партией (Национальная коалиционная партия / Партия национального примирения). Наконец, с 15 октября 1979 г. по 2 мая 1982 г. у власти находилась Революционная правительственная хунта (военно-гражданский орган управления).

Президентом Сальвадора во время Футбольной войны 1969 г. был Фидель Санчес Эрнандес (1967–1972 гг.), представляющий Партию национального примирения. Важно подчеркнуть, что он победил на прямых выборах, набрав 54,4% голосов избирателей (Elections in the Americas..., 2005, p. 276). Таким образом, с учетом изложенных теоретических критериев период президентства Ф.С. Эрнандеса трудно отнести к военному режиму или военной диктатуре, это скорее партийный режим.

Как представляется, список военных режимов следует дополнить Угандой, которая в период Угандийско-танзанийской войны была классической военной диктатурой во главе с президентом Иди Амином (25 января 1971 г. — 11 апреля 1979 г.), пришедшим к власти в результате военного переворота 1971 г., когда был свергнут президент Милтон Оботе. В период президентства И. Амина солдаты назначались на высшие государственные посты и в государственные корпорации, а гражданские министры обязаны были соблюдать военную вежливость.

Таким образом, военные диктатуры представлены Пакистаном 1965 г. (Айюб Хан), Египтом (Г.А. Насер и А. Садат), Сирией (Х. Асад) и Угандой (И. Амин). Из всех кейсов есть один, когда именно военный режим инициировал межгосударственный конфликт, — это Фолклендская война 1982 г., начатая Аргентиной в период «президентства» генерал-лейтенанта Леопольдо Гальтери (22 декабря 1981 г. — 18 июня 1982 г.). В 1976 г. в результате военного переворота, по итогам которого была свергнута президент страны Исабель Перон, власть в стране перешла к военной хунте (29 марта 1976 г. — 10 декабря 1983 г.). За этот период правления сменилось шесть руководителей государства (от Хорхе

Видела до Рейнальдо Биньоне), которыми были исключительно главнокомандующие Сухопутными войсками. Если говорить в целом, то страной правили попеременно сменявшие друг друга четыре военные хунты, каждая из которых состояла из глав трех родов аргентинских Вооруженных Сил.

Инициирование Аргентиной Фолклендской войны часто рассматривается как классический пример «отвлекающей войны» (*diversionary theory of war*) (Morgan & Anderson, 1999). Квинтэссенцию такого конфликта хорошо выражает фраза, приписываемая министру внутренних дел (4 апреля 1902 г. — 15 июля 1904 г.) Российской империи В.К. Плеве: «Нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удержать Россию от революции». Согласно данной теории, непопулярные лидеры порождают внешнеполитические кризисы, чтобы отвлечь внимание общественности от недовольства их правлением и укрепить свое политическое положение за счет «сплочения вокруг флага». Иными словами, причиной некоторых вооруженных конфликтов является не столкновение основных интересов между странами, а внутренние проблематичные обстоятельства (экономические трудности или политические волнения) (Tir & Jasinski, 2008).

Как отмечают исследователи, существует два обоснования выбора лидерами отвлекающего конфликта для обеспечения политического выживания. Первый связан с эффектом «сплочения вокруг флага» (ростом популярности политических лидеров внутри страны по мере нарастания внешней угрозы и международных конфликтов). Второе обоснование подчеркивает политическую возможность доказать свою лидерскую компетентность (победа в международном конфликте дает возможность восстановить внутреннюю поддержку и спасти свои политические жизни) (Мухаметов, 2022).

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать заключение, что военные диктатуры чаще, чем военные режимы, инициируют войны и вооруженные межгосударственные конфликты, что подтверждает вторую гипотезу. В то же время

важно определить наличие или отсутствие альтернативных объяснений данного результата и их влияния на надежность основных положений данной работы. В нашем случае таким фактором является наличие территориального спора, то есть разногласия между двумя или более государствами по поводу того, какая страна осуществляет суверенитет над определенной частью территории (Forsberg, 1996). Исследования показывают, что территория является постоянным источником конфликтов (Vasquez & Valeriano, 2008). Так, Аргентина и Великобритания спорили из-за принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов. Разногласия из-за региона Кашмир (Джамму и Кашмир) привели к трем Индо-пакистанским войнам (1947–1949 гг., 1965 г. и 1971 г.). Война на истощение и Война Судного дня были инициированы Египтом и Сирией соответственно с целью вернуть территории, оккупированные Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г. И. Амин также оспаривал границу с Танзанией, утверждая, что выступ Кагера должен быть передан Уганде (надо заметить, что это могла быть не причина, а повод к началу конфликта). Исследователи считают, что территориальные споры имеют большую вероятность перерасти в войну, чем другие виды споров (например, споры о режиме и политике) (Vasquez & Henehan, 2001).

Заключение

Проведение этого исследования было вызвано стремлением определить наиболее агрессивный / воинственный на международной арене вид авторитарного режима. В академической литературе преобладает мнение, что автократии, которые опираются на военные институты, с большей вероятностью инициируют межгосударственные конфликты, чем другие разновидности авторитарных режимов. Для проверки данного утверждения в данной работе был составлен список

вооруженных межгосударственных конфликтов с 1946 по 2007 г., а также сопоставлены государство — инициатор войны и тип его политического режима.

Исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, авторитарные режимы в целом инициируют больше межгосударственных конфликтов, чем демократии.

Во-вторых, гипотеза 1 (*«Военные правления чаще начинают межгосударственные войны по сравнению с другими видами автократий»*) не подтвердилась. В сравнении с иными типами автократий военное правление не занимает первое место по инициированию межгосударственных войн, уступая, как правило, персоналистской диктатуре, которая характеризуется концентрацией власти в руках единоличного лидера, лишённого эффективных институциональных сдержек, что позволяет ему принимать авантюристские внешнеполитические решения, одновременно используя внешние конфликты как инструмент внутренней легитимации для отвлечения от внутрисполитических проблем и укрепления образа «сильного лидера».

В-третьих, гипотеза 2 (*«Инициируют межгосударственные военные конфликты и войны чаще военные диктатуры, чем военные режимы»*) получила эмпирическое подтверждение. Установлено, что военные диктатуры действительно чаще инициируют войны и вооруженные межгосударственные конфликты, чем военные режимы, которые функционируют как коллегиальные хунты, где профессиональные офицеры выступают вето-игроками, рационально оценивающими издержки внешней агрессии и предпочитающими направлять военную мощь на внутренний контроль.

Наконец, во всех случаях, когда военное правление инициирует войну или вооруженный конфликт с другим государством, имеет место наличие территориального спора.

Поступила в редакцию / Received: 04.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 25.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Ганди Д., Захаров А.А.* Диктатуры и их институты: особый мир // *Неприкосновенный запас*. 2016. №4. С. 13–42. EDN: WYLKJN
- Голосов Г.В.* Автократия, или Одиночество власти. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. EDN: CEJYBR
- Краснов Д.С.* Современные автократии и военные конфликты // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 1. С. 81–88. EDN: WWNFUD
- Лютвак Э.* Государственный переворот : практическое пособие. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2019.
- Мухаметов Р.С.* Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20, №3. С. 80–94. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6>; EDN: OYEEGC
- Степанова Е.А.* Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 6. С. 24–39. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39>; EDN: WKGDCI
- Сушенцов А.А.* Типология поведения в международных конфликтах // *Международные процессы*. 2010. Т. 8, № 3. С. 70–84. EDN: PXAOZH
- Ajisebiyawo A., Onoyemeakpo J.* The Legacy of Military Rule and the Challenges of Democratic Consolidation in Nigeria: An Overview // *Ilorin Journal of Business and Social Sciences*. 2021. Vol. 23, no. 2. P. 23–38. URL: <https://fssunilorinedu.org/ijbss/2021%20volume%2023%20number%202/ARTICLE%20%20vol23,no2%202021.pdf> (accessed: 01.02.2025).
- Albrecht U.* Militarism and Underdevelopment // *Problems of Contemporary Militarism* / ed. by A. Eide, M. Thee. London : Croom Helm, 1980. P. 108–132.
- Andreski S.* On the Peaceful Disposition of Military Dictatorships // *Journal of Strategic Studies*. 1980. Vol. 3, iss. 3. P. 3–10. <https://doi.org/10.1080/01402398008437052>
- Battera F.* Variations among North African Military Regimes: Algeria and Egypt Compared // *Contemporary Arab Affairs*. 2021. Vol. 14, iss. 3. P. 55–78. <https://doi.org/10.1525/caa.2021.14.3.55>; EDN: BZXJFX
- Beer F.A.* Peace Against War: The Ecology of International Violence. San Francisco : W.H. Freeman and Company, 1981.
- Brooker P.* Non-Democratic Regimes : 3rd edition. Dublin : Bloomsbury Publishing, 2013.
- Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R.* Democracy and Dictatorship Revisited // *Public Choice*. 2010. Vol. 143, no. 1. P. 67–101. <https://doi.org/10.1007/s1127-009-9491-2>; EDN: OYHCJM
- Chiozza G., Goemans H.E.* Leaders and International Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511996429>
- Colgan J.D.* Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflict // *International Organization*. 2010. Vol. 64, iss. 4. P. 661–694. <https://doi.org/10.1017/S002081831000024X>
- Crouch M.* The Military Turn in Comparative Constitutional Law: Constitutions and the Military in Authoritarian Regimes // *Annual Review of Law and Social Science*. 2024. Vol. 20. P. 53–69. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-041822-044807>; EDN: MRPAHY
- De Mesquita B.B., Lalman D.* War and Reason : Domestic and International Imperatives. New Haven : Yale University Press, 1992. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1bh4dhm>
- Diehl P., Goertz G.* Territorial Changes and International Conflict. London : Routledge, 2002. <https://doi.org/10.4324/9780203207420>
- Elections in the Americas : A Data Handbook* / ed. by D. Nohlen. New York : Oxford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283576.001.0001>
- Ezrow N.M., Frantz E.* Dictators and Dictatorships: Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders. New York, London : Continuum, 2011.
- Forsberg T.* Explaining Territorial Disputes: From Power Politics to Normative Reasons // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33, iss. 4. P. 433–449. <https://doi.org/10.1177/002234339603300400>; EDN: JNXQRV
- Geddes B., Frantz E., Wright J.* Military Rule // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 147–162. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-213418>
- Hadenius A., Teorell J.* Pathways from Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18, iss. 1. P. 143–157. <https://doi.org/10.1353/jod.2007.0009>

- Hebditch D., Connor K.* How to Stage a Military Coup : From Planning to Execution. London : Greenhill ; Mechanicsburg, PA : Stackpole, 2005.
- Hendrix C.* Oil Prices and Interstate Conflict Behavior // *Conflict Management and Peace Science*. 2017. Vol. 34, iss. 6. P. 575–596. <https://doi.org/10.1177/0738894215606067>
- Horowitz M. C., Stam A. C.* How Prior Military Experience Influences the Future Militarized Behavior of Leaders // *International Organization*. 2012. Vol. 68, no. 3. P. 527–559. URL: <http://www.jstor.org/stable/43282118> (accessed: 13.01.2025).
- Jones D. M., Bremer S. A., Singer J. D.* Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules and Empirical Patterns // *Conflict Management and Peace Science*. 1996. Vol. 15, no. 2. P. 163–213. URL: <http://www.jstor.org/stable/26273209> (accessed: 12.02.2025).
- Kim N. K.* Are Military Regimes Really Belligerent? // *Journal of Conflict Resolution*. 2018. Vol. 62, no. 6. P. 1151–1178. URL: <https://www.jstor.org/stable/48596822> (accessed: 12.02.2025).
- Klare M. T.* Militarism: The Issues Today // *Problems of Contemporary Militarism* / ed. by A. Eide, M. Thee. London : Croom Helm, 1980. P. 36–46.
- Kraska P. B.* Militarization and Policing — Its Relevance to 21st Century Police // *Policing: A Journal of Policy and Practic*. 2007. Vol. 1, iss. 4. P. 501–513. <https://doi.org/10.1093/police/pam065>
- Lai B., Slater D.* Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950–1992 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, iss. 1. P. 113–126. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00173.x>
- Leeds B. A.* Alliances Deter Aggression? The Influence of Military Alliances on the Initiation of Militarized Interstate Disputes // *American Journal of Political Science*. 2003. Vol. 47, iss. 3. P. 427–439. <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00031>; EDN: DLYSZN
- Levy J. S.* Alliance Formation and War Behavior: An Analysis of the Great Powers, 1495–1975 // *The Journal of Conflict Resolution*. 1981. Vol. 25, no. 4. P. 581–613. URL: <http://www.jstor.org/stable/173911> (accessed: 12.02.2025).
- Mann M.* The Roots and Contradictions of Modern Militarism // *New Left Review*. 1987. Vol. 162. P. 35–50. <https://doi.org/10.64590/avy>
- Morgan T. C., Anderson C. J.* Domestic Support and Diversionary External Conflict in Great Britain, 1950–1992 // *The Journal of Politics*. 1999. Vol. 61, no. 3. P. 799–814. <https://doi.org/10.2307/2647829>; EDN: EQAVTH
- Peceny M., Butler C.* The Conflict Behavior of Authoritarian Regimes // *International Politics*. 2004. Vol. 41, no. 4. P. 565–581. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800093>; EDN: PNKFBL
- Reiter D., Stam A. C.* Identifying the Culprit: Democracy, Dictatorship, and Dispute Initiation // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97, iss. 2. P. 333–337. <https://doi.org/10.1017/S0003055403000704>; EDN: FOQFWR
- Renshon J.* Fighting for Status : Hierarchy and conflict in World Politics. Princeton : Princeton University Press, 2017. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1q1xsw9>
- Ross A. L.* Dimensions of Militarization in the Third World // *Armed Forces & Society*. 1987. Vol. 13, iss. 4. P. 561–578. <https://doi.org/10.1177/0095327X8701300405>; EDN: JKRIOB
- Sarkees M., Wayman F., Singer D.* Inter-State, Intra-State and Extra-State Wars: A Comprehensive Look at Their Distribution Over Time, 1816–1997 // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47, iss. 1. P. 49–70. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.4701003>
- Sechser T. S.* Are Soldiers Less War-Prone than Statesmen? // *Journal of Conflict Resolution*. 2004. Vol. 48, iss. 5. P. 746–774. <https://doi.org/10.1177/0022002704268025>; EDN: JNGOTX
- Shain Y., Linz J. J.* Between States : Interim Governments in Democratic Transitions. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
- Small M., Singer D.* Resort to Arms : International and Civil Wars, 1816–1980. Beverly Hills, CA : Sage, 1982.
- Snyder J.* Myth of Empire : Domestic Politics and International Ambition. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1991.
- Thee M.* Militarism and Militarization in Contemporary International Relations // *Problems of Contemporary Militarism* / ed. by A. Eide, M. Thee. London : Croom Helm, 1980. P. 12–32.
- Tir J., Jasinski M.* Domestic-Level Diversionary Theory of War: Targeting Ethnic Minorities // *Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 52, iss. 5. P. 641–664. <https://doi.org/10.1177/0022002708318565>
- Tsebelis G.* Veto Players : How Political Institutions Work. Princeton : Princeton University Press, 2002. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt7rvv7> (accessed: 13.03.2025).
- Van Evera S.* Causes of War: Power and the Roots of Conflict. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1999. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt24hg70> (accessed: 13.12.2024).

- Van Tuyl H.P.* Militarism, the United States, and the Cold War // *Armed Forces & Society*. 1994. Vol. 20, iss. 4. P. 519–530. <https://doi.org/10.1177/0095327X9402000402>; EDN: JKRPNP
- Varas A.* Militarization and the International Arms Race in Latin America. Boulder : Westview Press, 1985. <https://doi.org/10.4324/9780429035074>
- Vasquez J., Henehan M.T.* Territorial Disputes and the Probability of War, 1816–1992 // *Journal of Peace Research*. 2001. Vol. 38, iss. 2. P. 123–138. <https://doi.org/10.1177/0022343301038002001>; EDN: JNXUBN
- Vasquez J., Valeriano B.* Territory as a Source of Conflict and A Road to Peace // *The SAGE Handbook of Conflict Resolution* / ed. by J. Bercovitch, V. Kremenyuk, W.I. Zartman. London : Sage Publications, 2008. P. 191–209. <https://doi.org/10.4135/9780857024701.n11>
- Wahman M., Teorell J., Hadenius A.* Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective // *Contemporary Politics*. 2013. Vol. 19, iss. 1. P. 19–34. <https://doi.org/10.1080/13569775.2013.773200>
- Weeks J.L.P.* Dictators at War and Peace. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2014. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt1287f18> (accessed: 12.02.2025).
- White P.* Generals in the Cabinet: Military Participation in Government and International Conflict Initiation // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65, iss. 2. P. 551–561. <https://doi.org/10.1093/isq/sqab012>; EDN: TBYTXU
- Wright Q.* A Study of War : in 2 volumes. Vol. I. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1942.

Сведения об авторе:

Мухаметов Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет; Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; eLibrary SPIN-код: 2774-6303; ORCID: 0000-0002-5175-8300; e-mail: muhametov.ru@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-46-61

EDN: TCLRCC

Научная статья / Research article

Партнерство Глобального Юга во имя устойчивого развития: сотрудничество Китая и СЕЛАК по вопросам продовольственной безопасности

О. В. Волосюк , И. С. Козылов Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация ovolosiuik@hse.ru

Аннотация. Проанализировано развитие сотрудничества между Китаем и Сообществом государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) в сфере продовольственной безопасности в контексте глобальных структур Глобального Юга. Регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), являясь одним из крупнейших мировых экспортеров продукции сельского хозяйства, выступает стратегическим партнером для Китая, который в последние два десятилетия осуществляет активные шаги, с одной стороны, для диверсификации внешних поставок, а с другой — для минимизации рисков односторонней зависимости от традиционных поставщиков. Авторы рассматривают эволюцию агропродовольственного диалога, институционализацию сотрудничества и формирование многоуровневых платформ (Форум Китай — СЕЛАК, специализированные министерские встречи, рабочие группы и т. д.), а также анализируют динамику торгового обмена и инвестиций в аграрный сектор. Методологически статья опирается на политэкономический и институциональный подходы и концепт Глобального Юга. Теоретическая рамка включает либеральный институционализм и теорию сложной взаимозависимости; применены метод кейс-стади (Китай — СЕЛАК) и метод отслеживания процессов (*process-tracing*), а также метод анализа документов и описательная статистика торговли и инвестиций. Освещены влияние пандемии COVID-19 на региональные агропродовольственные системы, эволюция китайской политики продовольственной безопасности, включая переход от концепции зерновой самодостаточности к новой доктрине «расширенного понимания продовольствия», а также трансформация китайского подхода к глобальным продовольственным цепочкам. Выявлен новый формат партнерства: Китай рассматривает страны СЕЛАК не только как важный сырьевой плацдарм, но и как площадку для технологических, институциональных и инвестиционных инноваций в сфере продовольствия. Сделан вывод о формировании устойчивой модели сотрудничества Юг — Юг, способной обеспечить устойчивое развитие и адаптацию к глобальным вызовам. В исследовании также раскрыты механизмы институционализации агропродовольственного диалога между рассматриваемыми акторами, оцениваются достижения в рамках этого диалога за первое десятилетие проведения Форума и перспективы дальнейшего углубления сотрудничества в контексте глобальной борьбы с голодом и продовольственным неравенством.

Ключевые слова: Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна, агропродовольственное сотрудничество, устойчивое развитие, институционализация, сотрудничество Юг — Юг, инвестиции, диверсификация поставок, технологические инновации, зерновая самодостаточность

© Волосюк О. В., Козылов И. С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Волосюк О.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, научное руководство исследованием, написание разделов рукописи, редактирование рукописи. Козылов И.С.: сбор и оценивание данных, проведение исследования, написание разделов рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании. Работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2026 году.

Для цитирования: Волосюк О.В., Козылов И.С. Партнерство Глобального Юга во имя устойчивого развития: сотрудничество Китая и СЕЛАК по вопросам продовольственной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 46–61. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-46-61>; EDN: TCLRCC

The Global South Partnership for Sustainable Development: China — CELAC Cooperation on Food Security

Olga V. Volosyuk , Ilya S. Kozylov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 ovolosiuk@hse.ru

Abstract. The article analyzes the development of cooperation between China and the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) in the field of food security within the broader context of the Global South's international structures. As one of the world's largest agricultural exporters, Latin America and the Caribbean (LAC) represents a strategic partner for China, which over the past two decades has actively sought to diversify its external supplies and reduce the risks of one-sided dependence on traditional partners. The authors examine the evolution of the agrifood dialogue, the institutionalization of cooperation, and the formation of multilevel platforms (the China — CELAC Forum, specialized ministerial meetings, working groups, etc.), as well as the dynamics of trade and investment in the agricultural sector. Methodologically, the study draws on political economy and institutional approaches and employs the concept of the Global South. The theoretical framework incorporates liberal institutionalism and the theory of complex interdependence. Case study and process-tracing methods are applied to the China — CELAC relationship, alongside document analysis and descriptive statistics on trade and investment. The paper also explores the impact of the COVID-19 pandemic on regional agrifood systems and the evolution of China's food security policy, including the shift from the concept of grain self-sufficiency to the new “expanded food” doctrine, as well as the transformation of China's approach to global food chains. The article identifies a new partnership model in which China views CELAC countries not only as an important source of raw materials, but also as a platform for technological, institutional, and investment innovation in the food sector. It concludes that a sustainable model of South — South cooperation is emerging — one capable of promoting sustainable development and adaptation to global challenges. The study further identifies the mechanisms for institutionalizing agrifood dialogue between the actors under consideration, assesses the achievements of this dialogue during the first decade of the Forum, and outlines prospects for further deepening cooperation in the global fight against hunger and food inequality.

Key words: Community of Latin American and Caribbean States, agrifood cooperation, sustainable development, institutionalization, South — South cooperation, investment, supply diversification, technological innovation, grain self-sufficiency

Authors' contributions. O.V. Volosyuk: conceptualization, elaboration of research methodology, scientific supervision of the research, writing parts of the manuscript, editing the manuscript. I.S. Kozylov: data collection and validation, conducting the study, writing parts of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Funding sources. Support from the Individual Research Program of the HSE Faculty of World Economy and International Affairs is gratefully acknowledged.

For citation: Volosyuk, O.V., & Kozylov, I.S. (2026). The Global South partnership for sustainable development: China — CELAC cooperation on food security. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 46–61. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-46-61>; EDN: TCLRCC

Введение

Государства Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) являются важным звеном глобальной продовольственной системы. Регион стал крупнейшим в мире экспортером продовольствия: на его долю приходится 14 % мирового производства продовольствия и около 45 % чистого мирового экспорта аграрной продукции¹. Страны ЛАКБ являются ведущими экспортерами зерновых, масличных, мяса, сахара, кофе и других товаров. Они обеспечивают продовольствием сотни миллионов людей за пределами собственного региона и играют важнейшую роль в обеспечении глобальной продовольственной безопасности. Однако до начала XXI в. Китайская Народная Республика (КНР) для стран ЛАКБ, традиционно ориентированных на США и Европу, оставалась второстепенным торговым партнером — товарооборот в 2000 г. составлял лишь 12 млрд долл. США². Вступление Китая в 2001 г. во Всемирную торговую организацию (ВТО) побудило его к активизации сотрудничества с ЛАКБ, и прежде всего к развитию экономических связей. В условиях устойчивого бума цен на сырьевые товары, подпитываемого высоким спросом Китая, с 2003 по 2013 г. регион стал крупным поставщиком в Китай энергии, полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции. Среднегодовой темп роста экономики стран ЛАКБ в этот период составил 4,8 %, что почти вдвое превышало исторические темпы

ее роста (Guo, 2023, p. 120), а рост товарооборота с Китаем к 2010 г. по сравнению с 2000 г. составил 31,2 % (América Latina y El Caribe — China..., 2013, p. 361).

К 2010 г. Китай стал третьим торговым партнером ЛАКБ после США и ЕС, заняв первое место среди внешнеторговых партнеров Бразилии, Чили, Перу, Колумбии, Аргентины, Мексики, Коста-Рики и Парагвая (América Latina y El Caribe — China..., 2013, pp. 361–362). Одновременно Пекин налаживал связи с региональными организациями. Уже в 1990-е гг. КНР получила статус наблюдателя в Межамериканском банке развития и в Латиноамериканской ассоциации интеграции. В 2000-е гг. она стала наблюдателем в Организации американских государств и в Латиноамериканском парламенте, подписала соглашение о создании механизма политических консультаций и сотрудничества с Андским сообществом и вошла в число стран-доноров в Межамериканском банке развития, что расширило участие КНР в финансировании проектов в регионе наравне с США и ЕС. Китай установил партнерские отношения с Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР) и Союзом южноамериканских наций (УНАСУР), а также принял участие в работе Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), региональной комиссии Экономического и социального совета ООН (Борзова, Торкунова, Агаев, 2018, с. 33; Прохоренко, 2024).

¹ Latin America and the Caribbean Are “Pillar for World Food Security” // Food and Agriculture Organization of the United Nations. April 16, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/Latin-America-and-the-Caribbean-are-pillar-for-world-food-security/-en> (accessed: 12.02.2025).

² China Commits \$10 Billion in Fresh Credit to Latin America // The Economic Times. May 13, 2025. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/china-commits-10-billion-in-fresh-credit-to-latin-america/articleshow/121129755.cms> (accessed: 10.06.2025).

Создание в декабре 2011 г. Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), объединившего 33 страны ЛАКБ, стало основой для развития отношений на более высоком уровне путем укрепления институционального сотрудничества и заложило основу для создания Форума Китай — СЕЛАК.

Академические исследования отношений Китая с СЕЛАК появились сразу же после создания Форума, и в них это сотрудничество рассматривалось в рамках отношений Юг — Юг (Ayllón Pino & Emmerich, 2015; Vadell, 2018), институционализации Форума (Mosquera & Morales Ruvalcaba, 2018; Борзова, Торкунова, Агаев, 2018; Regueiro et al., 2024), как необходимое дополнение многосторонней дипломатией успешных двусторонних отношений Китая с отдельными странами ЛАКБ (Bonilla Soria & Herrera-Vinelli, 2020; Herrera-Vinelli, 2022) или как новый уровень отношений, направленный на достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) 2030 (Lajous & Sosa, 2020).

Латиноамериканские авторы сосредоточили свое внимание на оценке положения в сфере продовольственной безопасности Латинской Америки, особенно в период пандемии (Luque Zúñiga, Moreno Salazar Calderón & Lanchira Ale, 2021), и с этой точки зрения рассматривали международное продовольственное сотрудничество, будь то с США, Европейским союзом (ЕС) или Китаем (Endara Muñoz, 2018; Terui Villegas & González García, 2024).

В современной китайской историографии сотрудничество с СЕЛАК рассматривается как часть стратегии «безопасной зависимости» (安全依赖, *ānquán yīlài*) и диверсификации импорта продовольствия. Страны ЛАКБ трактуются как стратегический буфер, снижающий риски односторонней зависимости. Китайские исследователи подчеркивают взаимодополняемость: Китаю нужны надежные поставщики, а странам ЛАКБ — устойчивые рынки сбыта. Новейшие подходы расширяют традиционные критерии продовольственной безопасности, добавляя такие

параметры, как самостоятельность и устойчивость (Zheng, 2024). Продовольственное сотрудничество оценивается как «高度现实性» (*gāodù xiànshíxìng*) — «высоко реалистичное и актуальное», что особенно проявилось во время пандемии COVID-19 (Xu, 2024; Zhang, 2024; Pan et al., 2020; Pu & Zhong, 2020; Chen et al., 2020). В целом в историографии акцентируется роль «безопасной зависимости» как основы для устойчивого и эффективного партнерства в условиях глобальных кризисов (Lu et al., 2022; Zheng, 2024).

Несмотря на важность и актуальность темы, можно констатировать отсутствие как русско-, так и англоязычных исследований, которые бы всесторонне анализировали сотрудничество Китая и стран Латинской Америки в сфере продовольственной безопасности. В ряде недавних публикаций основной акцент делается на взаимодействии Китая со странами Юго-Восточной Азии (Смирнова, 2024; 2025), в то время как латиноамериканское направление остается в научной литературе малоизученным. Это определяет научную новизну и значимость данного исследования.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступают политэкономический и институциональный подходы с использованием концепта Глобального Юга как аналитической оптики для рассмотрения трансформации мировой продовольственной системы. Теоретическая рамка работы опирается на либеральный институционализм и теорию сложной взаимозависимости, рассматривающие форумы и режимы как механизмы снижения транзакционных издержек и повышения устойчивости цепочек поставок.

С точки зрения методов исследования опирается на сочетание сравнительно-исторического анализа, кейс-стади ключевых институциональных инициатив, а также интерпретацию дискурсивных и политико-экономических практик, отраженных в официальных документах, научной литературе и экспертных оценках обеих сторон. Особое

внимание уделяется анализу многоуровневой институционализации агропродовольственного диалога и роли межгосударственных платформ в формировании новых механизмов сотрудничества. Такой подход обеспечивает комплексный взгляд на динамику партнерства, позволяет выявить специфические черты китайской и латиноамериканской стратегий в продовольственной сфере, а также оценить их влияние на устойчивое развитие и институциональное оформление межрегиональных взаимодействий.

Создание форума Китай — СЕЛАК

Китай позитивно отнесся к созданию СЕЛАК и уже в 2012 г. предложил ряд инициатив коллективного сотрудничества с ЛАКБ, включая фонд поддержки сельского хозяйства и формирование механизма резервного продовольствия на случай чрезвычайных ситуаций. Несмотря на готовность Пекина выделить кредит в размере 10 млрд долл. США, изначально эти идеи не встретили отклика у латиноамериканских стран. Лишь после поэтапных переговоров при поддержке ЭКЛАК, Венесуэлы и Кубы в 2014 г. стороны объявили о создании Форума Китай — СЕЛАК, который был задуман как ключевой инструмент многосторонних проектов (Guo, 2023, p. 118). Председатель КНР Си Цзиньпин видел в Форуме основной инструмент для реализации многосторонних проектов, что позволило бы заложить прочный политический консенсус для всестороннего сотрудничества³.

Форум получил многоуровневую структуру: помимо встреч на высшем уровне проводились министерские встречи, совещания национальных координаторов, создавались рабочие группы и специализированные форумы, включая аграрный. Уже в 2013 г. в Пекине прошел Специальный форум министров сельского хозяйства, где были заложены основы аграрного трека: совместные научно-технические центры, поддержка инвестиций, обмен технологиями⁴. Для финансирования двусторонних проектов создали фонд в 50 млн долл. США. Пекинская декларация, принятая по итогам этого форума, закрепила ключевые цели и стала базой для последующего сотрудничества на этом треке⁵.

В 2015 г. в столице КНР прошла первая министерская встреча Форума, где был представлен План сотрудничества на 2015–2019 гг. с ориентацией на кооперацию Глобального Юга во всех сферах (Борзова, Торкунова, Агаев, 2018, с. 34). Стороны поставили цель увеличить товарооборот до 500 млрд долл. США к 2025 г. Уже к 2017 г. он достиг 266 млрд долл. США, составив 53 % от запланированного объема⁶. В те годы внимание было сосредоточено на инфраструктуре и торговле, тогда как аграрное сотрудничество оставалось на втором плане⁷.

В 2016 г. в Китае была издана Белая книга по отношениям с Латинской Америкой. По сравнению с первой, увидевшей свет в 2008 г., в этом документе был сделан акцент на внедрении в жизнь «новой концепции, новых подходов и новых мер в политике Китая

³ Wang Yi. Planning Together for Development and Revitalization, Building Together a China — LAC Community with a Shared Future // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. May 14, 2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202505/t20250513_11622018.html (accessed: 12.06.2025).

⁴ China — Latin America and the Caribbean Agricultural Ministers Forum // China — CELAC Forum. July 6, 2015. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zyjz_1/zylyft/nybzlt/201507/t20150706_6803078.htm (accessed: 12.06.2025).

⁵ Ibid.

⁶ ECLAC Highlights Importance and Opportunity in Strengthening Ties between China and Latin America and the Caribbean // Economic Commission for Latin America and the Caribbean. January 22, 2018. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/eclac-highlights-importance-and-opportunity-strengthening-ties-between-china-and-latin> (accessed: 12.06.2025).

⁷ CELAC — China Plan de Cooperación (2015–2019) // Observatorio de la Política China. URL: http://politica-china.org/imxd/noticias/doc/1422442529CELAC_China_Plan_de_Cooperacion_2015-2019.pdf (accessed: 26.06.2025).

в отношении ЛАКБ»⁸, которые включали содействие развитию человеческих ресурсов, строительству инфраструктуры, сельскому хозяйству и продовольственной безопасности, сокращению бедности, борьбе с изменением климата, гуманитарной помощи и проч. (Roncal Vattuone, 2022, pp. 8–14). В Белых книгах 2008 и 2016 гг. отчетливо прослеживается приоритет торговли, инвестиций, сотрудничества в области финансов, энергетики и инфраструктуры и только потом сельского хозяйства (Vadell, 2018, p. 23).

Вторая министерская встреча Форума в январе 2018 г. в Сантьяго с участием 31 страны региона была использована Пекином для продвижения инициатив взаимовыгодного развития — прежде всего, приглашения государств ЛАКБ присоединиться к программе «Один пояс, один путь» (ОПОП). Стороны подтвердили нацеленность на устойчивое развитие, борьбу с бедностью и интеграцию усилий по реализации Повестки дня ООН до 2030 г.⁹, но встречи министров сельского хозяйства были поставлены на паузу.

В целом совместные планы Китая и СЕЛАК в продовольственной сфере поначалу были в основном декларативными. Лишь с 2019 г. на первое место выходят задачи по углублению взаимодействия в сельском хозяйстве¹⁰, однако пандемия COVID-19 изменила приоритеты обеих сторон, заставив откорректировать ранее согласованные планы сотрудничества.

Влияние пандемии COVID-19 на сельское хозяйство стран ЛАКБ

Пандемия вызвала серьезные потрясения в агропродовольственных системах в странах ЛАКБ. Ограничения на перемещение людей привели к нехватке рабочей силы в сезон полевых работ, трудностям с транспортировкой урожая и росту издержек. Временное закрытие продовольственных рынков, ресторанов и экспортных каналов лишило фермеров традиционных каналов сбыта. На перерабатывающие отрасли повлиял дефицит сырья и приостановка работы ряда предприятий. В результате доходы сельских жителей сокращались, повышалась продовольственная уязвимость малообеспеченных слоев населения (Luque Zúñiga, Moreno Salazar Calderón & Lanchipa Ale, 2021, p. 74). «Рост масштабов голода, нищеты и недоедания является парадоксом для региона, который вносит значительный вклад в мировое продовольственное снабжение и производит достаточно продовольствия, чтобы прокормить все свое население», — заявил Генеральный директор Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) Цюй Дуньюй на полях 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке¹¹, объясняя так называемый «парадокс продовольственной безопасности» ЛАКБ.

По данным ФАО, валовой внутренний продукт стран ЛАКБ сократился в 2020 г.

⁸ См.: Full Text of China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // Xinhuanet. November 24, 2016. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2016-11/24/c_135855286.htm (accessed: 12.06.2025); Aguilera-Castillo A., Gil-Barragan J.M. China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean: Ten Years After // E-International Relations. November 5, 2018. URL: <https://www.e-ir.info/2018/11/05/chinas-policy-paper-on-latin-america-and-the-caribbean-ten-years-after/> (accessed: 12.06.2025).

⁹ ECLAC Highlights Importance and Opportunity in Strengthening Ties between China and Latin America and the Caribbean // Economic Commission for Latin America and the Caribbean. January 22, 2018. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/eclac-highlights-importance-and-opportunity-strengthening-ties-between-china-and-latin> (accessed: 12.06.2025).

¹⁰ Zhong guo yu La gong ti cheng yuan guo you xian ling yu he zuo gong tong xing dong ji hua (2019–2021) [Совместный план действий Китая и стран — членов СЕЛАК по приоритетным направлениям сотрудничества (2019–2021)] // Zhonghua Renmin Gongheguo Waijiao bu [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. February 2, 2018. (На китайском языке). URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/201802/t20180202_343157.shtml (accessed: 25.06.2025).

¹¹ Agrifood Systems Transformation Can Help Resolve Latin America's Food "Paradox" // Food and Agriculture Organization of the United Nations. September 20, 2022. URL: <https://www.fao.org/americas/news/news-detail/Agrifood-systems-transformation-can-help-resolve-Latin-America-s-food-paradox/en> (accessed: 12.06.2025).

на 7,7%¹². Снижение цен и сокращение объема мирового спроса привело к сокращению экспорта сельхозпродукции региона на 23%. Только Китай сократил закупки в регионе на 21,7%. По сравнению с 2019 г. в марте 2020 г. упала динамика экспорта четырех основных экспортных товаров региона — соевых бобов, говядины, кофе, фруктов и овощей. Спад экспорта кофе Колумбии составил 12,1%, экспорт говядины из Бразилии зафиксировал снижение на 43%. Стоимость экспорта фруктов и овощей в Чили снизилась на 5,1%, а в Перу — на 17%. Только по экспорту сои была зарегистрирована положительная динамика: в Парагвае — на 23,3%, а в Бразилии — на 27,9%. В целом за первую половину 2020 г. цены на сельскохозяйственную продукцию упали на 5,2%¹³. Все эти факторы привели к беспрецедентным сложностям в борьбе с голодом и нищетой. По данным ФАО, уровень недоедания в регионе в 2020–2021 гг. поднялся выше допандемийного¹⁴ и только в 2022 г. начал сокращаться, затронув 6,5% населения против 7% годом ранее¹⁵. Цюй Дунъюй отмечал, что COVID-19 усугубил неравенство и грозил отбросить Латинскую Америку в борьбе с голодом на 20 лет назад¹⁶.

Сельскохозяйственная продукция, являясь первым звеном в цепочке поставок и обладая стратегическим значением, играла

ключевую роль в формировании транспортных и логистических услуг. Динамика перевозок в морских портах ЛАКБ в 2020 г. зарегистрировала снижение перевозок на 5% по сравнению с 2019 г. Сокращение объемов портовых и судоводных перевозок затронуло внутри- и внерегиональные грузы, что имело последствия для обмена и распределения продовольствия между странами региона, а также поставок в другие регионы мира¹⁷ и угрожало стабилизации торговых отношений Китая и стран ЛАКБ. Пандемия привела и к крупномасштабному кризису в Китае, поставив под сомнение преобладавшую до тех пор концепцию продовольственной безопасности.

Эволюция концепции продовольственной безопасности в Китае: от зерновой самообеспеченности к «расширенному пониманию продовольствия»

Исторически продовольственная безопасность в Китае строилась вокруг идеи зерновой самодостаточности, сформулированной в лозунге «Держать китайскую чашу риса в собственных руках»¹⁸. Белая книга Госсовета КНР по продовольственной безопасности

¹² Latin America and the Caribbean Are “Pillar for World Food Security” // Food and Agriculture Organization of the United Nations. April 16, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/Latin-America-and-the-Caribbean-are-pillar-for-world-food-security/-en> (accessed: 12.02.2025).

¹³ Quicaña E. Efectos de la COVID-19 en la economía rural de América Latina // Organización Internacional de Trabajo. 11 de noviembre de 2020. P. 5–7. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40americas/%40ro-lima/documents/publication/wcms_760656.pdf (accessed: 12.06.2025).

¹⁴ The State of Food Security and Nutrition in the World 2022 : Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable. Rome : FAO, 2022. URL: <https://doi.org/10.4060/cc0639en> (accessed: 12.06.2025).

¹⁵ Regional Overview of Food Security and Nutrition in Latin America and the Caribbean 2023 // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/americas/publicaciones/panorama/2023/en> (accessed: 12.06.2025).

¹⁶ FAO Supports China — Latin America and the Caribbean Partnership to Boost Agri-Food Systems // Food and Agriculture Organization of the United Nations. February 25, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-supports-China-Latin-America-and-the-Caribbean-partnership-to-boost-agri-food-systems/en> (accessed: 12.06.2025).

¹⁷ Quicaña E. Efectos de la COVID-19 en la economía rural de América Latina // Organización Internacional de Trabajo. 11 de noviembre de 2020. P. 5–7. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40americas/%40ro-lima/documents/publication/wcms_760656.pdf (accessed: 12.06.2025).

¹⁸ Zhong guo de liang shi an quan [Продовольственная безопасность Китая] // Guowuyuan Xinwen Bangongshi [Информационный офис Государственного совета]. October 14, 2019. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-10/14/content_5439410.htm (accessed: 24.06.2025).

2019 г. закрепляла установку: обеспечить 95 % внутреннего спроса за счет собственного производства, а импорт рассматривать как инструмент для разнообразия ассортимента и технологической поддержки¹⁹. Такой подход обеспечивал мобилизацию внутренних ресурсов, рост урожайности и минимизацию зависимости от внешних рынков, позволив Китаю 20 лет подряд наращивать сборы зерна и к 2018 г. на 95 % покрыть базовые потребности почти 1,4 млрд населения²⁰.

Однако по мере роста благосостояния и изменения структуры потребления в КНР стал заметен отход от зернового монокультурья: рацион китайцев обогащался животным белком, фруктами, овощами и морепродуктами. Си Цзиньпин уже в середине 2010-х гг. призвал к переходу от узкой зерновой парадигмы к концепции «расширенного понимания продовольствия» (大食物观, *dà shíwù guān*)²¹. Важное отличие этого подхода — в признании необходимости многоуровневой системы, куда входят не только традиционные злаки, но и продукция животноводства, рыболовства, дикоросы, морские и микробиологические ресурсы²². Политика сместилась к гибкой стратегии, где умеренный, но диверсифицированный импорт дополнял бы внутреннее производство, а стабильность цепей поставок становилась приоритетом.

Правительственные эксперты Китая отмечали, что с 1978 по 2022 г. годовое потребление зерна на душу населения в КНР

сократилось с 248 до 130 кг, поскольку рацион обогатился белками, овощами и фруктами²³. Новая продовольственная стратегия, закрепленная в партийных документах и публичных выступлениях руководства КНР, подразумевала переход от абсолютной зерновой автаркии к устойчивому балансу между внутренним производством и внешними источниками, если они надежны и не несут стратегических рисков. В этом контексте внимание уделялось так называемой «безопасной зависимости»: Китай допускал умеренную зависимость от внешнего рынка, если она строилась на устойчивых, диверсифицированных партнерствах, минимизирующих угрозу санкций или перебоев.

Так, уже к началу 2020-х гг. в Китае окончательно оформилась доктрина, в рамках которой продовольственная безопасность трактовалась не только как вопрос валовых объемов зерна, но как обеспечение качества, разнообразия и устойчивости всей системы питания. Это объясняло быстрый рост интереса к расширению внешних каналов поставок, и в частности к стратегическому партнерству с ЛАКБ, где КНР видела долгосрочный резерв для покрытия растущего спроса на белок, масличные, корма и тропические культуры, что невозможно было полностью воспроизвести внутри страны. Такой сдвиг в мышлении и политике стал основой для всех последующих решений Китая в области глобального продовольственного сотрудничества.

¹⁹ Zhong guo de liang shi an quan [Продовольственная безопасность Китая] // Guowuyuan Xinwen Bangongshi [Информационный офис Государственного совета]. October 14, 2019. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-10/14/content_5439410.htm (accessed: 24.06.2025).

²⁰ Ibid.

²¹ См.: Wang Y. Zong shu ji de ren min qing huai: “Yao shu li da shi wu guan” [Народные чувства Генерального секретаря: «Необходимо утвердить большую продовольственную парадигму»] // CCTV zhibō [CCTV Live]. April 21, 2024. (На китайском языке). URL: <https://news.cctv.com/2024/04/21/ARTIEfG6rSbx18Wo7Nt6dyJ3240421.shtml> htm (accessed: 25.06.2025); Shu li he jian xing da shi wu guan [Формирование и реализация концепции «большой продовольственной парадигмы»] // Renmin Ribao [People's Daily]. May 13, 2024. (На китайском языке). URL: https://paper.people.com.cn/rmrbwap/html/2024-07/04/nw.D110000renmrb_20240704_3-09.htm (accessed: 25.06.2025).

²² Shu li he jian xing da shi wu guan [Формирование и реализация концепции «большой продовольственной парадигмы»] // Renmin Ribao [People's Daily]. May 13, 2024. (На китайском языке). URL: https://paper.people.com.cn/rmrbwap/html/2024-07/04/nw.D110000renmrb_20240704_3-09.htm (accessed: 25.06.2025).

²³ Ibid.

Пандемия COVID-19 как катализатор поворота Китая к СЕЛАК

Появление COVID-19 в Китае в конце 2019 г. привело к резкому спаду экономики, который затронул производство сельхозкультур, цепочки поставок и доходы фермеров. В условиях карантина были нарушены поставки семян, только малая часть семенных складов продолжала работу, что задержало весенний сев и снизило урожай риса минимум на 5%. В результате пострадали доходы 40% китайцев, занятых в агросекторе, а производство основных злаков оказалось под угрозой (Pan et al., 2020, p. 7). Меры изоляции осложнили работу всей системы продовольственных поставок, вызвав спад спроса и образование излишков (Pu & Zhong, 2020, pp. 2–3). Особенно серьезно пострадало животноводство из-за нехватки кормов, перебоев в логистике и закрытия рынков (Pan et al., 2020, p. 9).

Весной 2020 г. добавились глобальные логистические сбои: контейнерные перевозки замедлились, выросла стоимость логистики, а напряженность в торговле с Австралией и США вызвала перебои с поставками ключевых товаров, прежде всего сои и кормов (Vista Monzalsha, Kusuma Paksi & Dafa Hanggariksa, 2023, pp. 162). Торговый конфликт с США стал внешним катализатором стратегического разворота, поскольку Китай не получил объемы продукции (в частности соевых бобов), предусмотренные соглашениями начала 2020 г. (Арапова, 2022, с. 110)

В ответ на эти вызовы Пекин принял экстренные меры: поддержал работу

сельхозпредприятий, ускорил возобновление производства, открыл «зеленые коридоры» для импорта и расширил доступ иностранных поставщиков к рынку (Pan et al., 2020, pp. 13–14). Импорт зерна (особенно кукурузы, пшеницы и ячменя) в 2020 г. резко вырос²⁴, а в пятилетнем плане появилась отдельная глава по продовольственной безопасности (Lu et al., 2022, p. 7). Эти и другие шаги свидетельствовали о новой стратегической ориентации Китая на внутреннюю стабильность в условиях глобальной нестабильности.

В результате торгового конфликта с США Китай усилил продовольственное партнерство с ЛАКБ: закупки сои, кукурузы, говядины и фруктов у стран региона выросли, а инвестиции в логистику позволили изменить географию импорта²⁵. Доля ЛАКБ в импорте КНР выросла до 25%, а США — снизилась до 14%, что позволило Китаю снизить зависимость от американского рынка²⁶.

Институционализация продовольственного сотрудничества в 2021–2025 гг.

В этих условиях 24 февраля 2021 г., после почти 8-летнего перерыва, открылся II Форум министров сельского хозяйства Китая и СЕЛАК, центральной темой которого стало достижение нового уровня агросотрудничества по принципу экономической взаимодополняемости в постпандемийный период. А. Барсена, исполнительный секретарь ЭКЛАК, отмечала, что сотрудничество необходимо сосредоточить

²⁴ Импорт кукурузы и пшеницы в Китай в 2020 г. достиг рекордных значений // IDK.Эксперт. 19.01.2021. URL: <https://exp.idk.ru/news/world/import-kukuruzy-i-pshenicy-v-kitaj-v-2020-godu-dostig-rekordnykh-znachenij/542319/> (дата обращения: 10.03.2025).

²⁵ См.: Huang Sh. 3 yue Ba xi da dou chu kou liang po ji lu Zhong guo mao yi shang ji ji xia dan [В марте экспорт бразильской сои побил рекорд; китайские трейдеры активно размещают заказы] // Caixin. April 10, 2020. (На китайском языке). URL: <https://economy.caixin.com/2020-04-10/101541088.html> (accessed: 12.06.2025); Zhong liang ji tuan Ba xi gong si jing de Sang tuo si gang yi ma tou te xu jing ying quan [Бразильская COFCO International получила концессию на причал STS11 порта Сантос] // Xinhua Finance. April 1, 2022. (На китайском языке). URL: https://www.cnfin.com/gs-lb/detail/20220401/3573343_1.html (accessed: 25.06.2025).

²⁶ Wang G. Zhong guo zai Nan mei jian ju xing ma tou, que bao ti dai Mei guo liang shi [Китай строит в Южной Америке гигантский портовый терминал, чтобы заменить американское зерно] // Guancha [Наблюдатель]. May 14, 2025. (На китайском языке). URL: https://www.guancha.cn/international/2025_05_14_775800.shtml (accessed: 25.06.2025).

на цифровизации сельского хозяйства, социальной и экономической интеграции мелких семейных фермеров и научно обоснованном агроэкологическом переходе²⁷, уделяя особое внимание интеграции мелких семейных фермеров в современные агропродовольственные цепочки. По данным ЭКЛАК, в странах ЛАКБ уже в 2015 г. насчитывалось порядка 16,5 млн семейных фермерских хозяйств, на которые приходилось 80 % внутреннего продовольственного производства²⁸. Однако традиционно они испытывали трудности с доступом к финансам, технологиям и сбытовым сетям. Сотрудничество с Китаем открыло новые возможности для их социальной и экономической инклюзии. На это указывал и Цюй Дуньюй, подчеркивая, что «инвестиции в сельское хозяйство в странах с низким уровнем дохода, особенно в семейное и мелкое фермерство, оказывают большее влияние на сокращение бедности, чем инвестиции в другие секторы»²⁹. Партнерство Китая и СЕЛАК в торговле сельхозпродукцией позволило повысить доходы фермеров и вовлечь их в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

На Форуме отмечалось, что успех малых хозяйств невозможен без внедрения инноваций в агротехнологиях: агроэкологические методы и современные средства

механизации рассматриваются как путь повышения устойчивости и интеграции в кооперационные сети. Были запущены программы обмена опытом, основанные на китайской модели агронаучных парков и демонстрационных центров, а цифровизация и поддержка фермеров стали взаимосвязанными задачами. В декабре 2021 г. в ходе III Министерской встречи Форума Китай — СЕЛАК был согласован новый Совместный план действий (2022–2024 гг.), а регулярность форумов и создание рабочих групп по отдельным вопросам способствовали институционализации сотрудничества³⁰.

В 2023 г. Китай инициировал создание Координационного центра аграрного сотрудничества с ЛАКБ, ряда лабораторий и демонстрационных проектов, подчеркивая снижение зависимости от США за счет роста закупок в Бразилии и Аргентине³¹. К 2024 г. в китайской продовольственной стратегии стал очевиден «поворот на Юг», а страны СЕЛАК рассматривались как надежный и стратегически важный источник аграрной продукции.

На последующих форумах, в том числе в Вэйфане (2024 г.) и Пекине (2025 г.), были согласованы инициативы по климатически устойчивым агропроектам, технологическому обмену и зеленому сельскому хозяйству. В частности, был принят новый

²⁷ FAO Supports China — Latin America and the Caribbean Partnership to Boost Agri-Food Systems // Food and Agriculture Organization of the United Nations. February 25, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-supports-China-Latin-America-and-the-Caribbean-partnership-to-boost-agri-food-systems/en> (accessed: 12.06.2025).

²⁸ Seguridad alimentaria, nutrición y erradicación del hambre. CELAC 2025 : Elementos para el debate y la cooperación regionales // CEPAL. Julio de 2016. P. 46. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/4f1cb6e6-3abf-4fe8-8c6d-7b107b934a6d/content> (accessed: 02.06.2025).

²⁹ FAO Supports China — Latin America and the Caribbean Partnership to Boost Agri-Food Systems // Food and Agriculture Organization of the United Nations. February 25, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-supports-China-Latin-America-and-the-Caribbean-partnership-to-boost-agri-food-systems/en> (accessed: 12.06.2025).

³⁰ Zhong guo yu La gong ti cheng yuan guo you xian ling yu he zuo gong tong xing dong ji hua (2019–2021) [Совместный план действий Китая и стран — членов CELAC по приоритетным направлениям сотрудничества (2019–2021)] // Zhonghua Renmin Gongheguo Waijiao bu [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. February 2, 2018. (На китайском языке). URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/201802/t20180202_343157.shtml (accessed: 25.06.2025).

³¹ Wang G. Zhong guo zai Nan mei jian ju xing ma tou, que bao ti dai Mei guo liang shi [Китай строит в Южной Америке гигантский портовый терминал, чтобы заменить американское зерно] // Guancha [Наблюдатель]. May 14, 2025. (На китайском языке). URL: https://www.guancha.cn/international/2025_05_14_775800.shtml (accessed: 25.06.2025).

Совместный план на 2025–2027 гг.³², нацеленный на реализацию проектов в области продовольственной безопасности, развитие зеленого сельского хозяйства наряду с созданием совместных программ по технологичным системам сельского хозяйства, обменом данными о продовольственных рынках и другими новациями. В итоговых документах подчеркивались приоритет продовольственной безопасности, поддержка концепции «сообщества единой судьбы человечества» в контексте продовольственной безопасности Китая и Бразилии, а также согласие с предложением Бразилии о создании Глобального альянса по борьбе с голодом и бедностью³³.

Эта бразильская инициатива, выдвинутая на площадке G20, призвана объединить государства в реализации ЦУР 2 (ликвидация голода). Китай и СЕЛАК совместно лоббируют ее продвижение, а ФАО назвала этот альянс одной из ключевых возможностей для привлечения внимания к проблеме продовольственного неравенства³⁴. Китай также объявил о новых мерах поддержки региона, включая льготную кредитную линию на 66 млрд юаней (около 9,2 млрд долл. США) для проектов развития с учетом, что объем торговли Китая со странами СЕЛАК по итогам 2024 г. уже достиг 515 млрд долл. США, увеличившись с 450 млрд долл. США в 2023 г.³⁵

Важно подчеркнуть, что продовольственная проблематика вышла на один уровень с традиционно приоритетными для Китая темами инфраструктуры и инвестиций. Форум институционализировал продовольственное сотрудничество, сделав его предметом регулярного планирования и мониторинга.

Взаимодополняемость СЕЛАК и Китая в области продовольственного сотрудничества

Для Китая, крупнейшего мирового импортера продовольствия, страны ЛАКБ являются стратегическими партнерами, а растущий спрос из КНР создает для производителей региона новые рынки сбыта. Китай превратился в ключевой экспортный рынок для агросектора ряда стран региона: к 2024 г. он стал крупнейшим торговым партнером Бразилии, Чили, Перу и Уругвая, обогнав по этому показателю США³⁶. Уже в 2020 г. Бразилия не только обогнала США, но и стала доминирующим поставщиком сои для китайской промышленности и животноводства³⁷. Помимо сои Китай начал активно наращивать импорт кукурузы из Бразилии, особенно после 2022 г., когда из-за кризиса на Украине возникли перебои с традиционными поставками фуражного зерна. В 2024 г. бразильская кукуруза уже занимала первое место по объему ее импорта

³² Zai zhe chang kaimu shi shang, Xi Jinping wei gong jian Zhong-La mingyun gongtongti bohua xin lantu [На этой церемонии открытия Си Цзиньпин представил новую «дорожную карту» по построению сообщества единой судьбы Китая и Латинской Америки] // Gong chan dang yuan wang [Официальный сайт членов КПК]. May 14, 2025. (На китайском языке). URL: <https://www.12371.cn/2025/05/14/ARTI1747203064862563.shtml> (accessed: 25.06.2025).

³³ Declaración de Beijing de la Cuarta Reunión Ministerial del Foro China — Celac // Gobierno de Colombia. May 13, 2025. URL: <https://www.cancilleria.gov.co/newsroom/news/declaracion-beijing-cuarta-reunion-ministerial-foro-china-celac> (accessed: 25.06.2025).

³⁴ FAO Joins the Global Alliance to Combat Hunger and Poverty // Food and Agriculture Organization of the United Nations. October 12, 2024. URL: <https://www.fao.org/social-protection/news-and-events/news/news-detail/fao-joins-the-global-alliance-to-combat-hunger-and-poverty/en> (accessed: 12.06.2025).

³⁵ China Commits \$10 Billion in Fresh Credit to Latin America // The Economic Times. May 13, 2025. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/china-commits-10-billion-in-fresh-credit-to-latin-america/articleshow/121129755.cms> (accessed: 10.06.2025).

³⁶ Domini P. Abrazando el mercado chino en Shanghai: Países latinoamericanos fortalecen presencia en CIEE 2024 apostando por innovación y diversificación // Xinhua. November 8, 2024. URL: <https://spanish.news.cn/20241108/2aa9f9bc0d0a4caf86b73d9ffde85fcc/c.html> (accessed: 12.06.2025).

³⁷ Zhong-La nong ye he zuo niu dai la de geng jin [Сельскохозяйственные связи Китая и Латинской Америки становятся еще прочнее] // Renmin Ribao [People's Daily]. May 13, 2025. (На китайском языке). URL: https://paper.people.com.cn/rmrbhwb/pc/content/202505/13/content_30072678.html (accessed: 26.06.2025).

в КНР³⁸. Бразилия и Аргентина стали основными поставщиками говядины, потеснив Австралию и США. С 2018 по 2024 г. экспорт говядины из Бразилии в Китай в период почти утроился, а из Аргентины с 2015 по 2024 г. — увеличился более чем в 14 раз³⁹. Также заметно вырос ввоз фруктов из Латинской Америки (черешня, сливы, голубика из Чили, авокадо, манго, черника из Перу и т. д.⁴⁰) при стагнации поставок из США.

Для закрепления долгосрочного партнерства Китай обозначил конкретные цели. На форуме министров сельского хозяйства в 2021 г. министр сельского хозяйства Китая Тан Жэньцзянь предложил довести объем двусторонней аграрной торговли до 100 млрд долл. США и увеличить прямые инвестиции в АПК стран ЛАКБ до не менее чем 5 млрд долл. США⁴¹. Эти ориентиры были с одобрением восприняты латиноамериканскими партнерами, учитывая, что уже с 2014 по 2023 г. объемы торговли сельхозпродукцией между Китаем и СЕЛАК удвоились, достигнув 81 млрд долл. США⁴², что позволило латиноамериканским производителям

глубже интегрироваться в торговлю с Китаем, а Китаю — обеспечить более разнообразные каналы поставок продовольствия. Китайские инвестиции дополнили масштабные инфраструктурные проекты по строительству терминалов китайской корпорации *China Oil and Foodstuffs Corporation* (COFCO) в Бразилии⁴³, развитию портов и транспортных маршрутов в регионе⁴⁴, а также вложению в пищевую промышленность, агрофинтех и тепличное хозяйство.

Сотрудничество Китая и СЕЛАК все активнее выходит за рамки двусторонних отношений и реализуется на площадках ФАО, где с 2019 г. пост генерального директора занимает представитель КНР Цюй Дунъюй. Китай финансирует техническую помощь через фонд ФАО по сотрудничеству Юг — Юг, запущена региональная программа цифровизации агросектора СЕЛАК, созданы совместные инновационные центры и кредитные линии для поддержки аграрных проектов и сельских районов. В 2021 г. при содействии этого фонда была запущена региональная программа цифровизации агросектора 12 стран СЕЛАК,

³⁸ 2024 nian wo guo da zong nong chan pin jin kou lai yuan guo pai xing bang: Ba xi bao chi jue dui you shi wen ju shou wei [Рейтинг стран-поставщиков массовых сельхозтоваров Китая в 2024 г.: Бразилия сохраняет абсолютное лидерство] // *Shijie Nong hua Wang* [Мировая платформа по агрохимии]. February 25, 2025. (На китайском языке). URL: <https://cn.agropages.com/news/NewsDetail---34128.htm> (accessed: 25.06.2025).

³⁹ Xiao E. How Latin American Beef Exporters Can Succeed in China's Evolving Import Market // *China Briefing*. June 10, 2025. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-latin-america-beef-trade-2025/> (accessed: 12.06.2025).

⁴⁰ См.: China Boosts Trade with Latin America, Increasing Chilean Cherry Imports // *FreshPlaza*. November 21, 2024. URL: <https://www.freshplaza.com/latin-america/article/9680761/china-boosts-trade-with-latin-america-increasing-chilean-cherry-imports/> (accessed: 01.08.2025); Frozen Peruvian Avocados, Blueberries and Mangos Nearing China Market Access // *Produce Report*. November 21, 2024. URL: <https://www.producereport.com/article/frozen-peruvian-avocados-blueberries-mangos-nearing-china-market-access> (accessed: 12.06.2025).

⁴¹ FAO Supports China — Latin America and the Caribbean Partnership to Boost Agri-Food Systems // *Food and Agriculture Organization of the United Nations*. February 25, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-supports-China-Latin-America-and-the-Caribbean-partnership-to-boost-agri-food-systems/en> (accessed: 12.06.2025).

⁴² 3rd China — CELAC Ministerial Forum on Agriculture Held in East China // *Xinhua*. July 2, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240702/f9a6de631cc74cbe8bfce0891a2410be/c.html> (accessed: 12.06.2025).

⁴³ См.: Wang G. Zhong guo zai Nan mei jian ju xing ma tou, que bao ti dai Mei guo liang shi [Китай строит в Южной Америке гигантский портовый терминал, чтобы заменить американское зерно] // *Guancha* [Наблюдатель]. May 14, 2025. (На китайском языке). URL: https://www.guancha.cn/international/2025_05_14_775800.shtml (accessed: 25.06.2025); Zhong liang ju zi tou jian Ba xi gang kou ma tou! po qie bing jing qiang hua hai wai ye wu [COFCO инвестирует крупные средства в строительство бразильского портового терминала, устраняя узкие места и укрепляя зарубежный бизнес] // *Xinlang Cai jing* [Sina Финанс]. January 15, 2025. (На китайском языке). URL: <https://finance.sina.cn/futuremarket/ncpzz/2025-01-15/detail-ineeznmf7327972.d.html> (accessed: 25.06.2025).

⁴⁴ China entrará a Sudamérica a través de un megapuerto en Perú y debilitará a EE. UU // *La Nación*. 11 de noviembre de 2024. URL: <https://www.lanacion.com.py/mundo/2024/11/11/china-entrara-a-sudamerica-a-traves-de-un-megapuerto-en-peru-y-debilitara-a-ee-uu/> (accessed: 12.06.2025).

которая «будет способствовать обмену знаниями и развитию на основе передового опыта Китая в области цифрового сельского хозяйства»⁴⁵. Именно это имела в виду министр сельского хозяйства Гондураса Л. Суасо, приветствуя усилия Китая по продвижению сотрудничества по линии Юг — Юг в области продовольствия⁴⁶. С помощью китайских инвестиций и технологий страны ЛАКБ сумели частично модернизировать свой агропромышленный комплекс, решая проблему «парадокса продовольственной безопасности». Острота этой проблемы побудила СЕЛАК при поддержке ФАО в 2014 г. разработать План по продовольственной безопасности, питанию и искоренению голода в ЛАКБ до 2025 г. (План SAN CELAC–2025) (Lajous & Sosa, 2020, p. 108), а в 2024 г. — План SAN CELAC–2030⁴⁷, в рамках которого продвигаются меры по укреплению социальных программ питания, школьных обедов, поддержке семейного фермерства с учетом как финансовой, так и технической помощи со стороны Китая. Эти инициативы дополняют основную повестку и укрепляют взаимопонимание между народами Китая и Латинской Америки.

Заключение

За первое десятилетие существования Форума Китай — СЕЛАК партнерам удалось достичь значительных результатов. Наиболее наглядным показателем стало резкое расширение торговли, объем которой к 2025 г. превысил 500 млрд долл. США. Агропродовольственный сектор, фундаментальный компонент этих

связей, рос особенно быстрыми темпами, удвоившись за 2014–2023 гг. Китайский рынок обеспечил странам СЕЛАК стабильный спрос на их продукцию, даже когда глобальные цены падали. В свою очередь китайские потребители получили доступ к разнообразным видам продовольствия по более выгодным ценам. Была выстроена разветвленная институциональная архитектура сотрудничества: проведено 4 полноформатных форума, свыше десятка отраслевых диалогов, создано 8 постоянных тематических площадок. Под эгидой форума реализовано более 100 проектов и инициатив в различных областях — от повышения сельскохозяйственной продуктивности и научно-технических обменов до программ по снижению бедности.

За 10 лет форум Китай — СЕЛАК зарекомендовал себя как эффективный механизм сотрудничества и продолжает набирать институциональную устойчивость. Форум доказал свою эффективность как гибкая и открытая платформа, позволяющая согласовывать повестку по мере изменений международного контекста, став, в частности, инструментом адаптации сотрудничества к новым вызовам: пандемия COVID-19 придала импульс включению темы продовольственной безопасности, а геополитическая напряженность ускорила диалог по обеспечению устойчивости торговых цепочек.

Сотрудничество между Китаем и СЕЛАК в сфере продовольственной безопасности за этот период приобрело устойчивый и институционализированный характер. Созданы многоуровневые платформы для постоянного агропродовольственного диалога, что

⁴⁵ См.: *FAO Supports China — Latin America and the Caribbean Partnership to Boost Agri-Food Systems* // Food and Agriculture Organization of the United Nations. February 25, 2021. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/FAO-supports-China-Latin-America-and-the-Caribbean-partnership-to-boost-agri-food-systems/en> (accessed: 12.06.2025); *Centro de Innovación Alimentaria Sostenible China — América Latina y el Caribe es inaugurado en Sanya* // Xinhua. November 9, 2024. URL: <https://spanish.xinhuanet.com/20241109/372bcbccc28d4d1584818cd95cf1f2a4/c.html> (accessed: 12.06.2025).

⁴⁶ *Tercer Foro Ministerial sobre agricultura China — CELAC se realiza en este de China* // Xinhua News Agency. July 3 2024. URL: <https://spanish.xinhuanet.com/20240703/908b0082512b49b9ad80968b50bb8c69/c.html> (accessed: 12.06.2025).

⁴⁷ *FAO Members in Latin America and the Caribbean Discuss How to Reduce Hunger and Inequality in World's Largest Agrifood Exporting Region* // Food and Agriculture Organization of the United Nations. March 18, 2024. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/fao-members-in-latin-america-and-the-caribbean-discuss-how-to-reduce-hunger-and-inequality-in-world-s-largest-agrifood-exporting-region/en> (accessed: 12.06.2025).

не только позволило диверсифицировать внешние поставки для Китая и снизить риски односторонней зависимости от традиционных партнеров, но и стимулировало внедрение технологических, а также институциональных инноваций в аграрном секторе стран ЛАКБ. Существенный рост инвестиций и торгового обмена сопровождался выстраиванием механизмов координации и совместного реагирования на новые вызовы.

Пандемия COVID-19 стала важным испытанием для региональных агропродовольственных систем, ускорив трансформацию китайской политики продовольственной безопасности: от концепции зерновой самодостаточности Китай перешел к доктрине «расширенного понимания продовольствия», углубив сотрудничество со странами СЕЛАК в рамках глобальных продовольственных цепочек. Этот процесс сопровождался, с одной стороны, расширением товарооборота, а с другой — формированием новой модели партнерства, в рамках которой ЛАКБ выступает не только как сырьевой плацдарм, но и как площадка для внедрения технологических, институциональных и инвестиционных инноваций.

Роль стран СЕЛАК как гаранта мирового продовольственного предложения и роль Китая как крупнейшего потребителя и инвестора формируют прочную основу взаимодополняемости. В результате сформировалась новая модель сотрудничества Юг — Юг, в рамках которой страны Глобального Юга совместно влияют на мировую политику продовольствия. Удалось добиться и тесной координации на многостороннем уровне по ключевым вопросам, прежде всего продовольственной безопасности и устойчивого сельского хозяйства. Ключевым словом в повестке остается устойчивость в трех измерениях: экономическом, социальном и экологическом. На текущем этапе сотрудничество переходит от простого наращивания торговли к более сложной задаче трансформации агропродовольственных систем в направлении устойчивого развития. В этом аспекте интересы сторон во многом совпадают с глобальными целями ООН. Китай и страны СЕЛАК демонстрируют готовность достигать этих целей совместно, сообща отстаивая интересы развивающихся государств в глобальной повестке продовольственной безопасности.

Поступила в редакцию / Received: 10.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Арапова Е. Я.* Торговая война США и Китая: экономические и правовые эффекты // Сравнительная политика. 2022. Т. 13, № 1–2. С. 98–115. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115>; EDN: YPCRTJ
- Борзова А. Ю., Торкунова Ю. А., Агаев Ю. И.* Китай — CELAC: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 32–46. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0000022-3>; EDN: UXADLW
- Прохоренко И. Л.* Двусторонние соглашения о свободной торговле в Латинской Америке в контексте борьбы Китая за глобальное лидерство // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 4. С. 19–29. <https://doi.org/10.20542/afj-2024-4-19-29>; EDN: KSPDLW
- Смирнова В. А.* Особенности участия КНР в многосторонних механизмах обеспечения продовольственной безопасности в 2007–2021 гг. (на примере Африки и Юго-Восточной Азии): дис. ... канд. полит. наук. Москва : НИУ ВШЭ, 2025.
- Смирнова В. А.* Тенденции многостороннего сотрудничества Китая и стран Юго-Восточной Азии в сфере продовольствия и сельского хозяйства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. 4, № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-076-088>; EDN: PHUBBW
- América Latina y El Caribe — China : Economía, Comercio e Inversiones / coord. por E. Dussel Peters E. México : UDUAL, 2013. URL: <http://dspaceudual.org/bitstream/Rep-UDUAL/69/1/América%20Latina%20y%20el%20Caribe-China.%20Economía%2c%20comercio%20e%20inversiones%2c%20Red%20ALC-CHINA.pdf> (accessed: 18.06.2025).*

- Ayllón Pino B., Emmerich N.* Las relaciones entre CELAC y China: Concertación regional y Cooperación Sur-Sur // *Revista Perspectivas do Desenvolvimento: um enfoque multidimensional*. 2015. Vol. 3, no. 4. P. 1–25. URL: <https://periodicos.unb.br/index.php/perspectivasdodesenvolvimento/article/download/14325/12637/28376> (accessed: 01.08.2025).
- Bonilla Soria A., Herrera-Vinelli L.* CELAC como vehículo estratégico de relacionamiento de China hacia América Latina (2011–2018) // *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*. 2020. No. 124. P. 173–198. <https://doi.org/10.24241/rcai.2020.124.1.173>; EDN: FRITYY
- Chen Z., Zhan Y., Zhang Y., Fan S.* Xinguan feiyan yiqing dui quanqiu shiwu anquan de yingxiang ji duice [Влияние эпидемии COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность и меры реагирования] // *Zhongguo nongcun jingji* [Китайская сельская экономика]. 2020. No. 5. P. 2–12. (На китайском языке). URL: <https://ncpssd.cn/Literature/secure/articleinfo?params=dIBHV1M0WVJaU2owaXRsvWpyVHpTM1N VbldQQmk0M0ZEeFlnUWd0TzJLa2RgK2V4OSsxT3FUcWpWMGRkSDk3UnJUSzJSdGJPLzhbkY1Z1VD WUNIZXlpekpodTFyNXlrL3FZcHZDQ05mNE5XczlhYzFyR3VIQ0tnNjVsb2NBnc&pageUrl=https%253A%252F%252> (accessed: 18.06.2025).
- Endara Muñoz G.* La cooperación entre China y la CELAC, en el marco de la iniciativa de “la franja y la ruta” // *Revista AFESE*. 2018. No. 66. P. 43–57. URL: https://www.afese.com/img/revistas/revista66/china_celac.pdf (accessed: 18.06.2025).
- Guo J.* The Political Economy of China — Latin America Relations: The Making of a Post-Boom Paradigm // *China International Strategy Review*. 2023. Vol. 5, iss. 1. P. 113–138. <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00126-5>; EDN: QYTHHE
- Herrera-Vinelli L.* Diplomacia de cumbres: Foro China CELAC // *Dimensiones de la diplomacia de China en América Latina y el Caribe* / ed. by J. Altmann-Borbón, S. Rivero Soto. San José : FLACSO, 2022. P. 103–121.
- Lajous R., Sosa L.* CELAC’s Contribution to the 2030 Agenda // *Revista Mexicana de Política Exterior*. 2020. No. 118. P. 95–115. URL: <https://re.sre.gob.mx/rmpe/index.php/rmpe/article/download/38/40/75> (accessed: 18.06.2025).
- Lu Y., Zhang Y., Hong Y., He L., Chen Y.* Experiences and Lessons from Agri-Food System Transformation for Sustainable Food Security: A Review of China’s Practices // *Foods*. 2022. Vol. 11, no. 2. P. 137. <https://doi.org/10.3390/foods11020137>; EDN: LEVGQD
- Luque Zúñiga B. G., Moreno Salazar Calderón K. A. B., Lanchipa Ale T. M.* Impactos del COVID-19 en la agricultura y la seguridad alimentaria // *Centro Agrícola*. 2021. Vol. 48, no. 1. P. 72–82. URL: <http://ref.scielo.org/zn9vnp> (accessed: 18.06.2025).
- Mosquera M., Morales Ruvalcaba D.* La estrategia institucional de China hacia América Latina. Análisis comparado entre los foros Celac — China y Celac — Unión Europea // *OASIS*. 2018. No. 28. P. 123–149. <https://doi.org/10.18601/16577558.n28.08>
- Pan D., Yang J., Zhou G., Kong F.* The Influence of COVID-19 on Agricultural Economy and Emergency Mitigation Measures in China: A Text Mining Analysis // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, no. 10. P. 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241167>; EDN: KTMEAW
- Pu M., Zhong Yu.* Rising Concerns over Agricultural Production as COVID-19 Spreads: Lessons from China // *Global Food Security*. 2020. Vol. 26. P. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2020.100409>; EDN: STPDJG
- Regueiro L., Merino G., Iglecias W., Vommaro P.* 10 años del Foro China — CELAC: Balance y desafíos para el desarrollo desde el Sur en un mundo multipolar // *Ibero-América Studies*. 2024. Vol. 8, no. 2. P. 1–14. <https://doi.org/10.55704/ias.v8i2.01>; EDN: WFRDJV
- Roncal Vattuone X.* El Libro Blanco: La política de China hacia América Latina y el Caribe y su concreción en los Planes de Acción de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños // *Conjeturas Sociológicas*. 2022. Vol. 10, no. 28. P. 3–17. URL: <https://revistas.ues.edu.sv/index.php/conjsociologicas/article/view/2339> (accessed: 18.06.2025).
- Terui Villegas E.M.A., González García J.* El Foro China — CELAC en la disputa por la hegemonía económica global entre Estados Unidos y China, en América Latina y el Caribe // *México y la Cuenca del Pacífico*. 2024. Vol. 13, no. 39. P. 9–37. <https://doi.org/10.32870/mycp.v13i39.894>; EDN: QPUKTQ
- Vadell J.A.* El Foro China — CELAC y el nuevo regionalismo para un mundo multipolar: desafíos para la Cooperación Sur-Sur // *Carta Internacional*. 2018. Vol. 13, no. 1. P. 6–37. <https://doi.org/10.21530/ci.v13n1.2018.733>
- Vista Monzalsha V., Kusuma Paksi A., Dafa Hanggariksa M.* Australia — China Trade Tensions During the Covid-19 Pandemic: Australia’s Reaction to China Trade Sanctions // *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*. 2023. Vol. 10, no. 2. P. 154–169. URL: <https://ijmmu.com/index.php/ijmmu/article/view/4293/3790> (accessed: 18.06.2025).

- Xu Sh.* China: socio más seguro de América Latina y el Caribe // *Interacción Sino-Iberoamericana / Sino-Iberoamerican Interaction*. 2024. Vol. 4, no. 2. P. 123–136. <https://doi.org/10.1515/sai-2024-0015>
- Zhang X.* Strategic Enhancement and Differential Governance: China's Partnership Diplomacy in Latin America // *Revista Relaciones Internacionales*. 2024. Vol. 97. no. 2. P. 59–80. <https://doi.org/10.15359/97-2.3>; EDN: FRWNQC
- Zheng M.* Zhong-La liangshi anquan hezuo: bijiao, pinggu ji duice [Сотрудничество Китая и Латинской Америки в сфере продовольственной безопасности: сравнение, оценка и меры] // *Lading Meizhou yanjiu* [Латиноамериканские исследования]. 2024. Vol. 46, no. 5. P. 104–131. (На китайском языке). URL: https://ldmzyj.ajcass.com/UploadFile/Issue/201606020001/2024/10//20241029100928WU_FILE_0.pdf (accessed: 18.06.2025).

Сведения об авторах:

Волосюк Ольга Виленовна — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель департамента зарубежного регионоведения, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 1076-5507; ORCID: 0000-0002-3115-6978; e-mail: ovolosiuk@hse.ru

Козылов Илья Сергеевич — преподаватель, аспирант департамента зарубежного регионоведения, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; eLibrary SPIN-код: 7282-9307; ORCID: 0009-0007-4513-2110; e-mail: ikozylov@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-62-76

EDN: TCJXVU

Обзорная статья / Review article

Проблема применимости международного гуманитарного права к кибероперациям: обзор российского и западных подходов

В. Б. Козюлин

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Российская Федерация

✉ v.kozyulin@dipacademy.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что кибероперации становятся неотъемлемым элементом современных вооруженных конфликтов, при этом применимость международного гуманитарного права (МГП) к цифровой среде остается дискуссионной. На практике это проявляется в отсутствии устоявшихся критериев, позволяющих однозначно отнести конкретное кибервоздействие к «нападению», «использованию силы» или к недружественным, но формально правомерным действиям. В условиях трансграничности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), анонимности действий и вовлечения негосударственных акторов отсутствует единый подход к квалификации кибердеяний и защите гражданской инфраструктуры, что затрудняет выработку согласованной международной реакции на киберинциденты. Дополнительную сложность создает то, что значительная часть киберопераций не приводит к физическому разрушению, а выражается в потере функциональности систем, что ставит под вопрос традиционные представления о насилии и ущербе в МГП. Методологически исследование опирается на сравнительно-правовой анализ официальных национальных позиций, документов ООН и специализированных доктринальных источников, а также на системное толкование норм МГП применительно к новым видам вооруженного противоборства. Используются методы юридико-догматического анализа, контент-анализ государственных доктрин и экспертных комментариев, а также элементы кейс-стади в части рассмотрения типичных киберинцидентов, включая операции против объектов критической инфраструктуры и информационных систем двойного назначения. Научная новизна исследования состоит в комплексном раскрытии трех узловых аспектов применения МГП к кибероперациям: цифрового суверенитета, квалификации кибератак и разграничения военных и гражданских целей в киберпространстве. Впервые в единой рамке сопоставлены российский и западные подходы к понятию суверенитета в цифровой среде, к порогам отнесения кибервоздействий к «нападению», а также к статусу данных и объектов двойного назначения в контексте гуманитарной защиты. Полученные результаты показывают, что разнородность национальных подходов к цифровому суверенитету создает препятствия для выработки согласованных критериев применения принципов различия, соразмерности и предосторожности к кибероперациям, не сопровождающимся физическим разрушением. Обоснована необходимость уточнения статуса данных как объектов защиты по МГП и адаптации традиционных категорий военных и гражданских целей к условиям функционирования критической информационной инфраструктуры.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационное право, цифровой суверенитет, кибервойна, международная безопасность, критическая инфраструктура, гуманитарная защита, атрибуция киберинцидентов, гражданское население, двойное назначение, правовой режим данных

© Козюлин В. Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козылин В.Б. Проблема применимости международного гуманитарного права к кибероперациям: обзор российского и западных подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 62–76. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-62-76>; EDN: TCJXVU

The Applicability of International Humanitarian Law to Cyber Operations: A Review of Russian and Western Approaches

Vadim B. Kozyulin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ v.kozyulin@dipacademy.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that cyber operations have become an integral element of contemporary armed conflicts, while the applicability of international humanitarian law (IHL) to the digital environment remains contested and is only partially regulated. In practice, this is reflected by the lack of well-established criteria for classifying specific cyber operations as an “attack,” a “use of force,” or as unfriendly yet formally lawful conduct. Given the transboundary nature of information and communication technologies, the anonymity of actors, and the involvement of non-state entities, there is still no common approach to qualifying cyber activities or protecting civilian infrastructure, which complicates the development of a coordinated international response to cyber incidents. The problem is further exacerbated by the fact that many cyber operations do not cause physical destruction, but rather result in a loss of functionality of systems, calling into question traditional understandings of violence and harm under IHL. The methodology of the study combines a comparative legal analysis of official national positions, United Nations documents, and specialized doctrinal sources, with a systematic interpretation of IHL norms as applied to new forms of armed confrontation. The research employs doctrinal legal analysis, content analysis of governmental doctrines and expert commentaries, as well as elements of case studies focusing on representative cyber incidents, including operations targeting critical infrastructure and dual-use information systems. This article contributes to the literature by providing an integrated examination of three pivotal dimensions of the application of IHL to cyber operations: digital sovereignty, the classification of cyber-attacks, and the distinction between military and civilian objectives in cyberspace. For the first time within a single analytical framework, it juxtaposes Russian and Western approaches to sovereignty in the digital domain, to the thresholds for qualifying cyber activities as “attacks,” and to the legal status of data and dual-use objects for humanitarian protection purposes. The findings demonstrate that divergent national approaches to digital sovereignty and attribution impede the development of common criteria for applying the IHL principles of distinction, proportionality and precaution to cyber operations that do not involve physical destruction. The article therefore argues for clarifying the status of data as objects protected under IHL and for adapting traditional categories of military and civilian objectives to the operating conditions of critical information infrastructure.

Key words: information and communication technologies, information law, digital sovereignty, cyber warfare, international security, critical infrastructure, humanitarian protection, attribution of cyber incidents, civilian population, dual-use, legal regime of data

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kozyulin, V.B. (2026). The applicability of international humanitarian law to cyber operations: A review of Russian and Western approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 62–76. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-62-76>; EDN: TCJXVU

Введение

Рассмотрение в ООН вопросов применения норм международного права, в том числе международного гуманитарного права (МГП) к кибероперациям показало, что достижение согласия остается сложной задачей. Западные страны полагают, что существующего международного права, и в частности МГП, достаточно для регулирования межгосударственного противоборства в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а кибертерроризм и киберпреступность надлежит рассматривать в пределах отдельной системы международного права (Schmitt, 2017a). В свою очередь Россия выступает за создание всеобъемлющего международного механизма регулирования применения международного права в области информационно-коммуникационных технологий под эгидой ООН, при этом особое внимание уделяется учету специфических особенностей цифровой среды, таких как возможность анонимности действий ее участников¹.

Россия, Китай, а также ряд их государств-партнеров и международных организаций полагают, что многие ключевые нормы международного гуманитарного права в настоящее время не находят практического применения к киберинцидентам и требуют дополнительного разъяснения².

Главные задачи данного исследования заключаются в рассмотрении возможности применения международного гуманитарного права к кибероперациям в условиях вооруженных конфликтов, а также в анализе возможностей модификации существующих международно-правовых механизмов для решения вопросов, возникающих в сфере кибервойны, таких как атрибуция, военная

необходимость и разграничение военных и гражданских объектов.

Научная новизна исследования заключается во всестороннем рассмотрении применимости МГП к операциям в киберпространстве, относительно малоисследованной области юридической науки и международных отношений. В работе представлен критический анализ различных национальных точек зрения — в частности, западных стран и России — на толкование и применение МГП в киберпространстве, выявлены пробелы в существующей правовой базе и предложены области для дальнейшего развития этой сферы.

Методологически исследование опирается на общенаучные принципы системности, историзма и междисциплинарного подхода, предполагающие рассмотрение киберопераций как элемента эволюции вооруженных конфликтов и международно-правового регулирования. На этой базе используются специальные методы юридического анализа: сравнительно-правовой анализ национальных подходов к применению международного гуманитарного права в киберпространстве, а также доктринальный анализ профильной литературы и международных документов, позволяющие выявить расхождения в трактовке цифрового суверенитета, кибератак и статуса данных.

Западная школа применения МГП к кибероперациям

Основопологающим документом западной школы права в отношении регулирования киберпространства является Таллинское руководство, разработанное под руководством Центра передового опыта совместной киберзащиты Организации Североатлантического договора (НАТО). Первое издание (2013) сосредоточилось на применении *jus ad bellum*

¹ Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

² Доклад Группы правительственных экспертов ООН по вопросам достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A/76/135 // ООН. 14.07.2021. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3964709/files/DSS_33_Russian.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

и *jus in bello* к кибероперациям, установив критерии квалификации «кибератаки» как акта насилия (Schmitt, 2013). Еще до появления Таллинское руководства Н. Мельцер в работе, подготовленной для Института ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), обозначил основные коллизии применения *jus ad bellum* и *jus in bello* к кибервойне, включая проблемы порога вооруженного конфликта и атрибуции (Melzer, 2011).

В статье Э.Т. Дженсена (Jensen, 2017) и в самом издании «Таллинское руководство 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям», автор и группа экспертов НАТО подробно раскрывают применимость норм *jus ad bellum* и *jus in bello* к кибероперациям, предлагая систему правил по вопросам суверенитета, должной осмотрительности, квалификации кибератак и защиты гражданских объектов (Schmitt, 2017b).

Эксперты под руководством М. Шмитта разработали детальную систему применения действующего международного права к кибероперациям, включая принципы различия, соразмерности и предосторожности (Schmitt, 2017b, pp. 54–68). Было расширено понятие «вооруженного нападения» на высокодеструктивные кибероперации и прояснило соотношение *jus ad bellum* и *jus in bello* в цифровой среде (Schmitt, 2017b). В более поздней работе М. Шмитт систематизировал эволюцию доктрины *jus ad bellum* применительно к киберпространству за прошедшее десятилетие, констатируя, что, несмотря на растущий консенсус по ряду вопросов, проблема «порога» вооруженного нападения остается нерешенной (Schmitt & Pakkam, 2024).

В монографии М. Роччини анализируется, в каких случаях кибероперации могут рассматриваться как «применение силы» или «вооруженное нападение» в контексте принципов Устава ООН и как нормы права вооруженных конфликтов регулируют выбор средств

и методов кибервойны. Автор подробно рассматривает «пограничные» сценарии, когда кибервоздействие не приводит к физическому разрушению, но создает значительные функциональные последствия для критической инфраструктуры (Roscini, 2014, pp. 367–368).

Международный комитет Красного Креста (МККК) также активно развивает концепцию защиты гражданских объектов в киберпространстве³. МККК предложил инновационную идею «цифровой эмблемы» для защиты медицинских и гуманитарных организаций от кибератак⁴. Одним из первых системных исследований этой проблематики стала работа К. Дреге, в которой обосновывается необходимость распространения принципов защиты гражданского населения на операции в киберпространстве и анализируются пределы применимости норм *jus in bello* к кибератакам, не сопровождающимся физическим разрушением (Droege, 2012).

Особую роль в развитии гуманитарной оптики играют исследования юридического отдела МККК. В статье Л. Гизеля, Т. Роденхойзера и К. Дорманна обосновывается, что кибероперации в ходе вооруженных конфликтов однозначно подпадают под действие МГП, а ключевыми проблемами становятся критерии отнесения конкретных кибервоздействий к «нападениям» и вопрос о том, должны ли данные пользоваться защитой наравне с материальными гражданскими объектами (Gisel, Rodenhäuser & Dörmann, 2020).

Министерство обороны США подчеркивает, что принципы права войны применяются к кибероперациям независимо от формального статуса вооруженного конфликта. В выступлении Генерального юрисконсульта П.С. Нея подчеркивается, что последствия киберопераций должны оцениваться по их эквивалентности применению силы традиционными средствами, а также фиксируется обязанность соблюдать принципы различия, соразмерности и предосторожности при планировании и проведении

³ International Humanitarian Law and Cyber Operations during Armed Conflicts // International Committee of the Red Cross. November 28, 2019. URL: <https://www.icrc.org/en/document/international-humanitarian-law-and-cyber-operations-during-armed-conflicts> (accessed: 28.09.2025).

⁴ Digitalizing the Red Cross, Red Crescent and Red Crystal Emblems // International Committee of the Red Cross. November 3, 2022. URL: <https://www.icrc.org/en/document/icrc-digital-emblems-report> (accessed: 28.09.2025).

военных киберопераций⁵. Американский подход фокусируется на результате воздействия (функциональный ущерб, вывод из строя критической инфраструктуры), а не на конкретных технических средствах, что позволяет распространять существующие нормы МГП на широкий спектр кибердействий.

Нидерланды, Франция, Великобритания и Австралия признают применимость МГП к киберпространству с различными акцентами на толковании принципов суверенитета и невмешательства.

Нидерланды в парламентском письме 2019 г. представили развернутую позицию по применению международного права в киберпространстве, прямо признавая суверенитет самостоятельным обязательством, нарушение которого в результате киберопераций может образовывать международно-противоправный акт. Голландский подход детально раскрывает вопросы допустимости контрмер, атрибуции и политической координации реакции на кибератаки, подчеркивая, что существующее международное право обеспечивает достаточную основу для регулирования поведения государств в цифровой среде⁶.

Франция в своем «Заявлении о международном праве в киберпространстве» 2019 г. подтверждает применимость принципов суверенитета, невмешательства и запрета угрозы силой к кибероперациям и исходит из того, что любое кибервоздействие, нарушающее

конфиденциальность, целостность или доступность французских информационных систем, при атрибуции другому государству является как минимум нарушением суверенитета Франции. Французская позиция подчеркивает, что право на контрмеры и самооборону в киберпространстве должно реализовываться строго в рамках международного права и исключает «ответные хакерские действия» частных компаний⁷.

Великобритания в официальном заявлении 2021 г. подтверждает, что международное право в полной мере распространяется на деятельность государств в киберпространстве, но при этом выражает более сдержанную позицию в отношении суверенитета как самостоятельного основания ответственности, считая, что сам по себе принцип суверенитета не образует отдельного «запрета» для киберопераций сверх норм о невмешательстве⁸. В речах Генерального атторнея (Дж. Райта в 2018 г.⁹ и С. Браверман в 2022 г.¹⁰) проводится разграничение между кибероперациями, достигающими порога применения силы и вооруженного нападения, и иными недружественными, но менее масштабными кибервоздействиями.

В программном документе Австралии подчеркивается, что Устав ООН в целом, включая нормы о запрещении угрозы силой, самообороне и ответственности государств, полностью применим к кибероперациям, но при этом указываются новые вызовы, связанные

⁵ Ney Jr. P. C. DoD General Counsel Remarks at U. S. Cyber Command Legal Conference // U. S. Department of War. March 2, 2020. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/2099378/dod-general-counsel-remarks-at-us-cyber-command-legal-conference> (accessed: 28.09.2025).

⁶ Schmitt M. The Netherlands Releases a Tour de Force on International Law in Cyberspace: Analysis // Just Security. October 14, 2019. URL: <https://www.justsecurity.org/66562/the-netherlands-releases-a-tour-de-force-on-international-law-in-cyberspace-analysis/> (accessed: 28.03.2025).

⁷ Roguski P. France's Declaration on International Law in Cyberspace: The Law of Peacetime Cyber Operations, Part I // *Opinio Juris*. September 24, 2019. URL: <https://opiniojuris.org/2019/09/24/frances-declaration-on-international-law-in-cyberspace-the-law-of-peacetime-cyber-operations-part-i/> (accessed: 28.09.2025).

⁸ Application of International Law to States' Conduct in Cyberspace: UK Statement // Foreign, Commonwealth & Development Office. June 3, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/application-of-international-law-to-states-conduct-in-cyberspace-uk-statement/application-of-international-law-to-states-conduct-in-cyberspace-uk-statement> (accessed: 28.09.2025).

⁹ Speech: Cyber and International Law in the 21st Century // Gov.uk. May 23, 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/cyber-and-international-law-in-the-21st-century> (accessed: 28.03.2025).

¹⁰ Jowitt T. UK Can Legally Launch Cyberattacks Against Hostile Nations, Says AG // *Silicon*. May 19, 2022. URL: <https://www.silicon.co.uk/e-regulation/governance/uk-legally-launch-cyberattacks-says-ag-458458> (accessed: 28.03.2025).

с суверенитетом, атрибуцией и юрисдикцией. Австралийская сторона прямо ссылается на нормы о международной ответственности государств и подчеркивает необходимость прозрачности национальных интерпретаций международного права в киберпространстве¹¹.

Таким образом, анализ позиций западных государств и международных организаций показывает, что, несмотря на широкое согласие относительно применимости существующего международного права и МГП к кибероперациям, сохраняются расхождения по вопросам содержания цифрового суверенитета, порогов квалификации кибератак как «использования силы» или «вооруженного нападения», а также процедур международно-правовой атрибуции. Требуется дальнейшей проработки и проблема разграничения военных и гражданских целей в цифровой среде, включая правовой режим критической информационной инфраструктуры и данных как потенциальных объектов защиты в рамках МГП (Giovannelli 2025).

Российские исследования

Российская научная школа представлена работами С.Ю. Гаркуши-Божко, исследующего проблемы *ratione materiae* (лат. «в силу предмета», «по причине существа дела») и *ratione temporis* (лат. «по причине времени», «в силу времени») применения МГП в киберпространстве. Автор отмечает существенные сложности в квалификации киберопераций как актов вооруженного конфликта и подчеркивает необходимость более широкого понимания информационного противоборства. С.Ю. Гаркуша-Божко показывает, что отсутствие согласованного понимания

«вооруженного нападения» и «кибератаки» приводит к разночтениям в вопросах законности применения силы и гуманитарной защиты (Гаркуша-Божко, 2021).

А.В. Коротков и Е.С. Зиновьева исследуют безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве, обращая внимание на проблемы разграничения военных и гражданских целей в условиях двойного использования цифровых объектов (Коротков, Зиновьева, 2011).

Официальная позиция России изложена в комментариях к документам Рабочей группы открытого состава, подчеркивающих необходимость учета суверенных прав государств в информационном пространстве¹². Российская дипломатия действует в соответствии с Указом Президента РФ от 12.04.2021 г. № 213, определяющим содействие совершенствованию под эгидой ООН принципов и норм МГП применительно к сфере ИКТ¹³.

В статье «Международное право и война в киберпространстве» Г.Г. Шинкарецкая рассматривает проблемы применимости норм МГП к воздействиям на информационные и кибернетические системы и приходит к выводу, что базовые принципы МГП (различение, соразмерность, предосторожность) полностью сохраняют силу в киберпространстве, однако специальные нормы в отношении кибероружия и киберопераций находятся в стадии формирования, что создает правовую неопределенность для государств (Шинкарецкая, 2013).

В более новой работе «Противодействие кибератакам: пробелы международного права и перспективы их преодоления» анализируются юридические последствия кибератак, сложности атрибуции и привлечения к ответственности,

¹¹ 2017 — Australia's Position on the Application of the International Law to State Conduct in Cyberspace // Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/application-of-international-law-to-cyberspace.pdf> (accessed: 01.02.2025).

¹² Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

¹³ Указ Президента Российской Федерации № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» от 12 апреля 2021 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46614> (дата обращения: 28.09.2025).

а также национальные и международные меры реагирования на киберугрозы. Авторы систематизируют существующие международно-правовые механизмы самообороны и коллективной безопасности в киберсфере и подчеркивают необходимость разработки специальных процедур и стандартов доказательств для международной атрибуции киберинцидентов (Рахман, Дас, 2024).

Цифровой суверенитет в контексте МГП

Концепция цифрового суверенитета предполагает право государства контролировать информационные потоки на своей территории и обеспечивать безопасность национального информационного пространства¹⁴. В контексте МГП данная концепция приобретает особое значение при определении юрисдикции и применимого к кибероперациям права.

Понятие «суверенитет» меняется, и если раньше оно распространялось на воздушное пространство и шельф, то сегодня формируется понятие «цифровой суверенитет», который представляет собой часть технологического суверенитета (суверенитет в области данных и цифровой инфраструктуры, в том числе критической).

Позиция России по цифровому суверенитету

Россия последовательно отстаивает принцип информационного суверенитета государств¹⁵. В документах, представленных для

Рабочей группы открытого состава, подчеркивается «суверенное право каждого государства на обеспечение безопасности национального информационного пространства, установление норм и механизмов управления своим информационным и культурным пространством в соответствии с национальным законодательством»¹⁶.

Н.П. Ромашкина трактует информационный суверенитет как способность государства обеспечивать независимость и конституционные права граждан в информационном пространстве¹⁷.

Е.С. Зиновьева и С.В. Шитьков рассматривают цифровой суверенитет как динамическую категорию, меняющуюся с развитием государственной политики и технологий (Зиновьева, Шитьков, 2023). В контексте этой дискуссии все большее внимание привлекает проблема соотношения кибербезопасности и суверенитета: новейшие исследования фиксируют нарастающую конкуренцию национальных моделей цифрового суверенитета и связанные с этим вызовы для международного правопорядка (Лазарь, 2025).

Россия выступает за принятие под эгидой ООН конвенции о международной информационной безопасности, которая учитывала бы различные аспекты применения международного права в сфере ИКТ¹⁸. Для этих целей российские эксперты разработали проект Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности»¹⁹,

¹⁴ Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ромашкина Н.П. Информационный суверенитет или почему России нужна стратегия информационной безопасности // Российский совет по международным делам. 06.08.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-suverenitet-ili-pochemu-rossii-nuzhna-strategiya-informatsionnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 28.09.2025).

¹⁸ Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

¹⁹ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия

а в 2023 г. предложили на рассмотрение «Концепцию конвенции ООН по международной информационной безопасности»²⁰.

В российской доктрине необходимость формирования комплексного режима международной информационной безопасности подробно обосновывается в коллективной монографии под ред. А.А. Стрельцова, А.Я. Капустина и др., где анализируются военно-политические, правовые и технологические измерения использования ИКТ в целях стратегического сдерживания и обеспечения безопасности (Международная безопасность..., 2023).

Западные подходы к цифровому суверенитету

Позиции западных государств различаются в деталях, но объединены общим подходом к применению действующего международного права.

США выражают свою позицию следующим образом: во-первых, они подтверждают, что принцип территориальной юрисдикции сохраняет свою значимость даже применительно к кибератакам; во-вторых, подчеркивается, что осуществление юрисдикции государством на своей территории не является абсолютным и должно соответствовать нормам международного права, включая международные обязательства в области прав человека²¹. К. Баннелле-Кристинис предлагает концепцию «киберосмотрительности» (*cyber diligence*) как минимального нормативного стандарта, обязывающего государства предотвращать использование

их информационной инфраструктуры для трансграничных кибератак (Bannelier-Christakis, 2014). А. Коко и Т. де Соуза Диас показали, что принцип должной осмотрительности в киберпространстве остается «лоскутным» и фрагментарно закрепленным в различных отраслях международного права, что затрудняет формирование единого режима превентивной ответственности государств (Coco & de Souza Dias, 2021).

Основная проблема заключается в отсутствии четких критериев определения территориальной юрисдикции в киберпространстве. М. Шмитт систематизирует эти «серые зоны» международного права в киберпространстве, показывая, что именно неопределенность порогов суверенитета и юрисдикции позволяет государствам действовать ниже уровня правовой квалификации, избегая ответственности (Schmitt, 2017a). Кибероперации могут проводиться через серверы, расположенные в различных государствах, что затрудняет определение применимого права (Giovannelli, 2025). Требуется разработка международных стандартов разграничения юрисдикций и координации правоприменительной практики.

Со своей стороны МККК запустил проект по разработке цифровой эмблемы, предназначенной для того, чтобы «подсветить» гражданские объекты в сети. В сотрудничестве с Центром кибердоверия, Университетом Джонса Хопкинса и Университетом ИТМО (г. Санкт-Петербург) МККК разработал технические решения для обозначения цифровой инфраструктуры пользующихся защитой организаций в киберпространстве²².

информационной преступности // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.01.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1561374/ (дата обращения: 28.09.2025).

²⁰ Обновленная Концепция конвенции Организации Объединенных Наций об обеспечении международной информационной безопасности // Совет Безопасности Российской Федерации. 16.05.2023. URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/P7ehXmaBUDOAАсАТW2Rwa3yNK1bNAW19.pdf> (дата обращения: 28.09.2025).

²¹ Официальный сборник добровольно представляемых национальных материалов по вопросу о том, как международное право применяется к использованию информационно-коммуникационных технологий государствами. A/76/136 // Организация Объединенных Наций. 13.07.2021. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/189/50/pdf/n2118950.pdf> (дата обращения: 28.09.2025).

²² МККК предлагает ввести цифровую эмблему красного креста/красного полумесяца, которая станет знаком защиты в киберпространстве // Международный комитет Красного Креста. 03.11.2022. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mkckk-predlagaet-vvesti-cifrovuyu-emblemu-krasnogo-krestakrasnogo-polumesyaca-kotoraya> (дата обращения: 28.09.2025).

Кибератаки: определение и атрибуция ответственности

Понятие «кибератака» в международном гуманитарном праве

Исходя из ст. 49 Дополнительного протокола I, в «Таллинское руководстве 1.0» было предложено следующее определение кибератаки: «Кибератака — это кибероперация, будь то наступательная или оборонительная, которая, как обосновано ожидается, ведет к травмам или смерти людей или повреждению или уничтожению объектов» (Schmitt, 2013, p. 106). То есть только те «военные операции», которые представляют собой «акт насилия», могут называться «нападениями» и, следовательно, должны рассматриваться как запрещенные в соответствии с МГП.

Г. Г. Шинкарецкая обращает внимание, что существующие дефиниции термина «кибератака» не учитывают особенности кибервоздействий, не приводящих к физическому ущербу, и обосновывает необходимость выработки самостоятельного определения кибератаки, отражающего специфику цифровой среды (Шинкарецкая, 2023).

Однако кибероперации обычно не являются «насильственными», что представляет проблему, если пытаться применить к ним нормы МГП. Что касается термина «военные действия», то применительно к кибероперациям его использование может потребовать дополнений к МГП.

Согласно позиции, принятой Международным Комитетом Красного Креста, любая операция в ходе вооруженного конфликта, целью которой является нарушение функционирования компьютера или компьютерной сети, квалифицируется как нападение в соответствии с определением международного гуманитарного

права, вне зависимости от способа выведения объекта из строя — будь то физическое уничтожение или иные методы воздействия²³.

По мнению российского специалиста в области права Я. М. Хаминского, среди ключевых вызовов, связанных с киберпространством, выделяется необходимость решения вопроса о том, следует ли отдельные инструменты и способы ведения кибервойны поставить под полный запрет или установить для них регулирование международными соглашениями (Хаминский, 2021).

Многие эксперты полагают, что с учетом новых технологических разработок необходимо расширить понятие «насилие» и помимо «материального ущерба объектам» включить в него и «вывод из строя инфраструктуры без разрушения» (Roscini, 2014, p. 181; Gisel, Rodenhäuser & Dörmann, 2020). Аналогичную позицию занимает Х. Лин, указывающий, что классические категории МГП — «нападение», «средства ведения войны», «военная необходимость» — при буквальном толковании не охватывают значительную часть кибервоздействий, и предлагающий функциональный подход к их квалификации (Lin, 2012).

Р. Бьюкен и Н. Цагуриас дополнительно ставят вопрос об ответственности командования за применение автономных киберсредств, показывая, что автоматизация атак усложняет не только атрибуцию, но и соблюдение принципов их различения и соразмерности (Buchan & Tsagourias, 2020).

Представляется целесообразным распространить нормы МГП на кибероперации без разрушительных последствий, включая деактивацию военных систем, вмешательство в информационные сети, разведывательные операции, временный вывод из строя инфраструктуры и психологические операции.

²³ International Humanitarian Law and Cyber Operations during Armed Conflicts // International Committee of the Red Cross. November 28, 2019. URL: <https://www.icrc.org/en/document/international-humanitarian-law-and-cyber-operations-during-armed-conflicts> (accessed: 28.09.2025).

Проблемы атрибуции ответственности в киберпространстве

На настоящий момент атрибуция ответственности представляет собой одну из сложно решаемых задач ввиду возможности использования атакующими государствами территории третьих стран и прокси-игроков. Н. Цагуриас одним из первых показал, что анонимность и трансграничный характер кибератак подрывают традиционные механизмы атрибуции ответственности за эти атаки и ставят под вопрос реализацию права на самооборону, предусмотренного ст. 51 Устава ООН (Tsagourias, 2012).

Сегодня международно-правовая атрибуция носит спекулятивно-субъективный характер и может быть использована для решения собственных политических задач или в качестве инструмента информационной войны для подрыва имиджа стратегического соперника (Ромашкина, Марков, Стефанович, 2020). Единые механизмы раскрытия методологии проведения атрибуции и предоставления исчерпывающей доказательной базы международному сообществу отсутствуют. Н. Цагуриас и М. Фаррелл подчеркивают, что разрыв между техническими и правовыми стандартами атрибуции остается ключевым препятствием для формирования международного режима ответственности за кибероперации (Tsagourias & Farrell, 2020).

По оценкам российских аналитиков, в информационной сфере влияние негосударственных и неправительственных субъектов достигло уровня, сопоставимого с государственной мощью (Коротков, Зиновьева, 2011).

Согласно официальной российской позиции, любые обвинения государств в организации и совершении противоправных действий должны иметь под собой веские основания, а публичное возложение ответственности за инциденты в информационном пространстве на конкретное государство недопустимо без предъявления соответствующих технических доказательств²⁴.

Руководство США, напротив, считает, что не существует международно-правового обязательства раскрывать доказательства, на которых основывается присвоение кибератаки. Поэтому государству не требуется абсолютной уверенности, поскольку оно выступает в качестве своего собственного судьи и может принять одностороннее решение в отношении присвоения кибероперации другому государству²⁵. К. Айхензер детально анализирует политико-правовую логику этой позиции, показывая, что атрибуция в практике США выполняет одновременно функцию расширения полномочий исполнительной власти и инструмента сдерживания, при этом стандарт доказательств остается ниже судебного порога (Eichensehr, 2020).

Резолюция 70/237 Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) призывает государства к сотрудничеству в обмене информацией и привлечении к ответственности лиц, причастных к преступному использованию ИКТ. 24 декабря 2024 г. на сессии ГА ООН была единогласно поддержана предложенная Россией «Конвенция против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных

²⁴ Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

²⁵ См., например: Eichensehr К. Cyberattack Attribution and International Law // Just Security. July 24, 2020. URL: <https://www.justsecurity.org/71640/cyberattack-attribution-and-international-law/> (accessed: 05.03.2026). Автор, обобщая практику и заявления США, отмечает, что, несмотря на предложения некоторых государств, не существует международно-правового обязательства раскрывать доказательства, на которых основывается атрибуция кибероперации (“There is no international legal obligation to reveal evidence on which attribution is based prior to taking appropriate action”).

систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям»²⁶.

Д. Д. Штодина характеризует принятие данной Конвенции как итог «киберкомпромисса», в котором противоречия между западным и незападными подходами были урегулированы с целью рамочности формулировок, оставляющих значительное пространство для национальной интерпретации (Штодина, 2025).

Тем самым на универсальном уровне закрепляется тенденция к формированию специальных договорных механизмов обмена технической и доказательной информацией о киберинцидентах, что потенциально может способствовать выработке более прозрачных процедур международно-правовой атрибуции и укреплению доверия между государствами в сфере ИКТ.

Разграничение военных и гражданских целей в киберпространстве

Принцип различия между военными и гражданскими целями в киберпространстве осложняется двойным назначением цифровых объектов. Вашингтон в отношении своих подходов к кибероперациям подчеркивает, что даже если нормы права войны формально не применяются, поскольку предполагаемая военная кибероперация осуществляется вне рамок вооруженного конфликта, Министерство обороны все равно руководствуется принципами права войны²⁷.

«Таллинское руководство 2.0» устанавливает, что гражданские объекты в киберпространстве пользуются защитой от прямых атак (Schmitt, 2017b).

Россия предостерегает от попыток «навязать принцип полной и автоматической применимости международного гуманитарного права к информационно-коммуникационной среде в мирное время»²⁸. Российские специалисты отмечают, что гуманитарные объекты критической информационной инфраструктуры не имеют специальных отличительных признаков, подтверждающих их особый правовой статус, и в условиях информационной войны провести четкое разграничение между гражданскими и военными целями крайне затруднительно (Коротков, Зиновьева, 2011; Аду, Рамич, 2025).

Российская позиция состоит в том, что «информационная среда обладает уникальными техническими и правовыми характеристиками, которые не позволяют автоматически и в полном объеме применять к ней действующие нормы международного права. Речь, в частности, о таких особенностях, как трансграничный и всепроникающий характер ИКТ, анонимность их использования и сложность достоверного определения источника вредоносного воздействия, возможность внедрения скрытых вредоносных функций и программно-аппаратных уязвимостей, допустимость применения ИКТ для целей двойного назначения»²⁹.

²⁶ Конвенция против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям // Организация Объединенных Наций. 24.12.2024. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 28.09.2025).

²⁷ Ney Jr. P. C. DoD General Counsel Remarks at U. S. Cyber Command Legal Conference // U. S. Department of War. March 2, 2020. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/2099378/dod-general-counsel-remarks-at-us-cyber-command-legal-conference> (accessed: 28.09.2025).

²⁸ Commentary of the Russian Federation on the Initial Pre-draft of the Final Report of the United Nations Open-Ended Working Group on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security // UN Office for Disarmament Affairs. April 2020. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/04/russian-commentary-on-oweg-zero-draft-report-eng.pdf> (accessed: 28.09.2025).

²⁹ Выступление представителя Российской Федерации И. А. Тяжловой на седьмой сессии Рабочей группы открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ и самих ИКТ 2021–2025 по пункту повестки дня «Как международное право применяется к использованию ИКТ государствами» // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 06.03.2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/060324> (дата обращения: 29.09.2025).

Таким образом, существующие определения военных и гражданских объектов в МГП нуждаются в уточнении, поскольку военные системы функционируют на базе гражданской инфраструктуры.

Защита критической инфраструктуры

Особую проблему представляет защита критически важной информационной инфраструктуры. Системы энергоснабжения, водоснабжения, транспорта и связи являются преимущественно гражданскими объектами, но могут вносить эффективный вклад в военные действия³⁰.

Датское³¹ и норвежское военные руководства³² предусматривают возможность атак на объекты двойного назначения при соблюдении принципа соразмерности.

Согласно позиции МККК, особому режиму защиты в рамках международного гуманитарного права подлежат информационные массивы, относящиеся к медицинским учреждениям, гуманитарным организациям и системам жизнеобеспечения гражданского населения, таким как водоочистные сооружения и комплексы ирригации³³. В рамках разработки «цифровой эмблемы» МККК

планирует применять ее и для защиты медицинских объектов в киберпространстве³⁴.

Защита персональных данных граждан от злоумышленных действий в киберпространстве в условиях вооруженных конфликтов становится все более значимой задачей.

Дискуссионным остается вопрос о статусе данных как объекта защиты по МГП. Большинство экспертов — составителей Таллинское руководства пришли к выводу, что данные *per se* не являются объектами в понимании ст. 52 Дополнительного протокола I (Schmitt, 2017b).

Согласно позиции Министерства обороны Дании, цифровые данные обычно не классифицируются как объект³⁵.

В противоположность этому военное ведомство Норвегии придерживается мнения, что данные следует относить к категории объектов, а непосредственная атака на них допустима исключительно в случаях, когда они представляют собой легитимную военную цель³⁶.

По мнению французской стороны, различные виды информационного контента (включая гражданские, банковские и медицинские сведения) находятся под защитой в соответствии с принципом разграничения гражданских и военных объектов³⁷.

³⁰ Roguski P. France's Declaration on International Law in Cyberspace: The Law of Peacetime Cyber Operations, Part I // *Opinio Juris*. September 24, 2019. URL: <https://opiniojuris.org/2019/09/24/frances-declaration-on-international-law-in-cyberspace-the-law-of-peacetime-cyber-operations-part-i/> (accessed: 28.09.2025).

³¹ Military Manual for the Danish Defence // The Danish Armed Forces. October 12, 2020. URL: <https://www.forsvaret.dk/en/publications/military-manual/> (accessed: 28.09.2025).

³² Manual i krigens folkerett. Oslo : Forsvarssjefen, 2013 // Базы данных по международному гуманитарному праву. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/national-practice/manual-i-krigens-folkerett?activeTab=all-national-practice> (accessed: 28.09.2025).

³³ The Use of ICTs in Armed Conflicts Poses a Real Risk of Harm to Civilians and Civilian Infrastructure // International Committee of the Red Cross. July 28, 2022. URL: <https://www.icrc.org/en/document/icts-armed-conflicts-risk-harm-civilians-civilian-infrastructure> (accessed: 28.09.2025).

³⁴ Digitalizing the Red Cross, Red Crescent and Red Crystal Emblems: Benefits, Risks and Possible Solutions. International Committee of the Red Cross, 3 November 2022. URL: <https://www.icrc.org/en/document/icrc-digital-emblems-report> (accessed: 28.09.2025).

³⁵ Military Manual for the Danish Defence // The Danish Armed Forces. October 12, 2020. URL: <https://www.forsvaret.dk/en/publications/military-manual/> (accessed: 28.09.2025).

³⁶ Manual i krigens folkerett. Oslo : Forsvarssjefen, 2013 // Базы данных по международному гуманитарному праву. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/national-practice/manual-i-krigens-folkerett?activeTab=all-national-practice> (accessed: 28.09.2025).

³⁷ Roguski P. France's Declaration on International Law in Cyberspace: The Law of Peacetime Cyber Operations, Part I // *Opinio Juris*. September 24, 2019. URL: <https://opiniojuris.org/2019/09/24/frances-declaration-on-international-law-in-cyberspace-the-law-of-peacetime-cyber-operations-part-i/> (accessed: 28.09.2025).

Данный подход критикуется российскими экспертами, указывающими на возможность причинения существенного ущерба гражданскому населению через воздействие на данные без физического повреждения инфраструктуры (Гаркуша-Божко, 2021). Требуется дальнейшая проработка правового статуса данных в контексте защиты гражданских объектов.

Представляется, что в условиях растущей цифровой взаимозависимости общества игнорирование данных как самостоятельного объекта защиты фактически размывает гуманитарные гарантии, заложенные в МГП. Датская позиция, исходящая из того, что цифровые данные «обычно» не рассматриваются в качестве объекта, отражает осторожный, но в долгосрочной перспективе недостаточный подход, поскольку не позволяет адекватно учесть последствия киберопераций, нацеленных на информационные массивы, от которых зависят жизнь и здоровье гражданского населения. Норвежский и французский подходы, напротив, выглядят более согласующимися с гуманитарной целью МГП, поскольку прямо признают необходимость учитывать воздействие на данные в рамках режима вооруженного конфликта и привязывают допустимость атак к критерию легитимной военной цели и принципу разграничения. В этой связи наиболее обоснованным представляется эволюционное развитие МГП в направлении признания по крайней мере отдельных категорий данных (медицинских, гуманитарных, критически важных для жизнеобеспечения) в качестве объектов, пользующихся особой защитой, с последующей выработкой четких критериев их отнесения к гражданским или военным целям и соответствующей адаптацией правил соразмерности и предосторожности.

Заключение

Проведенный анализ трех ключевых аспектов применения МГП к кибероперациям выявляет существенные пробелы в международном правовом регулировании данной сферы.

Во-первых, в рамках дискуссии вокруг цифрового суверенитета отсутствует международный консенсус относительно объема суверенных прав государств в киберпространстве. Российский подход к информационному суверенитету не получил достаточного отражения в западных концепциях применения МГП. Требуется разработка международных стандартов разграничения юрисдикций и координации правоприменительной практики.

Во-вторых, существующие определения кибератак не учитывают специфику информационно-психологических воздействий. Проблемы атрибуции требуют разработки новых международных механизмов расследования киберинцидентов с едиными стандартами доказательств.

Наконец, принцип различения целей кибератак нуждается в адаптации к условиям цифровой среды. Необходимо уточнение правового статуса данных и критериев защиты объектов двойного назначения.

Перспективы дальнейших исследований в данной сфере связаны с разработкой конкретных механизмов имплементации МГП в киберпространстве и изучением практики государств по реагированию на киберугрозы в контексте международного гуманитарного права. Только синхронизация правовых, технологических и политических аспектов позволит создать устойчивую систему регулирования цифровых конфликтов.

Поступила в редакцию / Received: 20.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Аду Я.Н., Рамич М.С.* Разграничение гражданских и военных объектов в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в ходе вооруженных конфликтов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2025. Т. 25, №1. С. 67–77. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-67-77>; EDN: KACFAB
- Гаркуша-Божко С.Ю.* Международное гуманитарное право в киберпространстве: Ratione materiae, ratione temporis и проблема квалификации кибератак // *Цифровое право*. 2021. Т. 2, №1. С. 64–82. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-64-82>; EDN: UKFVGJ
- Зиновьева Е.С., Шитьков С.В.* Цифровой суверенитет в практике международных отношений // *Международная жизнь*. 2023. №3. С. 38–51. EDN: HBTQYT
- Коротков А.В., Зиновьева Е.С.* Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. №4. С. 154–162. EDN: OOQRAD
- Лазарь К.К.* Кибербезопасность и суверенитет в киберпространстве: вызовы и перспективы международного права // *Московский журнал международного права*. 2025. №1. С. 125–137. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-125-137>; EDN: HLN RTE
- Международная безопасность в среде информационно-коммуникационных технологий / под ред. А.А. Стрельцова, А.Я. Капустина, Т.А. Поляковой, А.С. Маркова, Б.Н. Мирошникова. Москва : НАМИБ, 2023. EDN: FBKNHG
- Рахман М.М., Дас Т.К.* Противодействие кибератакам: пробелы международного права и перспективы их преодоления // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Vol. 2, no. 4. P. 973–1002. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.46>; EDN: NNFTQI
- Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В.* Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии. Москва : ИМЭМО РАН, 2020. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0581-9>; EDN: NYGUJH
- Хаминский Я.М.* Роль международного гуманитарного права в эпоху киберугроз // *Advances in Law Studies*. 2021. Vol. 9, no. 1. P. 56–60. <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2021-9-1-56-60>; EDN: FEWNTC
- Шинкарецкая Г.Г.* Международное право и война в киберпространстве // *Современное право*. 2013. №8. С. 120–126. EDN: QZLCUF
- Шинкарецкая Г.Г.* Проблема выработки определения кибератаки // *Международное право*. 2023. №2. С. 10–21. <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2023.2.40051>; EDN: NYDJJZ
- Штодина Д.Д.* Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года — итог «киберкомпромисса»? // *Московский журнал международного права*. 2025. №1. С. 110–124. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124>; EDN: XIIYBP
- Bannelier-Christakis K.* Cyber Diligence: A Low-Intensity Due Diligence Principle for Low-Intensity Cyber Operations? // *Baltic Yearbook of International Law*. 2014. Vol. 14, iss. 1. P. 23–39. <https://doi.org/10.1163/22115897-90000118>
- Buchan R., Tsagourias N.* Autonomous Cyber Weapons and Command Responsibility // *International Law Studies*. 2020. Vol. 96. P. 645–673. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2935&context=ils> (accessed: 12.02.2025).
- Coco A., de Souza Dias T.* ‘Cyber Due Diligence’: A Patchwork of Protective Obligations in International Law // *European Journal of International Law*. 2021. Vol. 32, iss. 3. P. 771–806. <https://doi.org/10.1093/ejil/chab056>; EDN: ODWVJK
- Droege C.* Get Off My Cloud: Cyber Warfare, International Humanitarian Law, and the Protection of Civilians // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94, iss. 886. P. 533–578. <https://doi.org/10.1017/S1816383113000246>
- Eichensehr K.E.* The Law and Politics of Cyberattack Attribution // *UCLA Law Review*. 2020. Vol. 67, no. 3. P. 520–598. URL: <https://www.uclalawreview.org/wp-content/uploads/securepdfs/2020/09/Eichensehr-67-3.pdf> (accessed: 12.02.2025).
- Giovanelli D.* Handling Cyberspace’s State of Intermediacy Through Existing International Law // *International Review of the Red Cross*. 2025. Vol. 107, iss. 928. P. 96–139. <https://doi.org/10.1017/S1816383124000390>; EDN: GFPZVF
- Gisel L., Rodenhäuser T., Dörmann K.* Twenty Years On: International Humanitarian Law and the Protection of Civilians Against the Effects of Cyber Operations During Armed Conflicts // *International Review of the Red Cross*. 2020. Vol. 102, iss. 913. P. 287–334. <https://doi.org/10.1017/S1816383120000387>; EDN: ZLBT AJ

- Jensen E. T.* The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights // *Georgetown International Law Journal*. 2017. Vol. 48, iss. 3. P. 735–778. URL: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/05/48-3-The-Tallinn-Manual-2.0.pdf> (accessed: 13.02.2025).
- Lin H.* Cyber Conflict and International Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94, iss. 886. P. 515–531. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000811>
- Melzer N.* Cyberwarfare and International Law. Geneva : UNIDIR, 2011. URL: <https://unidir.org/files/publication/pdfs/cyberwarfare-and-international-law-382.pdf> (accessed: 13.02.2025).
- Roscini M.* Cyber Operations and the Use of Force in International Law. Oxford : Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199655014.001.0001>
- Schmitt M. N.* Grey Zones in the International Law of Cyberspace // *Yale Journal of International Law Online*. 2017a. Vol. 42, no. 2. P. 1–21. URL: https://bpb-us-w2.wpmucdn.com/campuspress.yale.edu/dist/8/1581/files/2017/08/Schmitt_Grey-Areas-in-the-International-Law-of-Cyberspace-1cab8kj.pdf (accessed: 13.02.2025).
- Schmitt M. N., Pakkam A. S.* Cyberspace and the *Jus ad Bellum*: The State of Play // *International Law Studies*. 2024. Vol. 103. P. 194–229. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3085&context=ils> (accessed: 18.02.2025).
- Schmitt M. N.* Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge : Cambridge University Press, 2017b. <https://doi.org/10.1017/9781316822524>
- Schmitt M. N.* Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139169288>
- Tsagourias N.* Cyber Attacks, Self-Defence and the Problem of Attribution // *Journal of Conflict and Security Law*. 2012. Vol. 17, iss. 2. P. 229–244. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krs019>
- Tsagourias N., Farrell M.* Cyber Attribution: Technical and Legal Approaches and Challenges // *European Journal of International Law*. 2020. Vol. 31, iss. 3. P. 941–967. <https://doi.org/10.1093/ejil/chaa057>; EDN: JKNLRK

Сведения об авторе:

Козюлин Вадим Борисович — кандидат политических наук, главный научный сотрудник Центра военно-политических исследований, Институт актуальных международных проблем; доцент кафедры государственного управления, Дипломатическая академия МИД России; Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, строение 1; eLibrary SPIN-код: 6736-6554; ORCID: 0000-0001-6705-5303; e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

КИТАЙ В МИРЕ CHINA IN THE WORLD

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-77-93

EDN: TAVDME

Научная статья / Research article

Роль культуры как элемента формирования стратегической коммуникации Китая

А. А. Забелла¹ , С. Кун² ¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация anastasiabella@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу китайского подхода к пониманию стратегической коммуникации (СК). Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях глобализации культурные ценности и традиции становятся важными инструментами формирования позитивного образа государства. Это особенно важно для Китайской Народной Республики (КНР) в контексте конкуренции с Западом. Современные вызовы требуют от Китая адаптации стратегической коммуникации к изменяющейся международной среде. Культура может служить основой для формирования ответов на эти вызовы. Исследование основано на структурном реализме, подчеркивающим анархическую природу международной системы. Внешнеполитический курс КНР в рамках данной теории рассматривается через такие концепции, как «мирное развитие», «мягкая сила», Сообщество единой судьбы человечества, инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), которые направлены на усиление позиций Китая на международной арене. Методология включает сравнительный и дискурс-анализ, призванные показать, как культурные инструменты способствуют формированию стратегической коммуникации Китая. Новизна исследования обусловлена выявлением основ СК Китая и ключевых культурных ценностей Китая. Объяснена важность интеграции китайской культуры в СК как ключевого инструмента усиления «мягкой силы». Обозначены важные вехи формирования «мягкой силы» с акцентом на социалистическую культуру. Выявлен драйвер увеличения интереса к СК при Си Цзиньпине. Внимание сосредоточено на попытках продвижения альтернативной модели международного управления, прежде всего посредством инициативы ОПОП, а также Сообщества единой судьбы человечества. Помимо прочего, представлено ценностное измерение западной и китайской модели. Выявлены культурные особенности в СК Китая, вызовы и адаптация СК Китая в контексте различий в ценностях внутри страны, критики со стороны стран Запада и быстрого развития интернет-площадок, технологий искусственного интеллекта (ИИ). Авторы приходят к выводу, что стратегическая культура, включающая пропагандистские практики, играет важную роль в развитии стратегической коммуникации как внутри страны, так и при международном взаимодействии.

Ключевые слова: стратегическая культура Китая, китайская модель, мягкая сила Китая, культурные ценности Китая, ценности Китая, Один пояс, один путь, Сообщество единой судьбы человечества

© Забелла А. А., Кун С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Забелла А.А.: сбор и анализ информации, написание текста. Кун С.: сбор и анализ источников на китайском языке. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа А.А. Забелла выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00699, <https://rscf.ru/project/25-18-00699/>.

Для цитирования: Забелла А.А., Кун С. Роль культуры как элемента формирования стратегической коммуникации Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 77–93. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-77-93>; EDN: TAVDME

The Role of Culture in China's Strategic Communication

Anastasia A. Zabella¹ , Xiangyu Kong²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

 anastasiabella@gmail.com

Abstract. This article examines the Chinese approach to understanding strategic communication (SC) and its relevance in the context of globalization. Cultural values and traditions are becoming important tools for creating a positive image of China, especially in the face of competition with the West. Modern challenges require China to adapt its strategic communication. Culture can serve as the basis for addressing these challenges. The study is based on structural realism, which emphasizes the anarchic nature of the international system. It argues that China should use its cultural heritage to develop its own unique approach to SC, rather than simply copying Western models. Within the framework of this theory, China's foreign policy is examined through such concepts as “peaceful development,” “soft power,” the Community of Shared Future for Mankind, and the Belt and Road Initiative (BRI), which are aimed at strengthening China's position in the international arena. The methodology used includes comparative and discourse analysis to demonstrate how cultural tools contribute to the formation of China's strategic communication. The novelty of this article lies in identifying the foundations of China's SC and key cultural values. The importance of integrating Chinese culture into SC as a key tool for enhancing soft power is explained. The article outlines important milestones in the development of soft power, focusing on socialist culture. The driver of increasing interest in strategic culture under Xi Jinping is identified. Attention is also given to attempts to promote an alternative model of international governance, primarily through the BRI and the Community of Shared Future for Mankind. The value dimensions of the Western and Chinese models are also presented. The article identifies cultural characteristics of China's soft power, challenges, and adaptations to it in the context of differences in values within the country, criticism from Western countries, and the rapid development of internet platforms and AI technologies. The authors conclude that strategic culture (propaganda) plays an important role in the development of strategic communication both domestically and internationally.

Key words: China's strategic culture, Chinese model, China's soft power, China's cultural values, China's values, Belt and Road Initiative, Community of Shared Future for Mankind

Authors' contributions. A. A. Zabella: collection and analysis of information, writing of the text. Kong Xiangyu: collection and analysis of sources in Chinese. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Funding sources. Anastasia A. Zabella's research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 25-18-00699, <https://rscf.ru/project/25-18-00699/>.

For citation: Zabella, A.A., & Kong, X. (2026). The role of culture in China's strategic communication. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 77–93. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-77-93>; EDN: TAVDME

Введение

Внимание к концепции стратегической коммуникации (СК) в начале XXI в. впервые проявили политические, военные и дипломатические круги США и некоторых стран Западной Европы. Сформировался корпус научных исследований (Weapons of Mass Persuasion..., 2008; Trials of Engagement..., 2010) и документов¹, посвященных тематике СК. Признанный эксперт в этой сфере доктор Кристофер Пол определяет СК как «скоординированные действия, послания и образы... с целью информирования, влияния или убеждения избранных аудиторий в поддержке национальных целей (Paul, 2011, p. 4).

Термин «стратегическая коммуникация» является сравнительно новым в российских исследованиях, его содержание раскрывается в работах ряда ведущих ученых. Прежде всего следует отметить труды Е.Н. Пашенцева, который под СК понимает «проекцию государством или межгосударственным субъектом определенных долгосрочных ценностей, интересов и целей в сознание внутренних и зарубежных аудиторий посредством адекватной синхронизации многогранной деятельности во всех сферах общественной жизни с профессиональной коммуникационной поддержкой» (Strategic Communication in EU—Russia Relations..., 2020, p. 19–20).

К.А. Панцерев в своих трудах стремится не столько дать авторское определение данному понятию, сколько ответить на вопрос: «Как быстрое развитие информационных технологий меняет коммуникационную

картину мира?» (Панцерев, 2025, с. 59–62). В.А. Бурлаков фокусирует внимание на цели СК — «сформировать у политической элиты (шире — экономической и интеллектуальной-элиты) государства, на которое оказывается воздействие, во-первых, устойчивый положительный образ того, кто оказывает воздействие, во-вторых, устойчивую систему культурных ценностей, адекватную той, которая господствует в стране, осуществляющей СК» (Бурлаков, 2016, с. 10). Основные части СК — это связи с общественностью, общественная дипломатия и информационные операции (Пашенцев, 2014, с. 139). «Без стратегических „дел“ нет ничего, кроме набора долгосрочных коммуникационных целей, связанных с ключевыми вопросами» государственного развития и их пропагандистского освещения (Bazarkina & Pashentsev, 2021, p. 5).

Тематика китайской стратегической культуры и пропаганды также привлекает значительное внимание западных исследователей. По мнению К.Д. Джонсона, «современная китайская культура состоит из трех основных элементов — традиционной культуры, коммунистической идеологии и — в последнее время — западных ценностей» (Johnson, 2009, p. 3.) В китайской стратегической культуре выделяются два доминирующих направления — конфуцианское/суньцзы и реалистическое, которые сосуществуют и взаимодействуют. Это взаимодействие и порождает особую стратегическую культуру Китая, которую можно назвать «китайским культом обороны» (*Cult of Defense*) (Scobell, 2002, p. 3). Внешняя политика Китая формируется под влиянием

¹ См.: Report of the Defense Science Board Task Force on Strategic Communication. Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics // The Under Secretary of Defense. September 30, 2004. URL: <https://library.rumsfeld.com/doclib/sp/3358/2004-09-30%20From%20Michael%20W%20Wynne%20re%20Final%20Report%20of%20the%20Defense%20Science%20Board%20Task%20Force%20on%20Strategic%20Communication.pdf> (accessed: 15.08.2025); Memorandum for Secretaries of the Military Departments. Subject: 2006 Quadrennial Defense Review (QDR) Strategic Communication (SC). Execution Roadmap // Deputy Secretary of Defense. September 25, 2006. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Other/2006_QDR_Strat_Comm_Roadmap.pdf (accessed: 15.08.2025); The Department of Defense. Report on Strategic Communication. December 2009 // The Secretary of Defense. February 11, 2010. URL: https://indianstrategicknowledgeonline.com/read_book.php?fnam=dod+report+on+strategic+communication+dec+09&tnam=Archive (accessed: 15.08.2025); Public Diplomacy: Strengthening U.S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century // Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs. September 26, 2010. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/pdfs/PD_US_World_Engagement.pdf (accessed: 15.08.2025).

двух различных политических культур: авторитарной культуры коммунистической идеологии («социализм с китайской спецификой») и культурного морализма, основанного на конфуцианстве. Стратегическую культуру Китая можно рассматривать как сочетание этих двух ценностей².

Последние годы тематике стратегической коммуникации уделяется возрастающее внимание со стороны китайского академического сообщества. В данном типе коммуникаций в основном видят инструмент для улучшения международного общения. Китайская сторона использует несколько терминов для обозначения СК: 战略沟通 (*Zhanlüe goutong*, стратегическая коммуникация) и 政策沟通 (*Zhengce goutong*, политическая коммуникация), но чаще в официальных выступлениях Си Цзиньпина доминирует термин 战略传播 (*Zhanlüe chuanbo*) или 战略性传播 (*Zhanlüexing chuanbo*, стратегическая коммуникация). Важно пояснить, что перевод “沟通” (*goutong*) на русский «связываться, соединяться», «общение, связь», «сближаться, сходиться», «связываться, сливать воедино», а перевод “传播” (*chuanbo*) на русский «распространение, распространять».

Не обходится в исследованиях СК Китая, выходящих на Западе, без идеологических штампов, таких как: «Пекин извлек выгоду из пандемии COVID-19, предоставляя медицинское оборудование, а распространение ложной информации о стране способствовало пропаганде в пользу КНР» (Zuppello, 2024).

Среди китайских специалистов, занимающихся СК, следует выделить Би Яньтао и Ван Цилинь, которые в 2011 г. предложили наиболее полную дефиницию СК, определяя ее как процесс, посредством которого правительства или неправительственные организации мобилизуют и координируют ресурсы для передачи информации и влияния на обозначенные цели для реализации конкретных стратегических интересов (Bi & Wang, 2011). Би Яньтао

полагает, что «субъектом реализации СК является страна. Когда отдельные лица или организации участвуют в СК, они являются лишь частью национальной шахматной игры. СК — это форма международной коммуникации. Международная коммуникация, даже на тактическом уровне, не должна наносить ущерб национальным стратегическим интересам. Стратегические планы (策略传播, *Celiue chuanbo*) не равны стратегической коммуникации (战略传播, *Zhanlüe chuanbo*), первые служат второй» (Bi, 2022, p. 27).

В свою очередь Чжан Ли и Чжу Цзини полагают, что «система СК с китайской спецификой — баланс между технологическим расширением прав и возможностей и культурной автономией, а также практика объединения инструментальности технологий с культурной субъективностью, предлагая китайское решение, имеющее универсальное значение для защиты многообразия цивилизации в цифровую эпоху» (Zhang & Zhu, 2025, p. 4).

Важными составляющими СК Китая, по мнению Ян Мохана и Инь Ле, были правильная интерпретация китайского видения, распространение позиции Китая по различным проблемам международной повестки и усиление международного влияния китайской культуры, однако с развитием интеллектуальных технологий международная коммуникационная практика Китая постепенно привела к цифровым обновлениям и смене парадигм (Yang & Yin, 2024, p. 206). О новых возможностях СК в цифровую эпоху рассуждают многие китайские специалисты, подчеркивая важность распространения «правильной» истории Китая, «правильного голоса Китая» (Ming, 2022).

Чжан Лэй полагает, что основная логика СК — это преодоление гегемонии западного дискурса, возвращение к человекоцентричным ценностям и исторической связи (решение универсальных духовных проблем современного человечества — тревоги и «выгорания»

² Lee J. Understanding China's Strategic Culture: A Clash of Realpolitik and Cultural Moralism // S. Rajaratnam School of International Studies. April 27, 2023. URL: <https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/04/CO23064.pdf> (accessed: 15.08.2025).

(“内卷”, *Nei juan*) в условиях индустриальной эпохи), практическая теория и локальные инновации (создание моста между идеями Мао Цзэдуна и взглядами Си Цзиньпина, а также замена западной рыночной логики на китайскую логику управления). Пути реализации СК, согласно Чжан Лэй, включают:

1) реструктуризацию контента (например, популяризация значения нематериального культурного наследия Китая, распространение среди стран Глобального Юга модели сбалансированного развития Китая, предлагающей незападные ориентиры модернизации);

2) инновации в методах коммуникации (активное формирование повестки, например Великое единение Поднебесной (天下大同, *Tianxia datong*), пояснение, как китайская культура отвечает запросам Китая);

3) синергия концепций Сообщества единой китайской нации и Сообщества единой судьбы человечества;

4) СМИ как инструмент реализации СК (формирование сети коммуникаций, достижение единства политической логики и социального эффекта) (Zhang, 2024).

Лу Сяохуа отмечает, что «академическая коммуникация в цифровую эпоху вышла за рамки традиционной науки, обретя значительную стратегическую ценность в области коммуникаций» (Lu, 2021).

По мнению Чжун Шэньцзюнь, «СК — это процесс, посредством которого субъект коммуникации передает информацию целевой аудитории через различные каналы и символы для достижения определенных стратегических целей, тем самым влияя на их отношение, убеждения и поведение. Мао Цзэдун имел глубокое понимание и богатую практику в стратегическом планировании, военной стратегии и пропагандистской коммуникации. Он органично объединил все три компонента, чтобы сформировать стратегическую коммуникационную систему с китайской спецификой» (Zhong & Wang, 2023).

Таким образом, резюмируя взгляды китайского академического сообщества на СК, отметим, что в КНР под стратегической коммуникацией понимается процесс

координации ресурсов государством или организациями для передачи информации целевой аудитории с целью достижения стратегических интересов.

Методология и методы исследования

Теоретической основой исследования является структурный реализм, рамки которого заданы фундаментальными работами К. Уолтца и Дж. Миршаймера. Центральным элементом теории является идея об анархической структуре международной системы вследствие отсутствия центральной власти, что побуждает государства ставить во главу угла ценности безопасности и выживания (Waltz, 1979, pp. 102–103). При этом основными стратегиями для приобретения и поддержания власти являются наращивание силы и балансирование против угрозы, когда государство, почувствовав угрозу, начинает сдерживать противника, выделяя значительные ресурсы для достижения этой цели (Mearsheimer, 2014, p. 29). Таким образом, в рамках данной теории стратегическая культура Китая не является определяющей причиной внешнеполитического поведения, но обеспечивает легитимацию действий государства на международной арене, продиктованных императивами анархии. В частности, такие концепции, как «мирное развитие», «стратегическая сдержанность» и Сообщество единой судьбы человечества, представляют собой не идеалистические ценности, а стратегический дискурс, направленный на наращивание мощи Китая, снижение издержек балансирования со стороны США и других великих держав и формирование благоприятной внешней среды для поддержания и усиления своего статуса.

Для достижения поставленных исследовательских задач были использованы сравнительный и дискурс-анализ ключевых китайских политических текстов, касающихся СК (речи Си Цзиньпина, официальные документы и др.). Сравнительный анализ был использован для сопоставления китайской модели ценностей с западной моделью, что

в рамках структурного реализма можно понимать как попытку Китая дискурсивно и стратегически противостоять сложившейся американской гегемонии, используя СК для мобилизации ресурсов и изменения регионального и глобального баланса сил. Для выявления реалистической составляющей в рамках стратегической культуры КНР был проведен контент-анализ, позволивший выявить частоту употребления таких слов и выражений, как «суверенитет», «коренные интересы», «противодействие гегемонизму» и т. д. Таким образом, выбранная методология позволяет показать, как культурные инструменты служат рациональным целям обеспечения безопасности и усиления влияния Китая в системе международных отношений.

Основы стратегической коммуникации и ключевые культурные ценности КНР

Важным компонентом СК является стратегическая культура (战略文化, *Zhanlüe wenhua*). С момента создания КНР в 1949 г. страна периодически сталкивалась как с внутренними, так и с внешними угрозами. Многие кризисы в период Мао Цзэдуна интерпретировались как следствие внешних угроз китайскому суверенитету и территориальной целостности, поэтому действия КНР, которая рассматривалась как «жертва», позиционировались как правильные с моральной точки зрения (Feng, 2009).

Ключевым официальным документом, где действия Китая оправдывались его позицией «жертвы западного империализма», является доклад Мао Цзэдуна «Современная обстановка и наши задачи»³ от 25 декабря 1947 г.,

представленный на заседании Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК). Следует отметить легитимацию действий НОАК через статус «жертвы». Говоря о международном значении «жертвы», Мао Цзэдун представлял КНР в качестве вдохновляющего примера для всех стран Азии и колониального мира. Для мобилизации масс в декларации периода «Великой пролетарской культурной революции» также использовалась антизападная риторика⁴. Например, в документах того периода акцентировались следующие тезисы: «Гнилая западная буржуазная культура стала модной, а социалистическая культура была отвергнута и подвергнута нападкам»; «Коммунизм американского образа жизни — это коммунизм, при котором получаешь кредиты у дьявола»; «Полная победа социализма не может быть достигнута в течение одного или двух поколений, потребуется пять или десять поколений»⁵.

Таким образом, в период Мао Цзэдуна пропаганда использовалась как средство для продвижения идеалов коммунизма, укрепления власти КПК и мобилизации населения с целью выполнения партийных заданий. Основными аспектами стратегической культуры (пропаганды) XX в. в КНР были:

1) идеология и контроль (контроль над сознанием населения посредством распространения ленинизма, марксизма и маоизма, а также подавления альтернативных взглядов);

2) массовые кампании («Большой скачок», «Культурная революция»), целью которых было физическое и идеологическое преобразование населения, а реализация происходила посредством пропагандистских материалов: плакатов, лозунгов, фильмов и т. д.);

³ Muqian xingshi he women de genwu [Текущая ситуация и наши задачи] // Lin yi xian renmin fayuan [Народный суд уезда Линьи]. August 23, 2023. (На китайском языке). URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI3NTQ3MDQ0Mg==&mid=2247498327&idx=4&sn=a068e8e35fb9ac04880a228d4e6ac407&chksm=eb06fb52dc7172441a6f484b8c86583c4fbbAAF352a0c1e44259ab80764f99b2aa557b0484ae&scene=27 (accessed: 25.06.2025).

⁴ Mao zhuxi zai sishi nian qian de “jiu ping su gong zhongyang de gongkaixin”, zhunque de yucele qian nansilafu he qian sulian de weilai [«Девять комментариев к Открытому письму ЦК КПСС» председателя Мао, написанные 40 лет назад, точно предсказали будущее бывшей Югославии и бывшего Советского Союза] // Fuxing wang [Сайт Возрождения]. (На китайском языке). URL: <https://www.mzfxw.com/e/action/ShowInfo.php?classid=18&id=35842> (accessed: 25.06.2025).

⁵ Ibid.

3) искусство и культура (формировались новые жанры искусства, например «революционная опера», работы деятелей культуры должны были соответствовать партийной линии);

4) образовательная система (учебные материалы строго соответствовали коммунистическим идеалам);

5) контроль над СМИ (все средства массовой информации использовались как инструмент пропаганды, существовал контроль информации).

Таким образом, пропаганда периода Мао Цзэдуна заложила фундамент отношения общества к идеалам, культуре и истории Китая.

Ван Делу полагает, что подъем Китая обусловлен влиянием культуры, причем не просто конфуцианством, а стратегической культуры, которая отражена в работах китайских мыслителей и передается из поколения в поколение, коренится в мировоззрении и позволяет видеть и решать проблемы, стоящие перед обществом. Только китайская стратегическая методология, основанная на традиционном всеобъемлющем и целостном мировоззрении (天下, *Tianxia*), может ясно объяснить проблемы глобализации. По мнению ученого, в период финансового кризиса китайская стратегическая культура и теория целостности (整体论, *Zhengtilun*) могут быть полезны для решения вопросов, с которыми сталкивается все человечество. Именно гибкость, присущая теориям целостности и тактичности, способствовали развитию Китая (Wang, 2009, p. 49).

Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно ссылаясь на экологическую философию гармонии между человеком и природой (万物并育的生态理念, *Wanwu bingyu de shengtai linian*). В 2014 г. на Всекитайской международной конференции дружбы и в честь 60-летия основания Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами он впервые предложил «Четыре перспективы», воплощающие в себе гены мирного развития Китая (中国和平发展基因的“四观”, *Zhongguo*

heping fazhan jiyin de “si guan”). К ним относятся космическая концепция гармонии между человеком и природой (天人合一的宇宙观, *Tian ren he yi de yuzhouguan*), международная концепция гармонии между всеми нациями (协和万邦的国际观, *Xiehe wanbang de guoji guan*), социальная концепция гармонии в многообразии (和而不同的社会观, *He er butong de shehui guan*) и нравственная концепция доброты и сострадания (人心和善的道德观, *Renxin heshan de daode guan*). Ценности гармонии между человеком и природой и сосуществования всех вещей предлагают целостный подход (整体论, *Zhengtilun*), воплощающий мудрость и размышления китайского народа о Вселенной⁶.

Согласно тексту речи генерал-лейтенанта Ли Цицзюна, с которой он выступил в Военном колледже армии США в 1997 г., «китайский народ — миролюбивый народ. Две пиктограммы для образования иероглифа „сила“ (武, *Wu*) состоят из ключей „стоп“ (止, *Zhi*) и „копье“ (戈, *Ge*). Основная логика состоит в том, что применение силы оправдано только для прекращения насилия. Культура Китая терпима к различным верованиям и обычаям, что подтверждается отсутствием кровопролитных религиозных войн, которые происходили в Европе в XVI и XVII вв.» (Li & Tilford, 1997). По мнению К.Д. Джонсона, «культ обороны раскрывает присущую Китаю культурную тенденцию определять справедливую войну и активную оборону способами, которые фактически предрасполагают Китай к применению силы, когда она рационализируется как „оборонительная“ и „справедливая“» (Johnson, 2009, p. 12.)

Интеграция китайской культуры в СК — ключевой инструмент усовершенствования «мягкой силы», формирования привлекательного имиджа страны за рубежом и защиты национальных интересов. В 1991 г. в Китае было создано Управление внешней пропаганды / Информационное управление

⁶ Li Y. Yi zhengtilun de siwei fangshi wei shijie gongxian chu zhongguo zhihui [Вклад китайской мудрости в мир с помощью целостного мышления] // Sichuan Ribao [Сычуань Дейли]. (На китайском языке). URL: <https://4g.scdaily.cn/html/20240617/258040.html> (accessed: 10.08.2025).

Государственного совета в качестве основного новостного рупора китайского правительства. Внимание к СК возросло в начале нового столетия, в том числе с целью обеспечения «всеобъемлющей национальной мощи Китая» (综合国力, *Zonghe guoli*). В начале XXI в. Китай запустил стратегию «идти вовне» (走出去, *Zou chuqu*), которая также была распространена на государственные СМИ, было создано подразделение публичной дипломатии при МИД, а с 2005 г. начали открываться Институты и классы Конфуция. На четвертом пленуме 16-го съезда ЦК КПК, состоявшемся в 2004 г. в Пекине, была подчеркнута важность формирования передовой социалистической культуры и реагирования на международную ситуацию⁷.

После 17-го съезда КПК в 2007 г. важность «мягкой силы» (软实力, *Ruan shili*) как рычага влияния была зафиксирована официально. Носителями «мягкой силы» являются продукты культуры (кино, литература, искусство), которые транслируют и популяризируют китайские ценности и достижения китайского народа.

Тем не менее китайские ученые признают, что в начале XXI в. «мягкая сила» Китая воспринималась как инструмент для оборонительных целей, так как страна могла предложить мало политических ценностей миру, в котором доминируют западные философии (Li, 2008, p. 288).

Избрание в 2013 г. новым председателем КНР Си Цзиньпина открыло новую страницу в развитии СК в Китае. Объявление

о реализации инициативы ОПОП служит попыткой продвижения альтернативной модели международного управления.

Политике Си Цзиньпина присущ отход от концепции Дэн Сяопина «держаться в тени и скрывать свои возможности», что стало очевидно в ходе рабочей встречи по периферийной дипломатии в 2013 г. В этом же году было сделано два других важных заявления: первое — во время ежегодной Национальной конференции по пропаганде, где председатель подчеркнул необходимость обновления идей и методов пропаганды⁸, второе — во время группового обучения Политбюро Центрального Комитета КПК, где Си Цзиньпин определил необходимость наполнить внешнюю коммуникацию современными китайскими ценностями (то есть ценностями социализма с китайской спецификой (中国特色社会主义价值观念, *Zhongguo tese shehui zhuyi jiazhi guannian*)⁹). В речи Си Цзиньпина на 19 съезде КПК в 2017 г. отмечается необходимость улучшения возможностей Китая в международной коммуникации для формирования правдивого и многомерно-го образа Китая, а также укрепления «мягкой силы» посредством культуры¹⁰. Позитивный образ Китая также создается с помощью национального нарратива, который транслируется через популяризацию Праздника весны, пандовую дипломатию, участие КНР в реставрации объектов ЮНЕСКО, экспорте чайной культуры и т. д.

Катализатором роста интереса к стратегической коммуникации со стороны китайского

⁷ The Fourth Plenum of the 16th CPC Central Committee // Beijing Review. March 24, 2011. URL: https://www.bjreview.com/special/2011-03/24/content_346089.htm (accessed: 29.06.2025).

⁸ Xijiping zai quanguo xuanchuan sixiang gongzuo huiyi shang qiangdiao xionghuai daju bawo dashi zhuoyan dashi nuli ba xuanchuan sixiang gongzuo zuo de geng hao [Си Цзиньпин подчеркнул на Национальной конференции по пропаганде и идеологической работе, что мы должны учитывать общую ситуацию, улавливать общую тенденцию, концентрироваться на основных вопросах и стремиться к лучшей работе в области пропаганды и идеологической работы] // Gongchandang yuan wang [Сайт членов Коммунистической партии]. August 20, 2013. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-08/20/content_2470599.htm (accessed: 30.06.2025).

⁹ Xijiping: Jianshe shehui zhuyi wenhua qianguo zhuoli tigao guojia wenhua ruan shili [Си Цзиньпин: строить социалистическую культурную мощь и стремиться к совершенствованию культурной мягкой силы страны] // Zhongguo gongchandang xinwen [Новости Коммунистической партии Китая]. January 1, 2014. (На китайском языке). URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0101/c1001-23994334.html> (accessed: 30.06.2025).

¹⁰ Full Text of Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress // Xinhua. November 4, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (accessed: 29.06.2025).

руководства стало заседание Политбюро ЦК КПК 19-го созыва: 31 мая 2021 г. генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин заявил о важности взаимодействия Китая с миром. В своем выступлении он подчеркнул необходимость создания стратегической коммуникационной системы с китайской спецификой (有鲜明中国特色的战略传播体系, *You xianming zhongguo tese de zhanlüe chuanbo tixi*), направленной на повышение влияния международного диалога, привлекательности китайской культуры, улучшения образа Китая, убедительности китайского дискурса и способности формировать общественное мнение. Он также отметил важность улучшения подготовки руководящих кадров в области международной коммуникации, повышения уровня исследований теории международной коммуникации, создания университетских дисциплин и возвращения талантов в этой области¹¹. Анализируя тезис председателя КНР Си Цзиньпина о необходимости формирования системы СК, можно выделить несколько плоскостей СК:

- 1) саму СК;
- 2) дискурс;
- 3) нарратив;
- 4) подготовка кадров.

Помимо прочего, акцент в речи делается на концепции Сообщества единой судьбы человечества, то есть можно проследить переход от логики, где приоритет отдается только национальным интересам, к концепции взаимодополняемости цивилизаций. Если говорить о синергии субъектов СК, то они включают как государство, так и СМИ, бизнес и общественность. Задачей государства является формирование повестки, ее обеспечением занимаются СМИ, а бизнес и общество акцентируют внимание на продвижении «мягкого» культурного влияния через бренды и соцсети.

Концепция Сообщества единой судьбы человечества как ценностный фундамент

стратегической коммуникации принципиально преодолевает конфронтационную парадигму западной «теории столкновения цивилизаций», выступая за равноправный диалог и взаимообогащение цивилизаций. Она формирует инклюзивную этическую основу для стратегических коммуникаций с китайской спецификой (Shi & Tong, 2023). Интегрируя в международные нарративы универсальные эмоциональные элементы китайской культуры, такие как «коллективная гармония» (集体和谐, *jiti hexie*), «семейная этика» (家庭伦理, *jiating lunli*) и «дух борьбы» (奋斗精神, *fendou jingshen*), данная концепция устанавливает эмоциональные связи с глобальной аудиторией через истории, создавая «интерсубъективную реальность» (主体间现实, *zhuti jian xianshi*), которая преодолевает культурные различия. Это эффективно нейтрализует когнитивную поляризацию в межкультурном пространстве и позволяет преодолевать западные дискурсивные ловушки.

В аспекте инноваций дискурса китайская культура посредством «нарративной системы китайской модернизации» осуществляет интернационализацию институциональных преимуществ. С одной стороны, это происходит путем преобразования практики сотрудничества в рамках ОПОП и цифрового юаня в «децентрализованные» образцы цивилизационного взаимодействия, продвигая через экономическую взаимосвязанность экспорт технических стандартов и ценностей для противодействия дискурсу технологической гегемонии Запада. С другой стороны, инновационные формы выражения основных социалистических ценностей, выстраивание «мягких границ», сочетающих культурную субъектность и открытость, позволяют защищать культурный суверенитет и сопротивляться «цифровому колониализму».

¹¹ Xijiping zhuchi zhonggong zhongyang zhengzhi ju di sanshi ci jiti xuexi bing jianghua [Си Цзиньпин председательствовал на 30-й коллективной учебной сессии Политбюро ЦК КПК и выступил с речью] // Zhonghua renmin gongheguo zhongyang renmin zhengfu [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. June 1, 2021. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/01/content_5614684.htm (accessed: 29.06.2025).

На практике Китай реализует стратегию «синергии локализации и глобализации» для точного распространения своего влияния. Так, в ходе диалога с западной аудиторией внимание акцентируется на личном самосовершенствовании и концепции гармонии, а при взаимодействии с развивающимися странами фокус смещен в сторону общего развития. Через калибровку эмоционального воздействия достигается баланс между «приверженностью ценностям» и «эмпатической коммуникацией», что трансформирует китайские нарративы в темы общей заботы о человечестве.

Через концепцию Сообщества единой судьбы человечества китайская культура участвует в глобальной трансформации цивилизационной парадигмы, с одной стороны, позволяя преодолевать устоявшееся восприятие незападных цивилизаций как «Другого» в постколониальную эпоху, продвигая реконструкцию коммуникационного порядка сосуществования множества цивилизаций, а с другой — предлагая «китайское решение» для управления цифровой эпохой, преобразующее пятитысячелетнее цивилизационное наследие в современный уровень коммуникационных инноваций и утверждающее достоверность и дискурсивное влияние китайской

цивилизации в глобальной «конкуренции метанарративов» (Zhang & Zhu, 2025).

Председатель Си Цзиньпин отмечал: «Культура — это душа страны и народа. Процветание культуры ведет к процветанию страны, а сильная культура ведет к сильному народу» (Qi, 2022, p. 12). Уверенность в своей культуре имеет решающее значение для процветания и выживания страны, для передачи национального духа и для будущего страны. Стратегическая культура как форма культуры представляет собой сосредоточение культурных концепций, ценностей и национальных особенностей в стратегической сфере, а также является воплощением мировоззрения. Ее суть заключается в глубоком слиянии культурных концепций и стратегической мысли. Концепции традиционной китайской культуры «согласие всех народов» (协和万邦, *Xiehe wanbang*), «всемирное единство» (天下大同, *Tianxia datong*) и «единство человека и неба» (天人合一, *Tian ren he yi*) составляют суть традиционной китайской стратегической культуры, уделяя особое внимание обороне в целом, стремлению к миру и достижения великого единения (Qi, 2022, p. 12).

Таким образом, можно выявить следующие культурные ценности стратегической коммуникации Китая (табл. 1, 2).

Таблица 1. Ценности стратегической культуры Китая

Ценностное измерение	Основная западная модель	Китайская модель
Видение безопасности	Безопасность через альянсы (исключительность)	Общая безопасность (инклюзивность)
Видение суверенитета	Интервенционистская «дипломатия ценностей»	Равноправие и уважение «без политических требований»
Видение развития	Помощь с привязкой к обязательствам политических реформ	«Благосостояние людей» как приоритет: «授人以渔» (<i>Shou ren yi yu</i>) — «Учить ловить рыбу» (а не давать рыбу)

Источник: составлено А.А. Забелла и Кун Сяной на основе данных: Xijiping: Gaoju zhongguo tese shehui zhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehui zhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Си Цзиньпин: Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой и сообща строить современное социалистическое государство всесторонним путем — Доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая] // Xinhua News. October 25, 2022. (На китайском языке). URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 29.06.2025).

Таблица 2. Базовые принципы стратегической культуры Китая

Культурная ценность	Принцип красных линий (底线思维, <i>dixian siwei</i>)	Открытые обязательства (开放承诺, <i>Kaifang chengnuo</i>)
Суверенное достоинство	Тайваньский вопрос (предупреждение США)	Участие и формирование антитеррористической, климатической и других повесток (создание коалиций)
Справедливость	Осуждение злоупотреблением односторонними санкциями (противодействие гегемонизму)	Продвижение повестки мира ООН (реформа глобального управления)
Право на развитие	Опровержение тезиса США о перепроизводстве как результате технологической конкуренции. Защита экономических интересов	Поддержка африканских государств посредством создания сельскохозяйственных центров, помощь в доступе к воде, создание инфраструктуры (совмещение безопасности и развития)

Источник: составлено А.А. Забелла и Кун Сяньюй на основе данных: Xijiping: Gaoju zhongguo tese shehui zhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehui zhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Си Цзиньпин: Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой и сообща строить современное социалистическое государство всесторонним путем — Доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая] // Xinhua News. October 25, 2022. (На китайском языке). URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 29.06.2025).

В обобщенном виде базовые отличия культурных ценностей и принципов Китая от западных сводятся к приоритету коллективизма (в противовес западному индивидуализму), иерархичности, специфическим философским основаниям и особому мировоззрению. Эти различия формируют уникальную идентичность и традиции китайской культуры.

Культурные особенности в СК Китая. Внутренняя и внешняя СК и их взаимосвязь

Концепция комплексной стратегической культуры КНР включает традиционные ценности (гармония), марксистскую философию борьбы и западный реализм.

Внутренняя стратегическая коммуникация Китая включает целый ряд аспектов, среди которых ключевыми являются:

- 1) идеология КПК, играющая ключевую роль в системе стратегической коммуникации;
- 2) коллективизм (влияет на баланс интересов, взаимопомощь и социальную гармонию);
- 3) конфуцианские ценности (способствуют стабильности в обществе);
- 4) гармония и стабильность (строгий контроль над общественным мнением с целью обеспечения социальной гармонии и политической стабильности);

5) централизованное управление (решения принимает ограниченное количество лиц, что позволяет избежать конфликтов на местном уровне);

6) национальное единство (преодоление этноконфессиональных проблем, продвижение общей китайской идентичности);

7) экономическое развитие (модернизация страны);

8) поддержка инноваций и технологий (создание своей мощной базы НИОКР);

9) социальный контроль (регулирование Интернета и социальных сетей);

10) культивирование патриотизма (развитие национальной гордости и патриотизма).

Внутри страны руководство КНР активно осуществляет контроль над средствами массовой информации, что позволяет формировать правильное выверенное восприятие тех или иных событий. Представители органов власти, как правило, транслируют согласованные позиции на международных площадках, что формирует образ внутривосточного единства.

«Внешняя коммуникация» (对外传播, *Duiwai zhuanbo*) и «международная коммуникация» (国际传播, *Guoji chuanbo*) являются взаимозаменяемыми терминами, однако есть нюансы. Внешняя коммуникация фокусируется на факторе китайских акторов этой коммуникации, а международная

коммуникация также включает международную аудиторию. Помимо прочего, китайские ученые, изучая СК, используют такие термины, как «медиапропаганда» (媒体宣传, *Meiti xuanchuan*) и «медиадипломатия» (媒体外交, *Meiti waijiao*).

Ключевыми аспектами внешней СК Китая являются:

- 1) коллективизм (приоритет интересов групп над индивидуальными);
- 2) конфуцианские ценности (акцент на гармонии, иерархии и уважение к старшим);
- 3) долгосрочное планирование и терпение (работа на перспективу);
- 4) искусство компромисса (избегание конфликтов);
- 5) сохранение лица (лицо связано с уважением, репутацией и социальной гармонией);
- 6) культурный обмен (поощрение культурного обмена между студентами, делегациями).

Во внешней политике КНР длительное время придерживалась принципа «навести порядок в доме, прежде чем приглашать гостей» (打扫干净屋子再请客, *Dasao ganjing wuzi zai qingke*) (Chen & Zhang, 2024). К основным аспектам этого принципа следует отнести внутреннюю стабильность, экономическое развитие и предотвращение внешнего вмешательства. В настоящее время внешняя стратегическая коммуникация Китая акцентирует внимание на многосторонних форматах, что предопределено развитием взаимодействия в рамках БРИКС и ШОС, что способствует укреплению международного авторитета страны.

Помимо прочего, китайская сторона делает акцент на возможностях цифровых технологий и социальных медиа для коммуникации с международной аудиторией. Использование цифровой дипломатии является важной частью СК, позволяя Китаю реагировать

на международные события в режиме реального времени (Yin & Shen, 2023).

Во внешней СК Китая придерживается логики «стратегической сдержанности», то есть приоритет отдается экономике, а не военному противостоянию. Примером может служить тактика расширения островов в Южно-Китайском море (ЮКМ) без эскалации. Китайская сторона делает акцент на наращивании ресурсов и инфраструктуры, прежде всего посредством продвижения запущенной в 2013 г. Си Цзиньпином инициативы ОПОП.

Политический диалог служит важной предпосылкой совместной реализации проекта ОПОП. Китай и страны — участницы ОПОП, а также международные организации активно создают многоуровневый механизм политического взаимодействия, реализуют синергетический эффект политики в области стратегического планирования развития, технико-экономической политики, правил и стандартов управления, совместно разрабатывают планы и меры по продвижению регионального сотрудничества, что служит «основой» и «катализатором» для углубления практического сотрудничества. Взаимодействие в рамках ОПОП постепенно превращается в одну из ключевых платформ для обмена опытом, технологиями и культурными практиками. Оно также способствует углублению научных и образовательных контактов между странами-участницами¹².

Посредством ОПОП Китай эффективнее позиционирует себя на международной арене, расширяет культурное сотрудничество, наращивает потенциал публичной дипломатии, укрепляет финансовые и инвестиционные механизмы, таким образом добиваясь все большей привлекательности КНР в глазах международной общественности.

Основой внешней СК Китая является современное воплощение китайской культуры,

¹² Jianding bu yi tuijin gong jian “yidai yilu” gao zhiliang fazhan zou shen zou shi de yuanjing yu xingdong — gong jian “yidai yilu” wuilai shi nian fazhan zhanwang [Видение и действия по неуклонному содействию качественному развитию совместного строительства «Пояса и пути» и углублению и практическому воплощению — Перспективы развития совместного строительства «Пояса и пути» в ближайшие десять лет] // Sichuan sheng qing wang [Информационная сеть провинции Сычуань]. November 25, 2023. (На китайском языке). URL: https://scsqw.cn/gzdt/zyhy/content_130739 (accessed: 29.06.2025).

которая базируется на важных постулатах «гармонии и единства» (和合, *Hehe*) в дипломатии. Китайская сторона демонстрирует как принципиальную жесткость при защите коренных интересов страны, так и тактическую гибкость в неконфронтационных сферах. Примерами могут служить осуждение позиции и действий США по тайваньскому вопросу и согласие на диалог по интересующим сферам, таким как ИИ.

Председатель КНР отметил: «Необходимо координировать внутреннюю и международную ситуации, неуклонно следовать по пути мирного развития, проводить открытую стратегию взаимной выгоды и сотрудничества, придерживаться правильного взгляда на справедливость и выгоду, формировать новую концепцию безопасности, основанную на совместности, комплексности, сотрудничестве и устойчивости». Китай «всегда будет строителем мира во всем мире, внося свой вклад в глобальное развитие и защиту международного порядка»¹³.

Вызовы и адаптация стратегической коммуникации Китая в условиях внутреннего ценностного многообразия

Воздействие стратегической коммуникации Китая на молодежь представляет собой системный проект, сочетающий идейное руководство, институциональную поддержку, технологические решения и формирование социальной среды. «Программа развития молодежи на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2016–2025 гг.)»¹⁴ является первым в Китае специализированным

планом национального уровня по развитию молодежи. Ее механизм СК через многомерные подходы — идейное руководство, институциональные гарантии, технологическое обеспечение и социальную практику — глубоко влияет на формирование ценностных ориентаций молодежи, возможности развития и эффективность социального участия. Координационные совещания по делам молодежи с полным охватом от государственного до уездного уровня, организованные под эгидой Коммунистического союза молодежи, координируют межведомственные политические ресурсы. Например, программа «Молодежное жилье» в провинции Гуандун предоставила публичное арендное жилье более чем 7000 выпускникам, а в Пекине выделено 600 квартир для решения жилищных проблем выпускников текущего года¹⁵.

В 9 провинциальных и 112 городских планах развития на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) созданы специальные механизмы по развитию молодежи, продвигающие включение потребностей молодого поколения в мейнстрим публичной политики (табл. 3).

Сегодня Китай выступает одновременно субъектом и объектом процессов глобализации, активно участвуя в международной повестке, при этом сохраняя культурный суверенитет. Правительство КНР, с одной стороны, активно продвигает патриотизм, а с другой — интегрируется в мировую экономику и политику, в связи с чем вынуждено искать баланс между задачами внутренней и внешней политики.

¹³ Xij Jinping: Gaoju zhongguo tese shehui zhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehui zhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Си Цзиньпин: Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой и сообща строить современное социалистическое государство всесторонним путем — Доклад на XX съезде Коммунистической партии Китая] // Xinhua News. October 25, 2022. (На китайском языке). URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 29.06.2025).

¹⁴ “Zhong chang qi qingnian fazhan guihua (2016–2025 nian)” shishi qingkuang [Реализация «Средне- и долгосрочного плана развития молодежи (2016–2025)»] // Zhongguo gongqingtuan [Коммунистический союз молодежи Китая]. (На китайском языке). URL: https://www.gqt.org.cn/xxgk/qnfz/202209/t20220921_789682.htm (accessed: 29.06.2025).

¹⁵ Ibid.

Таблица 3. Ключевые механизмы стратегической коммуникации и эффективность их реализации

Тип механизма	Конкретные меры	Результаты внедрения	Основа политики
Лидерство мысли	«Проект подготовки молодых марксистов», «Кампания за культуру в интернете»	Более 70 % молодых людей согласны с тем, что личностное развитие должно сочетаться с национальным развитием	Молодежная идеология и планирование морали
Институциональная координация	Совместная молодежная конференция, пилотный проект «Город развития»	Удовлетворенность молодежи в 45 пилотных городах выросла на 15 %	Механизм совместной конференции по работе с молодежью
Расширение возможностей технологий	Точность ИИ, платформа для консультаций по молодежной политике	100 000 смоделированных предложений с коэффициентом конверсии 15 %	Мнения о комплексном выполнении 14-го пятилетнего плана
Практическое участие	Система кредитования волонтерской службы, поддержка инноваций и предпринимательства	Средний возраст молодого научно-технического инновационного коллектива составляет менее 35 лет.	План занятости и предпринимательства молодежи

Источник: составлено А.А. Забелла и Кун Сянюй на основе данных: Zhonggong zhongyang guowuyuan yinfa "zhong chang qi qingnian fazhan guihua (2016–2025 nian)" // Zhongguo kexue jishu xiehui [Центральный комитет КПК и Государственный совет опубликовали «Средне- и долгосрочный план развития молодежи (2016–2025 гг.)» // Китайская ассоциация науки и техники]. 13.08.2024. URL: https://www.cast.org.cn/zk/zcwj/art/2024/art_3f26d0be904c4d19a7bdfef1fbf4bc2f8.html (accessed: 30.06.2025).

Быстрый экономический рост Китая привел к значительному увеличению доходов у верхнего слоя населения, что усилило социальное неравенство. В условиях контроля со стороны государства молодежь стремится к большему самовыражению и доступу к информации. Различия в ценностях в Китае отражаются в том, что молодое поколение интересуется популярными западными ценностями, все больше ценит европейское образование и стремится учиться в Европе, но это не означает, что все молодые люди принимают западные ценности. Наоборот, именно во время обучения за рубежом многие студенты на собственном опыте убеждаются, что Китай безопаснее ряда европейских стран, что укрепляет их национальную гордость. Кроме того, Китай последовательно реализует принцип «Поддержка обучения за границей, поощрение возвращения на Родину, свобода выезда и въезда, применение знаний на практике». Благодаря этому все больше выпускников выбирают возвращение в Китай.

С одной стороны, в Китае укрепляются традиционные ценности, с другой — наблюдается рост интереса к либеральным

ценностям. Говоря о ценностных противоречиях, следует заметить, что конфуцианство как основа китайской культуры базируется на уважении к старшим, семейных ценностях и гармонии, что контрастирует с западным акцентом на личных свободах и индивидуализме. Если говорить о трудовой культуре, то китайцам больше свойственна работа сверхурочно и в выходные, а также жесткая иерархия, что контрастирует с западным типом, характеризующимся четким разделением рабочих и личных вопросов. Система прописки (хукоу) в Китае ограничивает мобильность людей между селом и городом, что немыслимо в странах Запада и вызывает недовольство в Китае из-за создания неравенства и сохранения строгого контроля за миграцией.

Государство поощряет заимствования в сфере экономики и науки, способствующие развитию страны, при этом строго ограничивая распространение ценностей, воспринимаемых как угроза политической стабильности.

Тем не менее в Китае существуют примеры успешной гибридизации китайских и западных ценностей. Гонконг — это

слияние британского наследия (правовая система, английский язык) с китайскими традициями (Новый год, чаепития, культ семьи). В целом в Китае достаточно успешно осуществляется локализация. Так, в ресторанах страны подают европейские блюда, но адаптированные под местные вкусы. Заимствованные западные технологии также успешно применяются в Китае (соцсети *WeChat*, *Xiaohongshu*, *Weibo*).

Роль государства в регулировании интернета в Китае является ключевым аспектом цифровой экосистемы страны. Китайская система интернет-цензуры, или «Великий китайский файрволл», блокирует доступ к нежелательным сайтам и платформам (*WhatsApp*, *Facebook* и *Twitter*¹⁶, *Google* и др.), что дает возможность правительству контролировать информацию, доступную пользователям. Следовательно, все темы, которые противоречат линии партии, чувствительны для государства и сразу блокируются. В Китае также принят Закон о кибербезопасности (2017 г.)¹⁷, который требует от интернет-компаний обеспечить безопасность информации. Государственные органы также имеют право проверять и лицензировать интернет-компании, которые обязаны следить за тем, чтобы личные данные пользователей использовались только в рамках закона. Все вышеуказанные ограничения порождают создание альтернатив, например использование сервисов обхода блокировок (VPN) или же обсуждение нежелательных тем посредством аббревиатур.

Заключение

Культура играет особую роль в формировании стратегической коммуникации Китая. Несмотря на трансформацию

идеологических установок КПК, она остается тесно связанной с традиционными культурными ценностями, такими как конфуцианство, а также современными дипломатическими практиками и реальными успехами в социально-экономическом развитии страны в последние десятилетия. Ключевыми аспектами СК Китая являются традиционные ценности, «мягкая сила», адаптация к современным условиям и коммуникационная стратегия. Все перечисленные аспекты важны для реализации «китайской мечты» и одновременно обеспечивают баланс между сохранением культурной идентичности и модернизацией стратегий в условиях глобальных изменений.

Значимую роль в СК играет построение Сообщества единой судьбы человечества, которое нацелено на совместное решение глобальных вызовов. Китай также использует инициативу ОПОП для обращения к международной аудитории с призывом к объединению усилий в борьбе с глобальными вызовами и содействию региональной стабильности, что поможет укрепить глобальную репутацию Китая как ответственного участника в международных делах.

Анализ китайских источников и литературы показывает доминирование тематик, связанных с многополярностью, региональным сотрудничеством, развитием технологий. Китай уже накопил необходимый вес, чтобы самостоятельно предлагать привлекательные альтернативы, основанные на симбиозе традиционных социалистических и моральных ценностей, воплощенных в «китайской мечте». Помимо прочего, китайская сторона с большим интересом относится к продвижению дипломатии с акцентом на искусственный интеллект, предлагая свои стандарты и программы, а также экономическую

¹⁶ Социальные сети *WhatsApp*, *Twitter* и *Facebook* (входят в группу компаний *Meta*) запрещены в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁷ *Zhonghua renmin gongheguo wangluo anquan fa* [Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики] // *Zhonghua renmin gongheguo zhongyang renmin zhengfu* [Центральное Народное Правительство КНР]. November 7, 2016. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm (accessed: 30.06.2025).

помощь и инвестиции развивающимся странам, расширяя не только экономическое влияние, но и формируя стратегические альянсы. В этом контексте культурные ценности не только поддерживают внешнеэкономические инициативы Китая, но и служат важным инструментом повышения его влияния на международной арене.

Поступила в редакцию / Received: 01.07.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 20.09.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Бурлаков В.А. Стратегическая коммуникация как метод современной геополитики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 7–15. EDN: WKS WL B
- Панцеров К.А. Стратегическая коммуникация и информационно-психологическое противоборство: к вопросу вепонизации цифровых платформ // Пути к миру и безопасности. 2025. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-53-69>; EDN: ANFQGG
- Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация : современные технологии глобального влияния и управления. Москва : Международный центр социально-политических исследований и консалтинга, 2014. EDN: WLALAF
- Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. BRICS Strategic Communication: The Present and the Future // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 64–93. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-64-93>; EDN: IYTTQM
- Bi Y. Zhanlüe chuanbo: Suyuan, fazhan ji qi qishi [Стратегическая коммуникация: происхождение, развитие и их значение] // Duiwai zhuan bo [Внешняя коммуникация]. 2022. No. 6. P. 26–29. (На китайском языке).
- Bi Y., Wang J. Zhanlüe chuanbo chutan [Предварительное исследование стратегической коммуникации] // Hainan shifan daxue xuebao (Shehui kexue ban) [Журнал Хайнаньского педагогического университета (издание по социальным наукам)]. 2011. Vol. 5. P. 160–162. (На китайском языке).
- Chen H., Zhang W. Zhonghua wenhua guoji chuanbo xiaoneng tisheng de zhanlüe zhuanxiang [Стратегический сдвиг для повышения эффективности международной коммуникации китайской культуры] // Xinwen daxue [Университет журналистики]. 2024. No. 4. P. 1–14. (На китайском языке).
- Feng H. A Dragon on Defense: Explaining China's Strategic Culture // Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction : Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking / ed. by J.L. Johnson, K.M. Kartchner, J.A. Larsen. New York : Palgrave Macmillan, 2009. P. 171–187. https://doi.org/10.1057/9780230618305_11
- Johnson K. D. China's Strategic Culture : A Perspective for the United States. Carlisle, PA : Strategic Studies Institute, 2009. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/101982/China_Strategic_Culture_June09.pdf (accessed: 18.08.2025).
- Li J., Tilford E. H. Traditional Military Thinking and the Defensive Strategy of China. Carlisle, PA : US Army War College Press, 1997. URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/182> (accessed: 25.06.2025).
- Li M. China Debates Soft Power // The Chinese Journal of International Politics. 2008. Vol. 2, iss. 2. P. 287–308. <https://doi.org/10.1093/cjip/pon011>
- Lu X. Xueshu chuanbo zai zhongguo zhanlüe chuanbo tixi zhong de hexin diwei yu duochong jiazhi [Основная позиция и множественные ценности академической коммуникации в системе стратегической коммуникации Китая] // Xiandai chuanbo: Zhongguo chuanmei daxue xuebao [Современная коммуникация: Журнал Коммуникационного университета Китая]. 2021. Vol. 11. P. 26–32. (На китайском языке).
- Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York ; London : W. W. Norton & Company, 2014.
- Ming L. Shuzi shidai tisheng guoji chuanbo xiaoneng sikaо [Размышления о повышении эффективности международной коммуникации в цифровую эпоху] // Zhongguo keji xinxi [Китайская научно-техническая информация]. 2022. Vol. 24. P. 143–145. (На китайском языке).
- Paul Ch. Strategic Communication : Origins, Concepts, and Current Debates. Santa Barbara, CA : Praeger, 2011. <https://doi.org/10.5040/9798216019596>
- Qi J. Guanyu zhongguo zhanlüe wenhua de renshi yu sikaо [Понимание и размышление о китайской стратегической культуре] // Sunzi bingfa yanjiu [Исследования военного искусства Сунь Цзы]. 2022. Vol. 1–12, no. 2. P. 1–12. (На китайском языке).
- Scobell A. China and Strategic Culture. Carlisle, PA : Strategic Studies Institute, 2002. <https://doi.org/10.21236/ADA402402>

- Shi A., Tong T.* Quanqiu anquan zhili shi yu xia de zhanlüe chuanbo: lishi, lilun yu shijian [Стратегическая коммуникация с точки зрения управления глобальной безопасностью: история, теория и практика] // Shanghai jiaotong daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban) [Вестник Шанхайского коммуникационного университета (издание по философии и социальным наукам)]. 2023. No. 6. P. 11–20. (На китайском языке).
- Strategic Communication in EU—Russia Relations : Tensions, Challenges and Opportunities* / ed. by E. Pashentsev. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-27253-1>
- Trials of Engagement : The Future of US Public Diplomacy* / ed. by A. Fisher, S. Lucas. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2010. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004179400.i-309>
- Waltz K.* Theory of International Politics. Boston, MA : McGraw-Hill, 1979.
- Wang D.* Zhongguo jueqi yao kao zhongguo de zhanlüe wenhua [Подъем Китая зависит от его стратегической культуры] // Keji zhinang [Аналитический центр технологий]. 2009. Vol. 10. P. 48–50. (На китайском языке).
- Weapons of Mass Persuasion : Strategic Communication to Combat Violent Extremism* / ed. by S.R. Corman, A. Trethewey, H.L. Goodall Jr. New York : Peter Lang Inc., 2008.
- Yang M., Yin Le.* Meiti ronghe shidai xia guoji chuanbo xiaoneng tisheng lujing tanxi. Zhōngguó méitǐ rónghé fāzhǎn bàogào. [Анализ путей повышения эффективности международной коммуникации в эпоху конвергенции СМИ. Отчет о развитии конвергенции СМИ в Китае]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshan [Изд-во литературы по общественным наукам], 2024. (На китайском языке).
- Yin Le, Shen Zhe.* Ronghe yu chong su: zhonghua wenhua guoji chuanbo de zhineng jishu yingyong ji qushi [Интеграция и преобразование: применение и тенденции интеллектуальных технологий в международной коммуникации китайской культуры] // Duiwai zhuan bo [Внешние коммуникации]. 2023. Vol. 10. P. 31–35. (На китайском языке).
- Zhang L.* Zhonghua minzu gongtongti zhanlüe chuanbo de luoji yu lujing (er) [Логика и путь стратегической коммуникации китайского национального сообщества (II)] // Jingji dao kan [Экономический путеводитель]. 2024. Vol. 8. P. 80–87. (На китайском языке).
- Zhang Li, Zhu J.* Xin xingshi xia de zhongguo tese zhanlüe chuanbo tixi jiegou: tiaozhan yu lujing [Структура системы стратегических коммуникаций с китайской спецификой в новых условиях: вызовы и пути] // Duiwai zhuan bo [Внешние коммуникации]. 2025. No. 5. P. 4–8. (На китайском языке).
- Zhong Sh., Wang H.* Maozedong guanyu zhanlüe chuanbo de shengdong shijian ji qishi [Яркая практика и вдохновение Мао Цзэдуна в области стратегической коммуникации] // Xinwen yu chuanbo yanjiu [Журналистика и исследования в области коммуникации]. 2023. Vol. 12. P. 21–34. (На китайском языке).
- Zuppello M.* Strategic Communication: How China Promotes and Communicates Its Political Agenda in Latin America // China and Taiwan in Latin America and the Caribbean : History, Power Rivalry, and Regional Implications / ed. by C.R. Veney, S.O. Abidde. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2024. P. 229–260. https://doi.org/10.1007/978-3-031-45166-9_10

Сведения об авторах:

Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; eLibrary SPIN-код: 9465-8400; ORCID: 0000-0001-7082-5073; e-mail: anastasiababella@gmail.com

Кун Сянюй — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0009-0002-2629-0002; e-mail: 1042245022@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-94-107

EDN: SZAXBI

Научная статья / Research article

Инструменты «мягкой силы» США, Китая и России в Латинской Америке в условиях формирования многополярного мира

Е. А. Литягина , К. М. Климова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 git-opa@mail.ru

Аннотация. Проанализирован современный инструментарий политики «мягкой силы» США, России и Китая в Латинской Америке с учетом экономического, политического, гуманитарного, культурного, дипломатического и исторического контекста сотрудничества в регионе. Актуальность исследования обусловлена увеличивающейся в эпоху трансформации мирового порядка популярностью идей «мягкой силы», столь необходимой как во всем мире, так и в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), за влияние в которых сегодня ведется конкурентная борьба. Цель — выявить и проанализировать современные эффективные инструменты «мягкой силы» важных акторов в ЛАКБ в контексте формирования многополярного мира. Основными источниками для анализа являются современные монографии, научные статьи, материалы аналитических центров, выступления официальных должностных лиц. Методологически работа базируется на сопоставительном и статистическом анализе и синтезе. Выявлено, что при активности и наступательности «мягкой силы» Китая, формирующей образ надежного и безвозмездного инвестора, в регионе сохраняется высокий авторитет США в области политики, экономики и культуры, пусть иногда с разрушительным характером методов воздействия. Так, в 2025 г. Вашингтон начал активно применять «жесткую силу», что пока не облегчает вытеснение Китая и России из региона. На основе статистической оценки общественного мнения констатируется падение репутации Российской Федерации на Южноамериканском континенте после начала специальной военной операции (СВО), однако вместе с тем Латинская Америка содействует восстановлению статуса России как мировой державы. РФ в свою очередь создает имидж строителя справедливого, основанного на равенстве и ценностях многополярного порядка. Не ассоциируясь с неокOLONИализмом, страна успешно оперирует культурной, дипломатической и гуманитарной «мягкой силой» и имеет потенциал в других областях. Именно поэтому со стороны США осуществляются попытки ограничения работы российских СМИ в ЛАКБ. Общими перспективными и эффективными современными инструментами «мягкой силы» в Латинской Америке в эпоху многополярности являются экономические, СМИ, публичная и цифровая дипломатия, инструменты в области высоких технологий и космоса.

Ключевые слова: публичная дипломатия, многополярный мир, дипломатия, культурное сотрудничество, гуманитарные инструменты, неокOLONИализм, информационные технологии

Вклад авторов. Литягина Е. А.: концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. Климова К. М.: сбор и обработка материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Литягина Е. А., Климова К. М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Лityагина Е. А., Климова К. М. Инструменты «мягкой силы» США, Китая и России в Латинской Америке в условиях формирования многополярного мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 94–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-94-107>; EDN: SZAXBI

The Instruments of “Soft Power” of the USA, China and Russia in Latin America in the Context of Multipolar World Order Formation

Elena A. Lityagina , Kseniya M. Klimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 git-opa@mail.ru

Abstract. The article examines the modern tools of the “soft power” policy of the USA, Russia and China in Latin America and the Caribbean (LAC), considering the economic, political, humanitarian, cultural, diplomatic, historical context of cooperation in the region. The relevance of the study is conditioned by the increasing popularity of the “soft power” ideas in the era of the world order transformation, a phenomenon that is required around the world, including in the LAC countries, where there is a strong competition for influence. The purpose of this work is to identify and analyze the contemporary effective “soft power” tools employed by key actors in Latin Caribbean America in the context of multipolarity. The main sources for analysis encompass modern monographs, scientific articles, materials from analytical centers, speeches delivered by officials. Methodologically, the work is based on comparative, statistical and synthetic analyses. It is revealed that with the activity and aggressiveness of the “soft power” of China, which forms the image of a reliable and gratuitous investor, the United States maintains high authority in the field of politics, economics and culture, albeit with methods of influence that are sometimes destructive. In 2025, Washington began actively using “hard power,” which has not yet made it easier to oust China and Russia from the region. As demonstrated by the statistical assessment of public opinion, there has been a decline in the reputation of the Russian Federation in South America since the start of the Special Military Operation. However, at the same time, Latin America is helping to restore Russia’s status as a world power. The Russian Federation is creating an image as a builder of a just, equality-based and value-based multipolar order. Not being associated with neo-colonialism, the country successfully operates with cultural, diplomatic and humanitarian “soft power” and it has potential in other areas. That is why the United States is trying to restrict the work of Russian media in LAC. Common promising and effective modern tools of “soft power” in Latin America in the era of multipolarization include economic tools, mass media, space diplomacy tools, high technologies, public and digital diplomacy.

Key words: public diplomacy, multipolar world, diplomacy, cultural cooperation, humanitarian instruments, neocolonialism, information technology

Authors’ contributions. E. A. Lityagina: concept and design of research, collection and processing of materials, analysis of the data obtained, text writing. K. M. Klimova: collection and processing of materials.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Lityagina, E. A., & Klimova, K. M. (2026). The instruments of “soft power” of the USA, China and Russia in Latin America in the context of multipolar world order formation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 94–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-94-107>; EDN: SZAXBI

Введение

В современном мире происходит процесс постепенного формирования многополярной модели международных отношений,

пришедшей на смену однополярной. Новый мировой порядок нацелен на установление баланса сил между ведущими державами и новыми формирующимися центрами силы, набирающими вес в регионах

и субрегионах, а также характеризуется появлением новых игроков и инициатив (Jeifets, 2020). Латинская Америка, обладающая стратегическим геополитическим положением, колоссальными запасами природных ресурсов и будучи одним из формирующихся центров многополярного мира, в XXI в. вынуждена балансировать между снижением влияния Соединенных Штатов и возвышением Китая на глобальной и региональной политической и экономической арене, в то время как действующие интеграционные блоки сближают Латинскую Америку с выступающими против мировой гегемонии внерегиональными державами (Хейфец, 2021, с. 53; Lo Brutto & Crivelli Minutti, 2024). В условиях кризиса глобализации и трансформации мирового порядка роль «мягкой силы» стремительно возрастает, демонстрируя свою перспективность и целесообразность на фоне активного развития информационных технологий.

Исследование базируется на теоретико-методологических принципах неолиберального институционализма. Классический стержневой термин американского политического либерализма «мягкая сила» и ее концепция были сформулированы в конце 1970-х гг. профессором Гарвардского университета Дж. Наем-мл. Согласно его определению, «мягкая сила» — это способность одного государства влиять на поведение другого для достижения своих целей путем убеждения, позитивной привлекательности и формирования повестки дня, которая принимается другими странами и рассматривается ими как легитимная. Вместе с тем А.В. Фененко отмечает, что сама концепция «мягкой силы» была описана еще в начале XX в. Н. Анджеллом и другими экспертами¹. Как основные компоненты «мягкой силы» выделяются культура

государства, политические ценности и внешняя политика (Nye, 2011, p. 84).

В российской практике термин «мягкая сила» появился в 2013 г. По своей сути он схож с американским термином «публичная дипломатия». Использование всех сфер международных отношений при применении «мягкой силы» отображает трактовка данного термина как феномена, возникающего в процессе политического и социокультурного сотрудничества стран (Филимонов, 2013, с. 3). Между тем «мягкая» и «жесткая сила» не являются полностью противоположными: российская школа часто определяет «мягкую силу» как комплекс невоенных методов, соответственно, в таком контексте экономическое и политическое принуждение попадают под это определение (Лебедева, 2017, с. 213).

Вопросы применения «мягкой силы» США, Китая и России в Латинской Америке затрагивали в своих работах такие авторы, как А.В. Будаев (2014; 2018), П.П. Яковлев (2019; 2022), Е.И. Сафронова (2020), М.И. Гарбарт (2020), М. Санторо (Santoro, 2020), Е.О. Иванов (2022), В.Л. Хейфец (2021; Jeifets, 2020), Л. Син (Xing, Vadell & Rubiolo, 2023), А. Моранте (Morante & Wu, 2023), Д.В. Поликанов² и др. Однако среди комплекса работ по данной тематике преобладают труды по отдельным инструментам «мягкой силы» или акторам и практически отсутствуют обзорные исследования, сопоставляющие несколько стран и позволяющие увидеть масштабную картину с общей расстановкой сил в ЛАКБ.

Для устранения выявленного пробела в рамках данного исследования использованы синтез с целью объединения различных подходов и целостного понимания общей ситуации в регионе и сравнительно-сопоставительный анализ инструментов

¹ «Нам надо больше внимания уделять позитивным проектам, в рамках которых мы можем работать». Разговор с Алексеем Фененко // PICREADI: Креативная дипломатия. 11.10.2016. URL: https://picreadianalitika.ru/fenenko_interview (дата обращения: 09.01.2025).

² Поликанов Д.В. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы // Российский совет по международным делам. 17.04.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyy-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (дата обращения: 09.01.2025).

«мягкой силы», используемых США, Россией и Китаем в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). Основываясь на классификации разновидностей «мягкой силы», предложенной Г.Г. Холиком (Holyk, 2011, p. 223) и Е.В. Ефановой (Ефанова, 2018, с. 420), представляется целесообразным систематизировать инструменты «мягкой силы», используемые в ЛАКБ, анализируя их эффективность и подкрепляя конкретными примерами из современной политической практики.

Экономическая «мягкая сила»

Привлекательная модель экономического развития, несмотря на причисление Дж. Наем экономики к «жесткой силе», является «мягкой силой». Экономический фактор оказывает влияние на зависимые от уровня экономического развития и внешнеэкономического курса страны проявления «мягкой силы». Кроме того, слабые в экономическом отношении страны редко способны эффективно продемонстрировать свою привлекательность и в других областях (Миронова, 2020). Среди главных инструментов экономической «мягкой силы» необходимо выделить продвижение успешной экономической модели, инвестиционную привлекательность, реализацию крупных инфраструктурных проектов за рубежом, программы помощи развитию, финансирование международных институтов, торговли, а также оказание экономической помощи нуждающимся странам.

Латинская Америка и Карибский бассейн является одним из наиболее динамичных регионов мира, где развивается множество политических, экономических и социальных процессов. Китайская Народная Республика (КНР)

является крупным инвестором в Латинской Америке, предоставляющим кредиты, инвестиции и технологии для развития инфраструктуры, энергетики, телекоммуникаций и других отраслей (Pennaforte & Bones, 2020). В 2024 г. объем торговли между Китаем и ЛАКБ превысил 500 млрд долл. США³.

Пекин импортирует сырье и сельскохозяйственную продукцию из Латинской Америки, предлагая взамен готовые товары, оружие и технологии. Экономические проекты, реализуемые при участии Китая, способствуют росту экономики латиноамериканских стран и укреплению их зависимости от китайского рынка (Xing, Vadell & Rubiolo, 2023, p. 16). С целью формирования близкого партнерства со странами Латинской Америки в 2016 г. в Китае была принята стратегия под названием «Основной документ по отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна». Проект «Один пояс, один путь» выделяется исследователями как важная инициатива и вызывает доверие у большей части населения стран ЛАКБ (Гарбарт, 2020, с. 80).

Внимание экспертов и аналитиков привлекает банковская и инвестиционная стратегия Китая в Латинской Америке: в период с 2005 по 2022 г. в Латинскую Америку поступило 136 млрд долл. США в виде прямых иностранных инвестиций из Китая, главным образом на такие рынки, как Аргентина, Бразилия, Эквадор и Венесуэла, а кредитование стран ЛАКБ осуществляется главным образом через крупнейшие китайские банки, такие как Китайский банк развития (*China Development Bank* (CDB)) и Экспортно-импортный банк Китая (*Export-Import Bank of China*)⁴. С 1998 г. Китай является нерегиональным членом Карибского банка развития⁵,

³ Baptista E., Cash J., Lee L. China Offers Latin America and the Caribbean Billions in Bid to Rival US Influence // Reuters. May 13, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/china-latin-america-trade-exceeded-500-billion-2024-2025-05-13/> (accessed: 18.08.2025).

⁴ Mann R. A Comprehensive Breakdown of China's Loans in Latin America // The Rio Times. August 14, 2023. URL: <https://www.riotimesonline.com/brazil-news/brazil/a-comprehensive-breakdown-of-chinas-loans-in-latin-america/> (accessed: 18.08.2025).

⁵ CDB Signs MOU with Export-Import Bank of China // The Caribbean Development Bank (CDB). July 13, 2017. URL: <https://www.caribank.org/newsroom/news-and-events/cdb-signs-mou-export-import-bank-china> (accessed: 12.02.2025).

обладающим долей в капитале и пропорциональным голосом, а в 2009 г. страна присоединилась к Межамериканскому банку развития⁶. Эффективной является и работа с частными лицами: латиноамериканцы уже имеют счета в юанях, оплачивают ими покупки на китайских платформах, используют китайские приложения для заказа такси и получения других услуг.

Пекин делает серьезную ставку на боливийский «угол» знаменитого «литиевого треугольника», в который входят Боливия, Аргентина и Чили: КНР подписала соглашение с Боливийской государственной компанией *Yacimientos de Litio Bolivianos*⁷. В этом плане КНР следует примеру России, чья горнодобывающая компания «Росатом» *Uranium One Group* заключила с Боливией соглашение о строительстве промышленного комплекса по добыче и производству карбоната лития⁸.

Китай содействует расширению промышленного производства семян чиа, экспорт которых из одной лишь Боливии с января по октябрь 2023 г. составил 22,4 млн долл. США⁹. Не без участия «Поднебесной» построен мегапорт Чанкай в Перу, позволяющий ускорить доставку продукции из Перу в Китай на 23 дня¹⁰. Китай также вкладывается в ирригационные проекты Перу с перспективой расширения пахотных земель¹¹.

Для интенсификации сотрудничества используется механизм взаимодействия с крупнейшим форумом Китая — Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), аналогичный формат существует и между Россией и СЕЛАК. Все вышперечисленные меры повышают привлекательность Китая, формируя образ надежного, мирного, а главное, безвозмездного партнера.

Главный конкурент Китая в регионе и лидер в лице США сформировал образ географически близкого долговременного партнера, постоянно инвестирующего в страны ЛАКБ и заключившего выгодные соглашения о свободной торговле с 11 странами, например, соглашение о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой (Т-МЕС/USMCA).

Изменить положение дел, связанное с доминированием США в регионе ЛАКБ, может создание уникальной политико-экономической парадигмы, способной стать альтернативой американскому пути. Иллюстративным примером является третья в мире по капитализации нефтяная корпорация *Aramco* из Саудовской Аравии, финансирующая чилийскую компанию *Esmax Distribution SpA*, при этом последняя в итоге была продана саудовцам по настоятельной рекомендации *BofA Securities*¹². В целом аналитики отмечают, что США пытаются прямо

⁶ IDB Approves \$153 Million in Loans To Set up IDB-China Eximbank Equity Investment Platform // The Inter-American Development Bank (IDB). November 29, 2012. URL: <https://www.iadb.org/en/news/idb-approves-153-million-loans-set-idb-china-eximbank-equity-investment-platform> (accessed: 18.08.2025).

⁷ Боливия подписала с китайским консорциумом СВС соглашение о разработке месторождений лития // Financial One. 22.01.2023. URL: <https://fomag.ru/news-streem/boliviya-podpisala-s-kitayskim-konsortsiumom-cbc-soglashenie-o-razrabotke-mestorozhdeniy-litiya-1/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ Росатом подписал соглашение о добыче лития в Боливии // Seldon.News. 29.06.2023. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/287262731> (дата обращения: 10.07.2024).

⁹ Bolivia Set to Export Chia to China // Fundación Andrés Bello. January 19, 2024. URL: <https://www.fundacionandresbello.org/en/news/bolivia-%F0%9F%87%A7%F0%9F%87%B4-news/bolivia-set-to-export-chia-to-china/> (accessed: 10.08.2025).

¹⁰ В Перу открыли построенный на китайские инвестиции мегапорт Чанкай // ТАСС. 15.11.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22407027> (дата обращения: 03.07.2025).

¹¹ Aquino M. Peru to Spend \$24 Billion on Irrigation to Expand Farmlands // Reuters. March 24, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/peru-spend-24-billion-irrigation-expand-farmlands-2025-03-24/> (accessed: 12.05.2025).

¹² Saudi Arabian Oil Company Completed the Acquisition of Esmax Distribución Limitada from Southern Cross Group // Marketscreener. February 29, 2024. URL: <https://www.marketscreener.com/quote/stock/ARAMCO-103505448/news/Saudi-Arabian-Oil-Company-completed-the-acquisition-of-Esmax-Distribuci-n-Limitada-from-Southern-Cr-46081641/> (accessed: 22.08.2025).

и косвенно ослаблять влияние Китая в ЛАКБ (Яковлев, 2019, с. 48).

В условиях формирующегося многополярного мира происходят изменения векторов внешней политики. Так, несмотря на усложнение ситуации из-за антироссийских санкций, РФ развивает экономические отношения со странами Латинской Америки, особенно в области энергетики, торговли и инвестиций, признавая регион важным направлением внешней политики при взаимном товарообороте более 20 млрд долл. США в 2021 г. и его последующем росте, который наблюдался вплоть до 2023 г.¹³ Экономическую «мягкую силу» координирует в том числе Министерство экономического развития РФ, отвечая за международное сотрудничество субъектов РФ и развитие интеграционных механизмов, например, в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) (особенно на гуманитарном направлении), БРИКС, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Всемирную торговую организацию (ВТО), Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ) и Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) (Гонсалес, Бельотт, 2022, с. 114). Однако при росте общего объема прямых инвестиций в регион лидирующие позиции в 2024 г. занимали США (38 %), меньше инвестировал Китай (2 %)¹⁴, а Россия не фигурирует в рейтинге и не отмечается как ведущий инвестор, что, в свою очередь, определенным образом влияет и на политико-психологическое восприятие каждой из стран.

Гуманитарная «мягкая сила»

Важность гуманитарного сотрудничества, как и потребность в невоенных методах влияния и решения конфликтов,

интенсивно возрастает, особенно в текущих условиях международного продовольственного, энергетического и финансового кризиса. Наука, образование и здравоохранение являются тремя столпами, на которые опирается научно-техническая и экономическая мощь государства, позволяющая государству продвигать свои интересы на мировой арене, а также ресурсами «мягкой силы», применяемой в долгосрочных целях (Лебедева, 2017, с. 220).

Первыми, кто начал использовать потенциал научно-технической силы в качестве инструмента внешней политики, были США, оказывающие гуманитарную помощь странам Латинской Америки в случае эпидемий, природных катаклизмов и других чрезвычайных ситуаций, что сформировало имидж США как надежного партнера. В области образования предлагаются много программ обмена студентами и грантов, таким образом укрепляются культурные связи, стимулируя образовательное развитие региона.

Образование является и важным рычагом «мягкой силы» Китая, который создает позитивный имидж среди молодежи и интеллектуальной элиты Латинской Америки. Институты Конфуция успешно популяризуют и продвигают концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» и способствуют гуманитарному обмену между сторонами и построению так называемого «Сообщества Китая и Латинской Америки с единым будущим». Популяризация изучения китайского языка осуществляется 44 Институтами Конфуция, расположенными в странах ЛАКБ¹⁵, и параллельно этому зарождается уже знакомая с ценностями и культурой Китая политическая элита латиноамериканских государств. В сфере высоких технологий компания

¹³ Немцев Ю. У России и Латинской Америки значительный потенциал для развития экономических связей // *Международная жизнь*. 27.08.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/52702> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁴ Inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe aumentó 7,1 % en 2024, totalizando 188.962 millones de dólares // CEPAL. 17 de julio de 2025. URL: <https://www.cepal.org/es/comunicados/inversion-extranjera-directa-america-latina-caribe-aumento-71-2024-totalizando-188962> (accessed: 22.08.2025).

¹⁵ Rouvinski V. China's Soft Power in Latin America // *Diálogo Político*. February 19, 2024. URL: <https://dialogopolitico.org/special-edition-2024-keys-to-understanding-china/chinas-soft-power-in-latin-america/> (accessed: 11.12.2024).

Huawei стала ключевым поставщиком услуг информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и оборудования в Латинской Америке: так, в 2021 г. компании *Huawei*, *Hikvision* и *ZTE* обеспечили бразильский город Сан-Паулу средствами наблюдения с технологией распознавания лиц¹⁶. Пекин также расширяет космическую деятельность, например в рамках Совместного плана действий Китая в СЕЛАК (2022–2024 гг.), БРИКС, кооперации с мексиканским Космическим агентством для расширения использования в регионе китайской спутниковой группировки *BeiDou*, а также других финансируемых проектов по спутникам, радарам в Аргентине, Чили и Боливии¹⁷.

Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко подчеркнула, что Россия нацелена на углубление гуманитарных контактов в сфере культуры, науки, образования¹⁸: уже в 2023 г. в России были увеличены квоты для студентов из ЛАКБ¹⁹. РФ развивает три актуальных направления: космос, медицина и безопасность. Необходимо отметить существенные достижения совместной работы в области защиты прав человека, минимизации последствий терактов и соблюдения норм международного гуманитарного права.

Министерство просвещения РФ занимается продвижением русского языка и консультациями в области школьного образования. В частности, на Кубе открыты

региональные курсы Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС) России для спасателей-пожарных, включающие обучение русскому языку. Действия МЧС (доставка грузов гуманитарной помощи (Куба, Никарагуа, Венесуэла), работа аэромобильного госпиталя МЧС России (Чили), тушение природных пожаров (Боливия)) и «вакцинная дипломатия» России стали важным проявлением «мягкой силы» гуманитарного типа, укрепившим репутацию Москвы и показавшим ее как всегда готовую оказать помощь партнеру. По этим вопросам сотрудничество удалось с Бразилией, Мексикой, Венесуэлой, Боливией, Аргентиной, Никарагуа, Гондурасом, Гватемалой (Иванов, 2022). Более того, Российско-никарагуанское совместное предприятие по производству латиноамериканских биотехнологических препаратов «Мечников» начало производство российской вакцины «КовиВак»²⁰, а компания «Герофарм» — выпуск препаратов генно-инженерных инсулинов человека на территории Венесуэлы²¹.

Помимо этого, Россия наращивает кооперацию в области спутниковой навигации, размещая станции системы ГЛОНАСС на территории Бразилии, Венесуэлы, Никарагуа, Кубы²². На Международном астронавтическом конгрессе IAC–2023 «Роскосмос» предложил космическому агентству Бразилии принять участие в работе Российской орбитальной

¹⁶ Schwartz L. Grandes empresas “regalan” equipo de vigilancia para establecerse en América Latina // Rest of World. August 23, 2021. URL: <https://restofworld.org/2021/empresas-regalan-vigilancia-america-latina/> (accessed: 11.12.2024).

¹⁷ Evan Ellis R. China — Latin America Space Cooperation: An Overview // The Diplomat. February 16, 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/02/china-latin-america-space-cooperation-an-overview/> (accessed: 22.07.2024).

¹⁸ В. Матвиенко: Российские парламентарии выступают за укрепление экономического и политического потенциала «глобального Юга» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 03.10.2023. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/148508/> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁹ Открытие международной парламентской конференции «Россия — Латинская Америка» // Президент России. 29.09.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72401/videos> (дата обращения: 10.07.2024).

²⁰ Сидорова Е. В Никарагуа планируется запустить производство «КовиВака» // Фармацевтический вестник. 26.10.2021. URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/V-Nikaragua-planiruyetsya-zapustit-proizvodstvo-KoviVaka.html> (дата обращения: 09.01.2025).

²¹ Российская компания «Герофарм» начнет производить инсулин в Венесуэле // ТАСС. 30.03.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11032393> (дата обращения: 09.01.2025).

²² Россия представила в ИКАО материалы для использования спутниковой навигации ГЛОНАСС в гражданской авиации // Вестник ГЛОНАСС. 04.10.2021. URL: <http://vestnik-glonass.ru/news/tech/rossiya-predstavila-v-ikao-materialy-dlya-ispolzovaniya-sputnikovoy-navigatsii-glonass-v-grazhdansko/> (дата обращения: 04.05.2025).

станции²³. Важно, что первый *бразильский космонавт* отправился в космический полет на российском корабле в рамках реализации соглашения о сотрудничестве между Россией и Бразилией (Барышев, 2012, с. 105). Совместные космические работы, обмен знаниями и экспорт российских технологий повышают имидж РФ и доверие к стране в регионе ЛАКБ.

Однако в рамках космической гонки за Бразилию и другие страны ЛАКБ борются еще США и Китай. Последний формирует свою привлекательность вновь за счет готовности много инвестировать и усиливает позиции на континенте взаимодействием с СЕЛАК, страны-члены которого получили приглашение присоединиться к программе Международной исследовательской лунной станции (*International Lunar Research Station, ILRS*)²⁴. Тем самым КНР серьезно конкурирует с американской лунной инициативой *Artemis Accords*.

Культурная «мягкая сила»

Российские авторы вслед за Дж. Наем-мл. и другими зарубежными исследователями выделяют значение и роль публичной и культурной дипломатии как особенно важный и мощный рычаг «мягкой силы». Инструментарий формируется культурным влиянием, то есть привлекательностью образа жизни, ценностей, распространением национального языка как «носителя национальной культурной матрицы» (Горлова, Бычкова, 2015, с. 270), продуктов массовой культуры, продвижением в других странах поп-музыки, моды, кино, созданием торговых сетей фастфуда

с национальной кухней, победой в интернациональных спортивных турнирах, знакомством с произведениями литературы и искусства, достижениями в науке и технике.

Спорт уже длительное время является инструментом реализации геополитических целей и популяризации экономического строя и основополагающих ценностей. Результаты спортивного соперничества в глобальных турнирах становятся важным критерием международного престижа страны, причем порой в ход идут далеко не спортивные методы. Например, почти для всех стран ЛАКБ национальным видом спорта и брендом является футбол. В этой связи в честь победы Аргентины в Кубке Америки по футболу в 2024 г. в Нью Йорке подсветили Эмпайр-стейт-билдинг цветами аргентинского флага²⁵, что расположило аргентинский народ и поспособствовало формированию положительного имиджа США в его глазах. В целом американская культура, включая кино, музыку, моду и поп-культуру, оказывает сильное влияние на страны Латинской Америки. Американские фильмы и сериалы пользуются популярностью, а американская музыка часто звучит на местных радиостанциях.

В свою очередь Россия для укрепления связей со странами ЛАКБ поддерживает культурные обмены, выставки, праздники, направленные на продвижение российской культуры и языка в Латинской Америке. Министерство культуры РФ организует специальные мероприятия: фестивали российского кино, дни культуры, гастроли театров и артистов, выставки. «Россотрудничество» обеспечивает функционирование Русских домов²⁶. В октябре 2025 г. делегация Общественной палаты

²³ Россия предлагает Бразилии участие в создании орбитальной станции // TV BRICS. 04.10.2023. URL: <https://tvbrics.com/news/rossiya-predlagaet-brazilii-uchastie-v-sozdanii-orbitalnoy-stantsii/> (дата обращения: 04.05.2025).

²⁴ China — CELAC Joint Action Plan for Cooperation in Key Areas (2022–2024) // Ministry of Foreign Affairs. People's Republic of China. December 7, 2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2020zt/kjgzbdffyq/202112/t20211207_10463459.html (accessed: 22.08.2025).

²⁵ Tower Lights Calendar, July 2024 // The Empire State Building. URL: <https://www.esbnyc.com/about/tower-lights/calendar/202407> (accessed: 12.02.2025).

²⁶ В Москве обсудили развитие Русских домов за рубежом // Росконгресс. 17.02.2025. URL: https://roscongress.org/news/v-moskve-obsudili-razvitiye-russkih-domov-za-rubezhom/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 18.06.2025).

РФ открыла в Сантьяго совместный мурал, где российская сторона представлена изображением медведя, башен Кремля и куполов Покровского собора, что вызвало положительные эмоции и интерес у местных жителей, стало символом российско-чилийской дружбы, а в перспективе будет напоминать чилийцам о России и Москве²⁷.

Китай также использует культурную дипломатию и поддерживает обмен культурными делегациями, организует фестивали, выставки и мероприятия с целью продвижения китайского языка и традиций, активно задействуя Институты Конфуция. Однако одним из наиболее заметных аспектов китайской культуры в ЛАКБ является ее гастрономия: сино-латиноамериканская кухня имеет существенное влияние в регионе, как и хаккукантонская кухня Китая, присутствующая на Кубе и в Суринаме более 170 лет. Благодаря масштабной исторической миграции китайцев в Перу появилась так называемая «чифа» (исп. *chifa*) — слияние перуанской и китайской кухни, популярность которой знаменует собой воссоединение двух тысячелетних культур, интеграцию китайских иммигрантов и новую идентичность многонационального общества (Yuan, 2018). Кроме того, многие латиноамериканские художники черпали вдохновение в эстетике и философии китайской каллиграфии, а такие концепции, как инь — ян, даосизм и буддизм, являются источником духовных ценностей и мудрости.

Дипломатическая «мягкая сила»

Дипломатическая «мягкая сила» связана с деятельностью официальных представителей государств, направленной на достижение

целей внешней политики посредством переговоров, соглашений и сотрудничества. К ее инструментам относятся публичная дипломатия, информационная сила и СМИ, влияние сильной и харизматичной личности, эффективный переговорный процесс, разработка и продвижение собственной оригинальной модели развития, следовать и симпатизировать которой будут другие страны (Таказов, Загоскина, 2022).

В последнее время российская дипломатия достигла желаемых результатов в упрочнении российско-латиноамериканских отношений на основе верховенства международного права, стремления к многополярной системе мира, соблюдению баланса интересов и укреплению международной безопасности. Одним из знаковых итогов первой международной межпарламентской конференции Россия — Латинская Америка, состоявшейся осенью 2023 г., стало то, что председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин и председатель Центральноамериканского парламента (ПАРЛАСЕН) А.С. Асеведо подписали специальное соглашение о присоединении Государственной Думы к ПАРЛАСЕН в качестве постоянного наблюдателя²⁸.

Современное расширение диалога между Китаем и Латинской Америкой осуществляется в рамках открытой и обозначенной во внешнеполитических целях Пекина идеи «построить великую страну и продвигать национальное возрождение»²⁹. Тот факт, что Китай не вмешивается во внутривнутриполитические процессы стран, положительно влияет на продвижение китайских интересов. Этого нельзя сказать об американцах, ослабивших свою заинтересованность и политическое влияние в регионе в начале века и сейчас предпринимающих попытки вернуть его

²⁷ В Сантьяго открылся мурал, посвященный российско-чилийской дружбе // Общественная палата Российской Федерации. 09.10.2025. URL: <http://www.oprf.ru/news/v-sant-yago-otkrylsya-mural-posvyashchennyu-rossiyskochiliyskoj-druzhbe> (дата обращения: 22.11.2025).

²⁸ Вячеслав Володин и Амадо Серруд Асеведо подписали соглашение о присоединении ГД к ПАРЛАСЕН в качестве наблюдателя // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 02.10.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57976/> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁹ Full Text: China's Policy Paper on Latin America and the Caribbean // The state Council. The People's Republic of China. December 10, 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202512/10/content_WS693962c3c6d00ca5f9a08069.html (accessed:10.02.2026).

и противостоять в этом плане Китаю. США в ЛАКБ продвигают гарантированность в США политических свобод, стабильной политической системы и конституции, экономический динамизм и «американскую мечту». Для реализации данных задач используется Организация «Корпус мира» и Агентство США по международному развитию.

Необходимо отметить, что ключевым инструментом «мягкой силы» является публичная дипломатия, в сфере которой основоположником и бесспорным лидером являются США. Публичная дипломатия США нацелена на формирующие общественное мнение и влияющие на политическое развитие социальные элиты Латинской Америки (Raymont, 2008). Основными аспектами деятельности стали создание неправительственных организаций, взаимодействие с новым поколением политиков, поддержка либеральных политических движений и независимых медиаорганизаций (Tsvetkova et al., 2019). Инновационным дипломатическим орудием выступают социальные сети, микроблоги, видеохостинги и даже отдельные индивиды. Интересным примером в практике США является блогосфера, которая, в отличие от мирового опыта, показывает реальную эффективность и воздействует на политические процессы в регионе, например, внешнеполитические блоги: *Americas Quarterly* (AQ)³⁰, *Washington Office on Latin America* (WOLA)³¹; региональные блоги: AULA Blog³² Центра латиноамериканских и латинских исследований Американского университета, *Latin American Perspectives* (LAP)³³, *Verso Books Blog*³⁴ и др. Блоги сами по себе способствуют созданию и продвижению имиджа политика, а не наоборот. Они помогают донести идеи, убедить массы и добиться успеха локального или международного масштаба. Однако эти силы не организованы и разрознены, попытки создавать объединения в этой области пока не увенчались успехом.

Опыт России знаменателен в плане организации молодежных форумов и так называемых моделей организаций Латинской Америки, среди которых, например, Всемирный фестиваль молодежи или состоявшаяся впервые в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова «Модель СЕЛАК». Такие мероприятия нацелены на установление дружбы, понимания и партнерских связей между молодежью России и Латинской Америки. Традиционные СМИ — журналы, газеты, радио, телевидение, социальные сети — выполняют задачи публичной дипломатии, будучи мощным внешнеполитическим инструментом. В ЛАКБ успешно функционирует новостной канал *Russia Today*, их проект «¡Ahí les Va!» и агентство *Sputnik*.

В свою очередь Китай активно использует Интернет, социальные платформы и средства массовой информации для распространения своей политики, идеологии и ценностей среди населения региона. Это позволяет Китаю эффективно коммуницировать с латиноамериканскими государствами, создавать благоприятный имидж и укреплять свое влияние. Среди площадок их обособленного интернета необходимо упомянуть платформы *WeChat*, *QQ*, новостной портал с собственными спутниковыми телеканалами *Ifeng.com*, *Sogou.com*, *163.com*, социальную платформу *Douban.com* и микроблог *Weibo*.

В сущности, следует обозначить, что актуальными и инновационными методами современной «мягкой силы» являются цифровая дипломатия и дипломатия больших данных (Цветкова, Сытник, 2023). Поскольку «мягкая сила» направлена на убеждение и формирование положительного восприятия страны, целесообразно провести анализ не только научных знаний, материалов СМИ, пропаганды, но и общественного мнения, базируясь на данных *Latinobarometro* (табл.).

³⁰ *Americas Quarterly*. URL: <https://www.americasquarterly.org> (accessed: 12.12.2025).

³¹ *Washington Office on Latin America*. URL: <https://www.wola.org/> (accessed: 12.12.2025).

³² *AULA Blog*. URL: <https://aulablog.net/> (accessed: 12.12.2025).

³³ *Latin American Perspectives*. URL: <https://latinamericanperspectives.com/category/blog/> (accessed: 12.12.2025).

³⁴ *Verso Books Blog*. URL: <https://www.versobooks.com/en-gb/blogs/news> (accessed: 12.12.2025).

Общественное мнение населения стран ЛАКБ* о США, Китае и России до и после начала специальной военной операции (СВО), % опрошенных

Варианты ответов	2020 г. (до начала СВО), %	2023 г. (после начала СВО), %
Положительное мнение о США	64,4	71,1
Отрицательное мнение о США	25,2	22,3
Положительное мнение о Китае	49,3	48,8
Отрицательное мнение о Китае	35	40,3
Положительное мнение о России	46,3	34,2
Отрицательное мнение о России	31,9	53,1

Примечание. Суммированы данные по следующим странам: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор.
Источник: рассчитано Е.А. Литягиной по данным: Corporación Latinobarómetro. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (accessed: 13.11.2024).

Заключение

При рассмотрении результатов опроса жителей стран ЛАКБ по поводу их отношения к США, Китаю и России до и после начала СВО было выявлено, что в случае с США показатели, свидетельствующие о положительном восприятии населением стран ЛАКБ, совсем немного увеличились, а КНР при общей стабильности положения незначительно утратила позиции. Россия, напротив, существенно потеряла авторитет и привлекательность в глазах латиноамериканского населения после начала СВО, что, в свою очередь, сказывается на экономических отношениях со странами ЛАКБ, несмотря на официальную позицию отдельных государств. Так, сразу после начала конфликта с осуждающими оценками выступили руководители Аргентины, Колумбии, Парагвая, Чили, Уругвая, Эквадора, но умеренную позицию заняли лидеры Кубы, Никарагуа, Венесуэлы, Боливи, Мексики и Перу, призывавшие к возвращению к мирному диалогу (Яковлев, 2022, с. 236). Согласно данным за 2023 г., наиболее положительное отношение к России наблюдалось в таких странах, как Перу, Гватемала, Эквадор и Боливия.

Как показало исследование, вне зависимости от классификации все методы «мягкой силы» взаимосвязаны, взаимозависимы и один не исключает другой: зачастую экономические инструменты становятся политическими, гуманитарные — экономическими.

На основе проведенного исследования можно констатировать, что «мягкая сила» КНР, особо успешная в области инвестиций, финансов и образования, постепенно привлекает все большую аудиторию в латиноамериканских государствах, помогая Пекину расширять свое экономическое и политическое влияние. Несмотря на то, что некоторые эксперты считают, что КНР «покупает» Латинскую Америку, Китай уже долгое время безвозмездно предоставляет кредиты, не оказывает политического давления и работает со всеми странами и правительствами, то есть действует мягким образом. Поднебесная вызывает у латиноамериканского населения симпатию к себе и постепенно вытесняет США с позиции первого партнера.

Хотя присутствие Китая в регионе усиливается, Латинская Америка продолжает

финансово зависеть от США, которые, в свою очередь, энергично задействуют почти все рассмотренные инструменты и как основоположник в сфере публичной дипломатии сохраняют мощное политическое, экономическое и культурное влияние. С приходом к власти второй администрации Д. Трампа в 2025 г. Вашингтон начал активно применять инструменты «жесткой силы», например в Венесуэле, Кубе, Колумбии, Панаме, Мексике и Бразилии, тем самым обозначая курс на силовую дипломатию и пытаясь устранить конкурентов, которые обретают все большую привлекательность как центры многополярного мира.

У российской «мягкой силы» имеется большой потенциал, который может быть реализован за счет схожей со странами ЛАКБ системы ценностных ориентаций, приверженности упрочению многосторонних основ мировой политики, справедливости и увеличения финансирования публичной дипломатии. Инструменты в сфере торгово-экономического, гуманитарного сотрудничества, в частности научно-образовательной деятельности, фармацевтики, космоса кажутся наиболее перспективными при обязательном продолжении разработки привлекательной политической линии, альтернативной линии США, поскольку Россия и Китай не производят на латиноамериканцев впечатление колониальных держав. В данный момент, несмотря на продолжение СВО, РФ продолжает оперировать политической, дипломатической и гуманитарной «мягкой силой», а культура и СМИ остаются мощнейшими ее инструментами (именно поэтому со стороны США

осуществляются попытки ограничения работы RT как важного источника информации). Россия, в отличие от Китая, действующего путем двусторонних соглашений, склоняется к кооперации через интеграционные объединения, при этом Москва и Пекин сегодня почти не имеют пересечения интересов в регионе. В космической гонке участвуют США, РФ и КНР, и последняя пытается занять позицию лидера в регионе за счет технологических возможностей и инвестирования.

На основе социологических данных о динамике восприятия жителями латиноамериканского региона США, Китая и России до и после начала СВО можно сделать вывод, что географическое положение, экономическая привлекательность и управление местными и глобальными СМИ влияют на формирование общественного мнения иногда больше, чем другие инструменты «мягкой силы». Это иллюстрируется стабильностью позиций в Латинской Америке у США и их потерей у РФ после начала СВО даже при успешном оперировании инструментами гуманитарной, культурной и политической «мягкой силы» и попытках донести историческую правду. Несмотря на некоторое падение авторитета РФ на Южноамериканском континенте после 2022 г., Латинская Америка содействует восстановлению статуса России как мировой державы, которая, в свою очередь, старается продемонстрировать, что вместе со странами БРИКС является главным строителем справедливого многополярного порядка на основе единых ценностей и ориентиров.

Поступила в редакцию / Received: 26.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 09.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Барышев И. С.* Россия и Бразилия — новые формы сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2012. № 19. С. 104–111. EDN: PVGARF
- Будаев А. В.* Базовые модели «мягкой силы» в Латинской Америке // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 5–12. EDN: YWNOLL

- Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): дис. ... канд. филол. наук. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2014. EDN: VNSP0D
- Гарбарт М. И. «Мягкая сила» КНР в Латинской Америке в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 79–85. EDN: MRGUZY
- Гонсалес В. К. М., Бельотт Р. Н. Т. Внешнеэкономические отношения России с крупнейшими латиноамериканскими партнерами в условиях антироссийских санкций // Ибероамериканские тетради. 2022. Т. 10, № 3. С. 109–122. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-3-109-122>; EDN: ZFKUZZ
- Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272. EDN: UMSFGN
- Ефанова Е. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 3. С. 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-417-426>; EDN: YNAKAX
- Иванов Е. О. «Вакцинная дипломатия» России в Латинской Америке: достижения, проблемы и перспективы // Латинская Америка. 2022. № 8. С. 42–54. EDN: RNCCKN
- Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>; EDN: ZAOVXX
- Миронова В. Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 6. С. 15–22. EDN: XFJBZF
- Сафронова Е. И. Латиноамериканский вектор актуальной внешней политики Китая // Латинская Америка. 2020. № 2. С. 30–46. EDN: RDUAPQ
- Таказов В. Д., Загоскина К. С. СМИ как инструмент продвижения политики «мягкой силы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 148–151. EDN: DTZRQQ
- Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2013. EDN: ZOVHRF
- Хейфец В. Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка. 2021. № 5. С. 50–68. EDN: GVTWAG
- Цветкова Н. А., Сытник А. Н. Цифровое противостояние США и КНР: экономическое и политическое измерения // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 11. С. 15–23. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-15-23>; EDN: GTUNJP
- Яковлев П. П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 227–253. EDN: EEWDFC
- Яковлев П. П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 1. С. 47–58. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>; EDN: YJWGIA
- Holyk G. G. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 126, iss. 2. P. 223–254. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165x.2011.tb00700.x>
- Jeifets V. L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 521–533. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533>; EDN: PUTZQX
- Lo Brutto G., Crivelli Minutti E. Latin American Regionalism and Integration in the Ongoing Process of Hegemonic Transition // Política y Sociedad. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 1–13. <https://doi.org/10.5209/poso.82761>
- Morante A., Wu H. D. Assessing China's News Coverage and Soft Power in Latin America in the Wake of the Belt and Road Initiative (2013–2021) // International Communication Gazette. 2023. Vol. 85, iss. 1. P. 80–96. <https://doi.org/10.1177/17480485221139466>; EDN: YCOWWQ
- Nye J. S., Jr. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
- Pennaforde Ch., Bones N. K. China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002–2018) // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 2. P. 395–407. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-395-407>; EDN: YFGNPG
- Raymont H. Troubled Neighbors: The Story of U.S. — Latin American Relations from FDR to the Present. New York: Routledge, 2008. <https://doi.org/10.4324/9780429503436>
- Santoro M. China in Latin America in the 21st century // Cuadernos Iberoamericanos. 2020. Vol. 8, no. 3. P. 24–34. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34>; EDN: NBAPJZ

- Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I.* Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // *Cogent Social Sciences*. 2019. Vol. 5, iss. 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1693109>
- Xing L., Vadell J., Rubiolo F.* Soft Power with Chinese Characteristics: Pandemic Diplomacy in Latin America and the Caribbean // *Latin American Perspectives*. 2023. Vol. 50, iss. 4. P. 193–209. <https://doi.org/10.1177/0094582x231187895>; EDN: DSXWLR
- Yuan Y.* La comida china en el Perú: una nueva identidad multiétnica // *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2018. Vol. 3, no. 10. P. 128–138. URL: <https://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/153> (accessed: 12.03.2025).

Сведения об авторах:

Литягина Елена Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51; eLibrary SPIN-код: 5507-1279; ORCID: 0009-0005-0667-0544; e-mail: git-ora@mail.ru

Климова Ксения Михайловна — старший преподаватель кафедры международной коммуникации, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51; eLibrary SPIN-код: 9261-0418; ORCID: 0009-0007-4665-1430; e-mail: klimovakm@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-108-125

EDN: SWEVWT

Научная статья / Research article

«Падение назад», или Как кризисы влияют на интеграцию: ЕС и энергетический кризис

Андрей А. Байков¹ , Анн С.Л. Виньо¹ , Елена Калужнова² ¹ МГИМО, Москва, Российская Федерация² Бизнес-школа Хенли, Рединг, Великобритания baykovaa@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена применимость концепции «падения вперед» (*falling forward*) к управлению кризисной динамикой в Европейском союзе (ЕС). Согласно одной из влиятельных идей, широко представленных в научной литературе, наднациональный уровень ЕС использует кризисные ситуации для расширения полномочий наднациональных институтов, поскольку государства-члены готовы делегировать дополнительные компетенции органам ЕС для коллективного решения острых проблем. Данная идея стала предметом множества исследований, однако долгосрочные последствия таких ситуаций, имеющих место в условиях минимальной общественной подотчетности, остаются в значительной степени неизученными. Целью исследования является выход за рамки краткосрочных последствий кризисов для интеграции с тем, чтобы выявить, как шоковые события влияют на интеграционные структуры в долгосрочной перспективе. Исследование основано на смешанном методологическом подходе, включающем в себя опрос 102 респондентов и 15 полуструктурированных интервью с экспертами в области европейской интеграции. Полученные данные были сопоставлены с результатами Евробарометра. Показано, что форсированная интеграция в условиях кризиса, как правило, приводит к углублению общественного недовольства, способствуя росту популярности экстремистских и евроскептических партий. Отмеченные политические изменения могут представлять серьезную угрозу для европейской интеграции и приводить к «падению назад» (*fall backward*), а не «падению вперед» (*fall forward*), как это систематически предсказывалось в существующей академической литературе. Пример энергетического кризиса 2022 г. в ЕС подтверждает, что интеграционное объединение действительно усиливает свою власть и влияние, возглавляя процесс управления последствиями кризиса, однако это усиление со временем порождает для Союза новые вызовы. Предложена новая теоретическая трактовка процесса распространения эффектов интеграции (включая оригинальную концепцию «падения назад») и функционирования региональных интеграционных структур как разновидности многосоставной политики.

Ключевые слова: кризисное управление, интеграция, делегирование компетенций, зеленый переход, побочные эффекты, евроскептицизм, подотчетность перед общественностью

© Байков А. А., Виньо А. С. Л., Калужнова Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о доступности данных. Данные, подтверждающие выводы этого исследования, доступны в репозитории МГИМО под идентификатором <https://open.mgimo.ru/handle/123456789/8593>

Вклад авторов. Байков А.А.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение интервью. Виньо А.С.Л.: проведение интервью, написание рукописи статьи. Калюжнова Е.: обработка результатов, редактирование рукописи. Все авторы прочитали и одобрили окончательную версию статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Байков А.А., Виньо А.С.Л., Калюжнова Е. «Падение назад», или Как кризисы влияют на интеграцию: ЕС и энергетический кризис // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 108–125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-108-125>; EDN: SWEVWT

'Falling Backward', or How Crises Affect Integration: The EU and the Energy Crisis

Andrey A. Baykov¹ , Anne Crowley-Vigneau¹ , Yelena Kalyuzhnova²

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²Henley Business School, Reading, UK

 baykovaa@yandex.ru

Abstract. This paper investigates the applicability of the concept of 'falling forward' to crisis management in the European Union. An idea central to the literature is that the EU draws upon crisis situations to enhance its power and influence, as member states are willing to delegate further competencies to EU organs in order to collectively solve pressing problems. The assumption that crisis situations lead to an increase in the power of the supranational entity has been the subject of multiple studies, yet, the long-term impact of this process, which takes place with minimal public accountability, has been largely neglected. We seek to go beyond the short-term effects of crises on integration, to determine how shock events impact integration structures in the long run. A mixed methods inquiry, based on 102 survey responses and 15 interviews with EU experts, triangulated with Eurobarometer results, reveals that accelerated integration can foster dissatisfaction, bringing about a surge in elections of extremist and Eurosceptic parties. These political changes could pose a significant threat to EU integration and may cause the union to 'fall backward' rather than 'forward', as is systematically predicted in the existing academic literature. The case-study of the 2022 energy crisis in the EU confirms that the regional organisation does indeed gain in power and influence as it works to manage and mitigate the repercussions of a crisis but that this strengthening gives rise to new challenges for the union. This paper yields novel theoretical insights into the spill-over process (including the original concept of 'falling backward') and the functioning of regional organisations as complex polities.

Key words: crisis management, integration, delegation of competencies, green transition, spill-over, Euroscepticism, public accountability

Data availability statement. The data supporting the findings of this study are available in the MGIMO repository under the identifier <https://open.mgimo.ru/handle/123456789/8593>

Authors' contributions. A.A. Baykov: conceptualization, development of research methodology, conducting interviews. A. Crowley-Vigneau: conducting interviews, writing — manuscript draft preparation. Y. Kalyuzhnova: findings processing, revisions. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Baykov, A. A., Crowley-Vigneau, A., & Kalyuzhnova, Y. (2026). 'Falling backward', or How crises affect integration: The EU and the energy crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 108–125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-108-125>; EDN: SWEVWT

Введение

Жан Монне писал: «Я всегда считал, что Европа будет строиться через кризисы и что она станет суммой их решений» (Monnet, 1978, р. 417). Это замечание основывалось на наблюдении, согласно которому организация развивается в направлении более тесного сотрудничества не вопреки постоянным испытаниям и разногласиям, а благодаря им.

С тех пор в литературе неоднократно прослеживалась идея о том, что Европейский союз (ЕС) использует кризисные ситуации для усиления своей власти и влияния, поскольку государства-члены готовы делегировать дополнительные полномочия органам ЕС для коллективного решения насущных проблем. Данный эффект описывается в терминах «перелива» или «падения вперед», что подчеркивает непреднамеренный характер процесса. В основе этого наблюдения лежит предположение, согласно которому в периоды благополучия и безопасности государства внутри интеграционного объединения не желают отказываться от каких-либо дополнительных составляющих своих полномочий по принятию решений в пользу наднациональной организации, зато необходимость решения острых проблем, напротив, сближает эти государства.

В данном исследовании рассматривается релевантность этой концептуализации. Внимание акцентируется на краткосрочном и долгосрочном влиянии энергетического кризиса, вызванного украинским кризисом 2022 г. и последовавшими за ним односторонними западными ограничениями против России, на европейскую интеграцию. Цель исследования — определить, всегда ли кризисные ситуации приводят к «падению вперед» для ЕС и, что более важно, есть ли цена, которую приходится платить с точки зрения общественного мнения и динамики внутреннего сотрудничества между государствами-членами за быструю интеграцию, спровоцированную кризисом. Сбор данных основан на опросе 102 специалистов по европейской интеграции и 15 экспертных интервью, в которых оценивается общественное восприятие

механизмов по преодолению энергетического кризиса ЕС, связанных с постепенным отказом от российского ископаемого топлива, ускорением внедрения возобновляемых источников энергии и увеличением импорта сжиженного природного газа (СПГ) из «дружественных» стран. Оценка состояния общественного и экспертного мнения после фазы активных изменений, инициированных ЕС и амбициозно продвигаемых Европейской комиссией, помогает определить, существуют ли какие-либо риски для самого интеграционного объединения. По сути, общественное мнение оказывает влияние на развитие ЕС, и тем не менее углубление интеграции часто происходит во времена кризиса без одобрения общественности, стимулируя рост евроскептических настроений.

Результаты исследования показывают, что общественное мнение влияет на эволюцию ЕС, и фиксируют значительное недовольство текущей политикой на уровне ЕС, что сказывается на восприятии населением как институтов ЕС, так и национальных правительств. Энергетическая бедность и трудности, с которыми сталкивается население Евросоюза, в сочетании с ростом числа экстремистских евроскептических партий на выборах указывают на то, что, хотя процесс консолидации наднациональных полномочий, по-видимому, успешен, и Европейская комиссия с энтузиазмом берет на себя новые обязательства, наблюдается и некоторая негативная реакция против ЕС. Таким образом, хотя может казаться, что Европейский союз вновь «падает вперед», на самом деле вполне вероятно «падение назад» в результате расширяющегося демократического дефицита.

Обзор кризиса и интеграции в ЕС

В литературе, посвященной европейскому проекту, высказывались различные точки зрения на природу интеграционного механизма: в неофункционализме акцентируется экономическая взаимозависимость как движущая сила региональной интеграции и теоретизируются функциональные и политические

эффекты ее распространения (Haas, 1958; Ruggie et al. 2005). Сторонники интергouverнментализма описывают интеграцию как процесс, в котором государства объединяют свой суверенитет для продвижения национальных интересов. Адепты либерального межправительственного подхода подчеркивают роль переговоров между национальными правительствами и отводят второстепенную роль наднациональным органам. В свою очередь, в институционализме рассматривается влияние рационального выбора, социальных норм и исторической зависимости предшествующего периода на механизмы интеграции. Представители концепции многоуровневого управления описывают, как власть переместилась не только от национальных государств к региональным институтам, но и на различные субнациональные и глобальные уровни (Hooghe & Marks, 2001).

Между тем в значительной части современных научных исследований сохраняется внимание к вопросу о том, как развитие наднациональных институтов в различных областях политики может привести к укреплению наднациональных обязательств с акцентом на политико-культурные эффекты, возникающие в результате стремления наднациональных институтов к увеличению своей власти и расширению числа вопросов, подлежащих коммунитарному управлению (Frischmann & Lemley, 2007). Идея о том, что ЕС укрепляется под воздействием «эффекта перелива» (*spillover effect*), разделяется политиками и лидерами ЕС, которые часто называют такие проекты, как введение единой валюты, фискальный союз, общая экологическая политика, политический и валютный союз и т. д., текущими и незавершенными (van Meurs et al., 2018). Процесс расширения ЕС на Восток также не завершен, поскольку Союз продолжает выходить за пределы своих собственных границ и переопределять свою идентичность посредством логики «постановки проблем — решения проблем», которая предполагает формулировку задач

для их последующего решения (Anghel & Jones, 2022; Rabinovych, 2025).

«Эффект перелива» во многом был обусловлен «разрешительным консенсусом», согласно которому политическое большинство соглашалось с желательностью дальнейшей интеграции, а граждане позволяли своим представителям добиваться ее (Lindberg & Scheingold, 1970). Нарастающие противоречия между тенденциями углубления и расширения Союза привели к «ограничивающему диссенсусу» и политизации ЕС (Hooghe & Marks, 2009). Характер самого «эффекта перелива» эволюционировал от достижений в области регулирующей политики, рассматриваемых как преимущественно технические, к внедрению сильно политизированных перераспределительных мер, таких как Европейский фонд финансовой стабильности или Европейский механизм стабильности.

Несмотря на возникновение новых форм политического противостояния между уровнями и логиками интеграции и в целом усиление политизации процесса принятия решений в ЕС, механизмы преодоления интеграционных ограничений в значительной степени игнорируются в литературе. Перераспределительные конфликты, связанные с ключевыми государственными полномочиями (полиция, пограничный контроль, государственные доходы и т. д.), представляются как игры с нулевой суммой, в которых издержки соблюдения законодательства ложатся на государства, а не на частных субъектов и влекут за собой усиление финансового давления, что, в свою очередь, подрывает доверие к Союзу (Genschel & Jachtenfuchs, 2018). Так, в частности, энергетический кризис в ЕС в настоящее время характеризуется дисбалансом между спросом и предложением, что приводит к росту цен на энергоносители для домохозяйств и предприятий, трудностям в поэтапном отказе от ископаемого топлива и спорам вокруг политических мер реагирования на эти проблемы.

Хотя данное исследование посвящено энергетическому кризису, анализ прошлых

кризисов (более подробно рассмотренный в Приложении 1¹) показывает, как укрепление полномочий Еврокомиссии во времена потрясений может оказать негативное влияние на общественное восприятие ЕС. Ранее в академической литературе была показана причинно-следственная связь между управлением миграционным кризисом и Брекзитом, который следует рассматривать не как отдельный кризис, а как косвенное следствие противоречий, возникших в результате политических конфликтов в связи с распределением беженцев и быстрым укреплением полномочий ЕС (Scipioni, 2018).

Контекст тематического исследования по интеграции ЕС и энергетическому кризису

Методология

Данное исследование основано на смешанном методе сбора данных, включающем оригинальный опрос 102 экспертов из ЕС и 15 экспертных интервью.

Цель исследования — на основе восприятия текущих и прошлых событий определить, как кризисные события влияют на социальную структуру интеграции. Опрос включал восемь вопросов (см. раздел «Результаты»). Он проводился в апреле и мае 2024 г. среди экспертов по вопросам интеграции ЕС и энергетическим проблемам из различных сфер: наука и образование (23 респондента), СМИ (23 респондента), энергетический сектор (25 респондентов), институты ЕС (13 респондентов), а также местные и национальные органы власти (18 респондентов). Все эксперты были гражданами ЕС и были отобраны на основе соответствия хотя бы одному из следующих критериев:

- не менее 5 научных статей, опубликованных в журналах первого квартиля (Scopus)

за последние пять лет (2020–2024 гг.) по теме европейской интеграции;

- публикация в 2023 г. не менее 15 статей по энергетической политике ЕС в национальных газетах;
- постоянная должность в энергетической компании, базирующейся в ЕС;
- постоянная политическая или административная должность в любом из основных органов ЕС (парламенте, комиссии, совете);
- выборная административная должность в местном, национальном правительстве или государственном учреждении, связанном с энергетикой.

Анонимизированный список респондентов опроса доступен в Приложении 2².

Результаты опроса позволили получить важные сведения о влиянии энергетического кризиса на интеграцию ЕС. Для дальнейшего изучения причин, по которым эксперты считали, что энергетический кризис может привести к негативной реакции против ЕС, в августе 2024 г. было проведено 15 полуструктурированных интервью с экспертами из этой же базы данных. В выборку вошли четыре журналиста, трое ученых, четыре представителя энергетического бизнеса, трое представителей органов ЕС и один представитель правительства. Анонимизированный список интервью доступен в Приложении 3³. Дополнительная методологическая информация представлена в Приложении 4⁴.

Контекст

Между ЕС и Россией исторически сложились отношения энергетической взаимозависимости: Европа зависела от импорта российской нефти и газа, а Россия — от финансовых поступлений от экспорта энергоносителей в ЕС, которые в 2010-е гг. составляли до четверти национального бюджета страны (Dickel et al., 2014).

¹ Байков А. А., Виньо А. С. Л., Калюжнова Е. «Сваливание вперед», или Как кризисы влияют на интеграцию: ЕС и энергетический кризис — база данных экспертных интервью // Репозиторий МГИМО. URL: <https://open.mgimo.ru/handle/123456789/8593> (дата обращения: 12.03.2026).

² Там же.

Отношения между ЕС и Россией резко ухудшились в 2000-е гг. (Crowley-Vigneau, Baykov & Kaluzhnova, 2025). В этот период усилились попытки ЕС выступать в роли законодателя норм, формировать геополитическое пространство вокруг себя и клеймить своих оппонентов (Мазаник, Романова, 2024). По мере развития политической напряженности между двумя сторонами, особенно в 2014 г. после Крымского кризиса, была предпринята попытка диверсификации поставок энергоносителей: ЕС сделал акцент на возобновляемых источниках энергии и импорте СПГ из США и России, стремясь найти новых торговых партнеров.

Военные действия 2022 г. на Украине и последовавшие за ними западные ограничения против России еще больше углубили политический раскол между ЕС и Россией. Ю.В. Боровский (2025) показывает, что с 2022 г. западные энергетические санкции и российские контрмеры стали открытыми и беспрецедентными, обозначив самую низкую точку в энергетических отношениях сторон. Стремление к энергетической независимости стало первоочередной задачей в политической повестке дня ЕС (Боровский, Шишкина, 2022), хотя попытки западных стран лишить Россию любых доходов от экспорта нефти и газа в некоторых случаях представляли собой вызов собственной энергетической безопасности ЕС. Энергетическая бедность, испытываемая гражданами ЕС, и влияние санкций на замедление экономического развития в странах Союза до сих пор не были тщательно исследованы (Hussain et al., 2023). Однако имеющиеся данные свидетельствуют о высоком уровне энергетической

бедности в некоторых странах ЕС и значительном расхождении между государствами-членами в этом вопросе³.

Энергетическая бедность определяется как «отсутствие у домохозяйства доступа к основным энергетическим услугам, таким как отопление, горячая вода, кондиционирование, освещение и энергия для питания бытовой техники, что является результатом высоких затрат на энергию по отношению к доходу и низкой энергоэффективности зданий»⁴. Сочетание возросших экологических проблем и враждебности к России вынудило страны ЕС под руководством Европейской комиссии и в духе продвигаемого ею «Зеленого соглашения» ускорить переход к возобновляемым источникам энергии (Пискулова, 2022). Однако исследования демонстрируют, что ЕС, несмотря на официальную статистику, еще далек от отказа от российского газа, поскольку «отмывание газа» через Китай, Индию, Турцию и Сингапур стало обычным явлением: де-факто посредники этой сделки являются выигрывающими сторонами⁵. Влияние энергетической нестабильности на общественное восприятие в странах ЕС и рост влияния Еврокомиссии, которую уже обвиняют в «демократическом дефиците» ЕС, остаются малоизученными.

«Секьюритизация» энергетики (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998) привела к напряженности в отношениях в рамках климатической повестки и изменению глобальной и внутренней энергетической политики (Grigoryev & Kheifets, 2022). В этой связи данное исследование направлено на понимание того, как текущий энергетический кризис может сказаться на ЕС и как полученные аналитические

³ Согласно данным Исследовательского центра Европейской комиссии (2024 г.), в Греции и Болгарии почти 30 % населения испытывают энергетическую бедность, в то время как в странах Западной и Северной Европы этот показатель составляет менее 5 %. См.: Who's Energy Poor in the EU? It's More Complex Than It Seems // European Commission Research Center. September 25, 2024. URL: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/jrc-news-and-updates/whos-energy-poor-eu-its-more-complex-it-seems-2024-09-25_en (accessed: 15.06.2024).

⁴ Who's Energy Poor in the EU? It's More Complex Than It Seems // European Commission Research Center. September 25, 2024. URL: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/jrc-news-and-updates/whos-energy-poor-eu-its-more-complex-it-seems-2024-09-25_en (accessed: 15.06.2024).

⁵ Rosen P. China and India 'Launder' Russian Oil and Resell It to Western Nations That Sanctioned Moscow, Study Says // Business Insider. April 19, 2023. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/commodities/russian-oil-laundered-china-india-moscow-sanctions-europe-west-ukraine-2023-4> (accessed: 10.02.2025).

результаты могут быть использованы для понимания других кризисов в Евросоюзе.

Результаты

Граждане ЕС сохраняют определенное влияние на формирование политики ЕС

Несмотря на широко устоявшееся в литературе утверждение о «технократической» Европе, большинство респондентов, пусть и незначительное (53%), считают, что общественное восприятие интеграции в ЕС по-прежнему определяет политические результаты (рис. 1). Граждане ЕС представлены в Европейском парламенте, но, по мнению респондентов, оказывают наиболее сильное влияние на формирование внутренней европейской политики. Национальные правительства непосредственно участвуют в работе Совета ЕС и отвечают за выдвижение кандидатов в Европейскую комиссию, неся более обширную политическую ответственность за принятие и имплементацию решений в ЕС. Один из респондентов из Варшавского университета (интервью 5) отметил: «Президент или премьер-министр страны — это

те, за кого люди голосуют, это то, что они видят. Людям все равно, какие части процесса принятия решений делегированы Брюсселю. Ответственность несут правительства. Это означает, что правительства будут привлекать к ответственности представителей ЕС».

Вторая группа респондентов (47%) выразила скептицизм по поводу того, действительно ли граждане ЕС могут влиять на политические результаты интеграционного объединения. Политический советник организации *Business Europe* отметил: «ЕС на самом деле не подотчетен гражданам. Во-первых, потому, что немногие понимают процессы принятия решений. Во-вторых, потому, что Европейский парламент имеет ограниченные полномочия по контролю над Комиссией. В-третьих, потому, что членов Комиссии после их назначения практически невозможно сместить» (интервью 8). Хотя были приняты меры по информированию граждан ЕС о способах донесения своего мнения до наднациональных органов власти, высокий уровень неучастия (49% на выборах 2024 г.⁶) свидетельствует о том, что население не верит в свое значительное влияние на формирование политики.

Считаете ли вы, что общественное восприятие интеграции в ЕС оказывает влияние на политические решения?
102 ответа

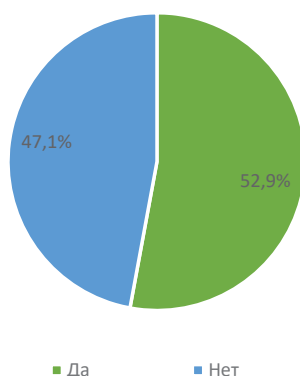

Рис. 1. Восприятие интеграции в ЕС (доля опрошенных, %)
Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

⁶ European Elections 2024: Election Results // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/turnout/> (accessed: 10.02.2025).

В период кризиса 2022–2024 гг. ЕС взяла на себя ведущую роль в принятии решений по энергетическим вопросам, что привело к расширению полномочий Европейской комиссии

На вопрос о том, кто имеет преимущество в преодолении энергетического кризиса 2022–2024 гг., 59 % респондентов ответили: «ЕС», 32 % — «правительства государств-членов» и 9 % — «граждане ЕС» (рис. 2). Ст. 194 Договора о функционировании Европейского союза гласит, что энергетика является общей ответственностью государств — членов ЕС и самого ЕС, при этом государства-члены определяют условия добычи своих природных ресурсов, выбирают виды энергии и определяют структуру своего энергоснабжения, а ЕС контролирует функционирование энергетического рынка, содействует энергетической безопасности, энергоэффективности и развитию возобновляемых источников энергии⁷. Однако вопросы, рассматриваемые на уровне ЕС, приобрели

большее значение, и, как отметил один из депутатов Европарламента (Группа зеленых, интервью 10), «зеленый переход от ископаемого топлива активно продвигается сверху»: «Каждый избирательный цикл приводит к изменениям в национальных экологических амбициях... Однако правительства знают, что наверху есть главный парламентский организатор ЕС, готовый привлечь их к ответственности за обязательства предыдущих правительств».

Другие респонденты подчеркивают, как Еврокомиссия взяла на себя роль правительства: «В 2022 г. правительство Дж. Байдена напрямую взаимодействовало с Комиссией для координации трансатлантических мер реагирования на боевые действия на Украине, что вывело У. фон дер Ляйен в центр внимания», — отметил журналист чешского издания *Lidove Noviny* (интервью 3). «Если посмотреть на масштабы „Зеленого курса“, то можно увидеть успех Комиссии в создании для себя новых сфер влияния», — заметил преподаватель университета (интервью 14).

Кто оказался в более выгодном положении при урегулировании недавнего энергетического кризиса в ЕС?
102 ответа

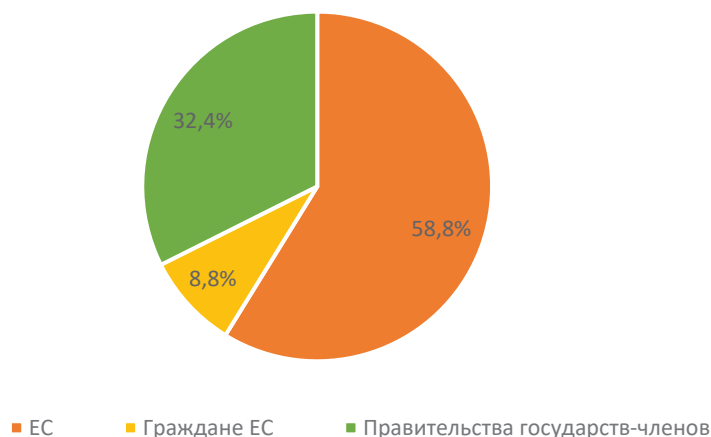

Рис. 2. Выгодополучатели от энергетического кризиса (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

⁷ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed: 10.02.2025).

На более конкретный вопрос о том, привел ли энергетический кризис к передаче большей части полномочий в руки Европейской комиссии (рис. 3), 52 % ответили утвердительно, 32 % — отрицательно, а 16 % затруднились ответить. Это свидетельствует о том, что принятие решений во время энергетического кризиса перешло не только от государств к ЕС, но и от Совета ЕС и Европейского парламента к Еврокомиссии. Респонденты подчеркивают роль Комиссии в системе ЕС: «Хотя Совет, очевидно, принимает большинство решений, Комиссия играет решающую роль, поскольку она как составляет резолюции, которые представляются Совету, так и отвечает

за их выполнение» (журналист, *Green European Journal*, интервью 7). Другие респонденты подчеркнули возрастающую роль Комиссии в трудные времена: «Чем острее кризис, тем больше роль Комиссии, потому что нет времени, чтобы проводить дела через Парламент» (журналист, *Euronews*, интервью 15). Среди респондентов преобладает мнение, что в период кризиса 2022–2024 гг. основным действующим лицом в принятии решений по энергетике был ЕС, а не государства-члены или граждане ЕС. Результаты исследования также показывают, что Европейская комиссия действительно получила больше влияния и власти благодаря энергетическому кризису.

Привел ли энергетический кризис к расширению полномочий Европейской комиссии?

102 ответа

Рис. 3. Расширение полномочий Комиссии (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

Управление энергетическим кризисом в ЕС оценивается как неудовлетворительное

На вопрос о том, насколько хорошо ЕС справился с недавними энергетическими проблемами, 61 % респондентов выразили неудовольствие ростом энергетической бедности, 26 % признали некоторые достижения ЕС, учитывая сложные обстоятельства и отметив, что

принятые меры были удовлетворительными, а 14 % посчитали, что ЕС в целом хорошо справился с защитой населения от дефицита энергии (рис. 4). Ответы демонстрируют широкое разнообразие национальных точек зрения. Аналитик Датского энергетического агентства (интервью 11) поставил под сомнение доминирующую позицию в западных СМИ, что ЕС предотвратил дефицит: «Нам постоянно и громко говорят, что мы избежали беды, что

мы пережили кризис невредимыми, но скажите это тем 10% граждан ЕС, которые сейчас живут в условиях энергетической бедности».

Амбициозные цели Европейской комиссии, представленные в «Зеленом соглашении», также воспринимаются скептически рядом респондентов: «Фон дер Ляйен выросла из своих туфель, она — рыцарь в белых сапогах, продвигающий либеральную демократию, поборник энергетического суверенитета и борец за глобальную декарбонизацию... но она забыла, перед кем отвечает... перед людьми, которым безразлична

геополитика и которые не могут оплачивать свои счета» (менеджер по связям со СМИ компании *Total* в Дании, интервью 6).

Те, кто поддерживает политику ЕС, в основном приводят политические причины: «Наш долг заключался в том, чтобы поддержать нашего союзника, истощив российские ресурсы даже ценой значительных издержек для нас» (аналитик, Европейская комиссия, интервью 13); «Энергетическая независимость в нынешних условиях — это стоящее начинание!» (менеджер по маркетингу, *ENI*, интервью 2).

Насколько успешно ЕС справился с недавними энергетическими проблемами, возникшими в результате конфликта 2022 г. на Украине?

102 ответа

Рис. 4. Энергетические проблемы после начала украинского конфликта в 2022 г. (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

Растет недовольство как в отношении ЕС, так и в отношении правительств государств-членов

Наряду с собственной оценкой экспертами эффективности политики ЕС в ходе опроса изучалось их восприятие общественного мнения относительно роли ЕС и национальных правительств в формировании политики после энергетического кризиса. На вопрос о том, привел ли энергетический кризис

к усилению недовольства Европейским союзом и росту национализма в государствах-членах, 61% респондентов ответили «да», 23% — «нет», а 17% затруднились ответить (рис. 5). Результаты показывают, что энергетический кризис снизил общую «популярность» ЕС и стал катализатором роста националистических настроений.

Вместе с тем опрос Евробарометра (2022 г.) показал, что 49% граждан ЕС считают, что энергетическая политика ЕС окажет

положительное влияние⁸. Это говорит о поляризации в ЕС между сторонниками и противниками нынешней энергетической политики, а не об общем неприятии. Преподаватель Университета им. Я.А. Коменского (интервью 14) отметил: «Выражение полного недовольства ЕС, на мой взгляд, остается явлением меньшинства, но это не значит, что оно не может расти и склонить чашу весов в свою пользу или что людьми нельзя манипулировать, чтобы они отвергли ЕС. Просто посмотрите, что произошло с Великобританией. Никто не думал, что Брекзит возможен, пока это не случилось».

ЕС — не единственный источник народного недовольства, поскольку, по мнению респондентов, национальные правительства также несут ответственность за некоторые последствия энергетического кризиса 2022 г. Около 51 % считают, что национальные правительства всегда несут ответственность за энергетическую политику,

37 % полагают, что ЕС является наиболее вероятным «козлом отпущения» в общественном мнении, а 12 % не определились с позицией (рис. 6). Между ответами на два предыдущих вопроса нет противоречия, однако результаты показывают, что недовольство управлением энергетическим кризисом распространяется на несколько уровней власти в общественном мнении, что суммируется следующим комментарием: «Когда вы не уверены, кого винить, самый безопасный вариант — обвинить всех» (аналитик, Европейская комиссия, интервью 13). Хотя ЕС определил политические цели, их реализация на самом деле является задачей национального масштаба, о чем свидетельствует следующее замечание: «Может показаться, что правительства не приложили достаточных усилий для защиты малоимущих от последствий инфляции и роста цен на энергоносители» (член Европарламента, Группа зеленых, интервью 10).

Привел ли энергетический кризис к усилению недовольства Евросоюзом и росту национализма в государствах-членах?

102 ответа

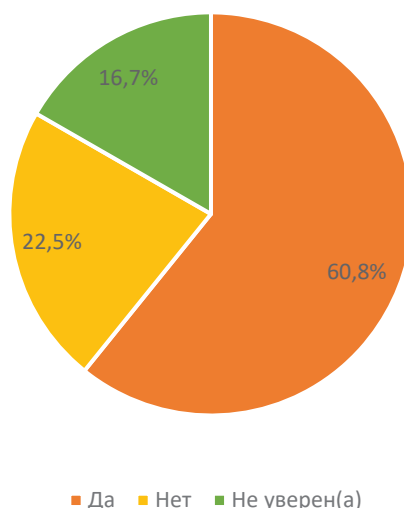

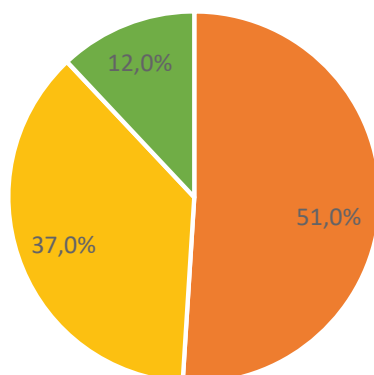
Рис. 5. Посткризисное недовольство ЕС (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

⁸ Europe's Response to the Energy Challenges // European Union. December 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2912> (accessed: 12.06.2025).

Привел ли энергетический кризис к усилению недовольства национальной энергетической политикой государств — членов ЕС?

102 ответа

- Да, правительства всегда несут ответственность
- Нет, правительства использовали ЕС как «козла отпущения» для сохранения народной поддержки
- Затрудняюсь ответить

Рис. 6. Посткризисное недовольство государствами-членами (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

Вероятно, ЕС столкнется с негативной реакцией населения в связи с получением дополнительных полномочий, которые потребовались ему для урегулирования энергетического кризиса

Последний вопрос показал следующее: 63 % участников считают, что ЕС столкнется с откатом власти, приобретенной во время энергетического кризиса, 21 % считают, что последствия будут долговременными, а 17 % не определились по этому вопросу (рис. 7). Респонденты напрямую затрагивают вопрос о последствиях, то есть об идее, что исторически ЕС получал власть во время кризисов и, как правило, не возвращал ее после окончания кризиса. Следующий комментарий свидетельствует о том, что ЕС может

столкнуться с негативной реакцией из-за быстрой передачи государственной власти ЕС, особенно Комиссии, во время кризисов: «Внешние кризисы, такие как энергетический кризис, возникший в результате геополитической напряженности в Европе, приводят к внутренним кризисам внутри ЕС с задержкой от нескольких лет до нескольких десятилетий. Брекзит является прямым следствием того, как ЕС справился с миграционным кризисом 2015 г.» (профессор, *Sciences Po*, интервью 4).

Следует отметить, что типичная модель развития ЕС заключается не в том, что Комиссия приобретает власть, а затем вынуждена ее возвращать, а скорее в том, что быстрый рост влияния органов ЕС приводит к непредсказуемой напряженности, подпитываемой общественным недовольством: «Одна часть ЕС берет, а другая обычно

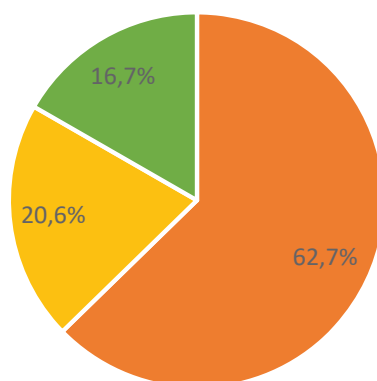
вынуждена отдавать. Спасение Греции во время финансового кризиса 2008 г. создало политический раскол между Северной и Южной Европой, который сохраняется до сих пор, вызывая недовольство с обеих сторон» (политический советник, *Business Europe*, интервью 8).

Эта негативная тенденция может также относиться к текущему энергетическому кризису. По мере усиления влияния Комиссии недовольство населения усиливает позиции евроскептических партий, которые заявили о своей цели выйти из Союза. Как отметил менеджер по маркетингу *ENI* (интервью 2), «по мере того, как экстремистские партии начинают избираться в национальные парламенты стран ЕС, сам вопрос о членстве в ЕС обсуждается все чаще». Другой респондент

отметил, что суверенистская политическая группа «Патриоты за Европу», которая считает, что ЕС должен ограничиваться межправительственным сотрудничеством, быстро набирает силу в Европейском парламенте: «Эта антиевропейская группа в июле стала третьей по величине группой в Европейском парламенте и крупнейшей крайне правой группой, когда-либо сформированной в Европейском парламенте. Все остальные партии объединяются, чтобы помешать ей осуществлять политическую власть, подобно тому, что происходит во французской политике, но это явно бомба замедленного действия. Гнев против управления ЕС растет, поскольку миллионы избирателей видят, как их депутаты подвергаются остракизму» (профессор, *Sciences Po*, интервью 4).

Как вы считаете, столкнется ли ЕС с негативной реакцией в результате своей политики по урегулированию энергетического кризиса?

102 ответа

- Да, можно ожидать сокращения той власти, которую ЕС приобрел во время кризиса
- Нет, последствия будут долговременными, и ЕС только укрепился, став структурой, которая занималась урегулированием кризиса
- Затрудняюсь ответить

Рис. 7. Оценка потенциального «эффекта перелива» (доля опрошенных, %)

Источник: составлено А.А. Байковым и А.С.Л. Виньо.

Обсуждение

Результаты исследования демонстрируют, что общественное мнение оказывает влияние на развитие ЕС, однако углубление интеграции часто происходит во времена кризисов и без одобрения общественности, что, в свою очередь, стимулирует антиевропейские настроения. Недавняя тенденция Комиссии к укреплению своего влияния как регулирующего органа путем разработки технических, но в значительной степени политизированных решений вопросов, поднятых Советом министров, Европейским парламентом и даже иностранными правительствами, повысила ее международный авторитет. Энергетический кризис в ЕС — это комплексная проблемная ситуация, являющаяся результатом ряда решений, принятых национальными правительствами, которые Комиссия объединила в «общий пакет»: первое — это решение о переходе к зеленой энергетике, второе — внезапное прекращение импорта ископаемого топлива из России, и третье — содействие энергетической независимости ЕС.

Еврокомиссия, хотя и часто позиционирует себя как институцию, ищущую решение энергетического кризиса, также выступает и источником этого кризиса, поскольку эти тройные амбиции и связанные с ними жесткие сроки поставили страны ЕС в шаткое положение, приведя к резкому росту энергетической бедности в наименее богатых странах (Болгария, Греция). Хотя некоторые страны ЕС ценят свою роль в конфликте вокруг Украины и решительно поддерживают санкции против России, эта поддержка не является единообразной (Petrović & Bilić, 2025). Аналогичным образом некоторые страны более привержены декарбонизации или энергетической независимости, чем другие. Принадлежность к ЕС в некоторых случаях побуждала государства-члены следовать

наиболее амбициозной повестке дня и учитывать приоритеты всех стран как единого сообщества. Это считается одной из лучших черт ЕС, однако также приводит к чрезмерной нагрузке, потенциально делая некоторые страны уязвимыми для обострения социальных и экономических проблем.

Так, хотя Греция амбициозна в своей программе развития возобновляемых источников энергии и стремится к достижению энергетического суверенитета, опросы показывают, что она в меньшей мере обеспокоена влиянием на реакцию ЕС конфликта на Украине, чем другие страны ЕС (Amadio Viceré & Sus, 2025), более того, часть греческого общества сохраняет пророссийские взгляды (Manoli, 2024). Решение правительства прекратить импорт российского газа, очевидно, противоречит общественным настроениям и стало усугубляющим фактором энергетической бедности в стране.

В свою очередь Польша неохотно закрывает свои угольные шахты, и в 2024 г. там прошло несколько насильственных протестов фермеров против климатической политики ЕС, хотя в целом население Польши очень благосклонно относится к санкциям, введенным против России в энергетической сфере. Даже такие страны, как Франция, которые открыто поддерживают все пункты «Зеленого соглашения» Комиссии, оказываются в затруднительном положении, что отражается в росте влияния крайне правых партий. В ходе опроса Евробарометра по энергетической политике ЕС, проведенного в апреле-мае 2024 г., гражданам, отвечая на вопрос о том, на чем следует сосредоточиться в энергетической сфере ЕС в ближайшие 5 лет, выбрали в качестве первого ответа пункт «Помочь потребителям получить доступ к более доступным ценам на энергоносители», далее шли такие варианты, как «Повышение энергетической независимости ЕС» и «Продвижение климатической нейтральности»⁹.

⁹ Special Eurobarometer 555 : Europeans' Attitudes towards EU Energy Policy // European Commission. April-May 2024. P. 69. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=93914> (accessed: 12.06.2025).

Восприятие энергетической стратегии ЕС на государственном уровне также обусловлено различиями в национальной энергетической политике. Государства-члены самостоятельно выбирают источники энергии и общую структуру энергоснабжения, стремясь при этом соответствовать целевым показателям ЕС по доле возобновляемых источников. Национальные решения, такие как доминирование атомной энергетики во Франции, угольная энергетика в Польше или зависимость Германии от импортного газа, влияют на то, как граждане относятся к энергетической политике ЕС. Технологический уровень развития страны также определяет легкость перехода к возобновляемым источникам энергии. Готовность инфраструктуры к внедрению интеллектуальных сервисов является решающим фактором в повышении энергоэффективности. Энергетическая сплоченность ЕС требует преодоления значительных различий между странами. Кроме того, распределение компетенций между ЕС и государствами-членами по вопросам энергетики не является общепринятым, а неэффективные решения национальных правительств в области энергетики также влияют на восприятие работы ЕС и, как следствие, на потенциальную возможность «падения назад».

Использование учеными терминов «эффект перелива» или «падение вперед» подразумевает, что увеличение влияния ЕС носит непреднамеренный характер и происходит неконтролируемым образом. При рассмотрении роли и амбиций Европейской комиссии это увеличение полномочий ЕС в вопросах, которые юридически являются частью смешанного режима или компетенции государств-членов, представляется не случайным, а спланированным. Кризис, несомненно, предоставляет ЕС возможность для разработки политики, но именно Комиссия неизменно использует ее для расширения своих полномочий. В других региональных организациях кризисы редко приводят к углублению интеграции. В ЕС же во времена кризисов сотрудничество углубляется, поскольку уровень интеграции таков, что государства-члены

подвержены «синдрому запертого человека», согласно которому сложнее выйти из союза или противостоять коллективному давлению, чем подчиниться наднациональному принятию решений. Хотя это может говорить о том, что Союз в дальнейшем, вероятно, будет усиливаться, мы по ряду причин утверждаем, что назревает серьезная ответная реакция на последствия «эффекта перелива», приведшего к возрастанию роли Комиссии, которую нередко обвиняют в «демократическом дефиците».

Во-первых, Брекзит для ЕС имеет далеко идущие последствия, поскольку это первый случай выхода из состава Евросоюза. Страны осознали, что выход из ЕС возможен с минимальными видимыми последствиями.

Во-вторых, образ Европейской комиссии изменился с технократического на политический, и это изменение требует от нее повышения подотчетности перед общественностью, с чем она испытывает трудности. Действительно, хотя Т. Бёрцель и Т. Риссе считают, что политизация — это возможность для ЕС реформировать свои институты, в этом отношении пока мало что сделано (Börzel & Risse, 2018). Также снижается поддержка приоритета политических и экологических целей ЕС над вопросами качества жизни.

Хотя Комиссия рассматривает сокращение бедности и устойчивое развитие как общие цели, исходя из предположения, что зеленая энергия позволит достичь справедливости в распределении общественных благ (Delafield et al., 2021), исследования энергетической бедности показали, что барьеры для доступа к инфраструктуре возобновляемых источников энергии приводят к увеличению относительной бедности среди этнических меньшинств и домохозяйств с низким уровнем дохода (Keady et al., 2021). Теоретическое сочетание социальной справедливости и развития возобновляемых источников энергии, иногда называемое «справедливым переходом», сталкивается с реальными проблемами на практике, поскольку эти различные политические приоритеты трудно реализовать

одновременно. Высокие затраты, связанные с осуществлением «энергетического перехода», являются усугубляющим фактором энергетической бедности, особенно в странах Южной и Восточной Европы, которые более уязвимы, чем страны Центральной и Северной Европы, в том числе имеют более низкий уровень доходов, более высокий уровень неравенства доходов, низкую энергоэффективность и проблемы качества жилья (Ben Cheikh, Ben Zaied & Nguyen, 2023).

Энергетический кризис представляет собой поворотный момент, после которого ЕС, если он не продолжит «падать вперед», может начать «падать назад». Это может произойти на институциональном уровне ЕС, с изменениями на уровне Европейского парламента или Совета ЕС, что приведет к систематической блокировке решений Комиссии. Регресс может принять форму неприятия ЕС на уровне «улицы» с серьезными деструктивными демонстрациями, которые могут поставить под угрозу функционирование некоторых государств-членов. ЕС также может начать откат в случае выхода из ЕС одной или нескольких стран после прихода к власти евроскептической партии на национальном уровне. Временной горизонт отката зависит от ряда факторов, включая меры, которые действующие правительства принимают для блокирования националистических движений, уровень инфляции и стабильность/перебои в энергоснабжении.

Евроскептические, экстремистские и популистские партии также могут подрывать работу Европейского парламента посредством определенных моделей голосования и представлять по мере роста своего влияния экзистенциальную угрозу интеграционным процессам. Хотя не все формы популизма угрожают устоявшемуся демократическому процессу и в некоторых случаях могут даже помогать элите в достижении ее внешнеполитических целей (Аватков, 2021), правые формы популизма, продвигающие манихейский взгляд на общество, представляют собой серьезный вызов на уровне ЕС (Erhardt & Filsinger, 2025).

Наше исследование подтверждает и расширяет предыдущие выводы о том, что евроскептическая конкуренция все чаще создает напряжение в европейских партийных системах, поскольку партии-претенденты используют разочарование избирателей и нарушают существующий порядок, голосуя против еврофильского большинства в Европейском парламенте (de Vries & Nobolt, 2020). Структура политических конфликтов и голосования в Европарламенте (где евроскептические партии в настоящее время занимают более трети мест) сместилась в сторону все более доминирующего разделения на сторонников и противников ЕС: публичная привлекательность евроскептического дискурса привела к тому, что проевропейские депутаты Европарламента стали учитывать опасения евроскептиков, постепенно смещая политическую повестку дня от дальнейшей интеграции (Wunsch & Bélanger, 2024). Наши выводы также показывают, что политический разрыв между Комиссией и Парламентом растет, причем первая продвигает интеграцию с ограниченной подотчетностью перед последней.

Заключение

В рамках исследования с использованием смешанных методов было рассмотрено широко распространенное убеждение, что интеграция ЕС расширяется во времена кризисов посредством механизма постоянного «падения вперед». Пример энергетического кризиса 2022 г. в ЕС показывает, что интеграционное объединение действительно набирает силу и влияние, работая над управлением и смягчением последствий кризиса, но это укрепление несет в себе риски, которые могут породить новые вызовы и даже поставить под угрозу устойчивость и целостность организации.

В исследовании были затронуты некоторые новые аспекты «эффекта перелива», связанные с его воздействием на общественное восприятие Евросоюза. Показано, что ускоренная интеграция, характеризующаяся ростом влияния Комиссии, способствует росту общественного недовольства и, как следствие,

электоральному укреплению экстремистских и евроскептических партий. Это представляет значительную угрозу для ЕС и может привести к «падению назад», а не «падению вперед», если не будут приняты меры по повышению подотчетности и укреплению структуры ЕС. Рекомендации по политике, направленные на укрепление региональной организации перед лицом этих вызовов, представлены в Приложении 5¹⁰.

Поступила в редакцию / Received: 23.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 16.06.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Аватков В.А.* Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 543–554. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>; EDN: OILCHF
- Боровский Ю.В.* Политизация мировой энергетики: исторический и современный контекст // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 1. С. 45–55. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-45-55>; EDN: JFALXT
- Боровский Ю.В., Шишкина О.В.* Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 67–79. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.06>; EDN: ARYIPL
- Мазаник С.В., Романова Т.А.* Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 563–575. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-563-575>; EDN: LUQGDZ
- Пискулова Н.А.* Энергопереход 4.0: влияние на экономические отношения России и ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 1. С. 27–38. EDN: ULOWGP
- Amadio Viceré M. G., Sus M.* Organizing European Security Through Informal Groups: Insights From the European Union's Response to the Russian War in Ukraine // *International Politics*. 2025. Vol. 62, iss. 5. P. 931–946. <https://doi.org/10.1057/s41311-024-00657-7>; EDN: AANOEG
- Anghel V., Jones E.* Failing Forward in Eastern Enlargement: Problem Solving Through Problem Making // *Journal of European Public Policy*. 2022. Vol. 29, iss. 7. P. 1092–1111. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1927155>; EDN: TATYFC
- Ben Cheikh N., Ben Zaied Y., Nguyen D.K.* Understanding Energy Poverty Drivers in Europe // *Energy Policy*. 2023. Vol. 183. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113818>; EDN: VDWQSM
- Börzel T.A., Risse T.* From the Euro to the Schengen Crises: European Integration Theories, Politicization, and Identity Politics // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, no. 1. P. 83–108. <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1310281>
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* *Security : A New Framework for Analysis*. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Kalyuzhnova Y.* Norms as Instruments of Non-Violent Rivalry? Russian Views on the Promotion of Renewable Energy // *International Politics*. 2025. Vol. 62, iss. 3. P. 718–738. <https://doi.org/10.1057/s41311-024-00582-9>; EDN: UQOSDL
- De Vries C.E., Hobolt S.* *Political Entrepreneurs : The Rise of Challenger Parties in Europe*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2020. <https://doi.org/10.2307/j.ctvt9k3d3>
- Delafield G., Donnison C., Roddis P., Arvanitopoulos T., Sfyridis A., et al.* Conceptual Framework for Balancing Society and Nature in Net-Zero Energy Transitions // *Environmental Science & Policy*. 2021. Vol. 125. P. 189–201. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.08.021>; EDN: MATVUO
- Dickel R., Hassanzadeh E., Henderson J., Honoré A., Stern J., El-Katiri L. et al.* *Reducing European Dependence on Russian Gas — Distinguishing Natural Gas Security From Geopolitics*. Oxford : Oxford Institute for Energy Studies, 2014. URL: <http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (accessed: 12.02.2025).

¹⁰ Байков А.А., Виньо А.С.Л., Калюжнова Е. «Сваливание вперед», или Как кризисы влияют на интеграцию: ЕС и энергетический кризис — база данных экспертных интервью // Репозиторий МГИМО. URL: <https://open.mgimo.ru/handle/123456789/8593> (дата обращения: 12.03.2026).

- Erhardt J., Filsinger M.* A Spectre of Democracy: Are Populist Citizens Less Supportive of Democracy? // *West European Politics*. 2025. Vol. 48, iss. 7. P. 1599–1628. <https://doi.org/10.1080/01402382.2024.2398892>
- Frischmann B.M., Lemley M.A.* Spillovers // *Columbia Law Review*. 2007. Vol. 107, no. 1. P. 257–301. URL: <http://www.jstor.org/stable/40041712> (accessed: 10.03.2025).
- Genschel P., Jachtenfuchs M.* From Market Integration to Core State Powers: The Eurozone Crisis, the Refugee Crisis and Integration Theory // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2018. Vol. 56, iss. 1. P. 178–196. <https://doi.org/10.1111/jcms.12654>
- Grigoryev L.M., Kheifets E.A.* Oil Markets Between Scylla of Recovery and Charybdis of Climate Policy // *Russian Journal of Economics*. 2022. Vol. 8, no. 3. P. 207–233. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.95949>; EDN: MXSGVE
- Haas E.B.* *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford: Stanford University Press, 1958.
- Hooghe L., Marks G.* *Multi-Level Governance and European Integration*. London: Bloomsbury Academic, 2001.
- Hooghe L., Marks G.* A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39, iss. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hussain S.A., Razi F., Hewage K., Sadiq R.* The Perspective of Energy Poverty and 1st Energy Crisis of Green Transition // *Energy*. 2023. Vol. 275. P. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2023.127487>; EDN: UYKVMB
- Keady W., Panikkar B., Nelson I.L., Zia A.* Energy Justice Gaps in Renewable Energy Transition Policy Initiatives in Vermont // *Energy Policy*. 2021. Vol. 159. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112608>; EDN: ALOXQY
- Lindberg L., Scheingold S.* *Europe's Would-Be Polity: Patterns of Change in the European Community*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1970.
- Manoli P.* Greece's Response to Russia's War on Ukraine // *Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance* / ed. by A. Mihr, C. Pierobon. Cham, Switzerland: Springer, 2024. P. 349–365. https://doi.org/10.1007/978-3-031-44584-2_21
- Monnet J.* *Memoirs*. London: Collins, 1978.
- Petrović N., Bilić J.* Why History Matters? Populist Radical Right Governments in the EU and Their Foreign Policy // *The International Spectator*. 2025. Vol. 60, iss. 1. P. 95–115. <https://doi.org/10.1080/03932729.2024.2405153>
- Rabinovych M.* EU External Differentiated Integration as a Crisis Response Tool? Evidence From Ukraine // *West European Politics*. 2025. Vol. 48, iss. 5. P. 1216–1241. <https://doi.org/10.1080/01402382.2024.2401246>
- Ruggie G.J., Katzenstein P.J., Keohane R.O., Schmitter P.C.* Transformations in World Politics: The Intellectual Contributions of Ernst B. Haas // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 271–296. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.8.082103.104843>
- Scipioni M.* Failing Forward in EU Migration Policy? EU Integration After the 2015 Asylum and Migration Crisis // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25, iss. 9. P. 1357–1375. <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1325920>
- Van Meurs W., de Bruin R., van de Grift L., Hoetink C., van Leeuwen K., Reijnen C.* *The Unfinished History of European Integration*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. <https://doi.org/10.2307/j.ctv8pzc5h>
- Wunsch N., Bélanger M.-E.* Radicalisation and Discursive Accommodation: Responses to Rising Euroscepticism in the European Parliament // *West European Politics*. 2024. Vol. 47, iss. 6. P. 1223–1250. <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2202031>

Сведения об авторах:

Байков Андрей Анатольевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 8049-2071; ORCID: 0000-0003-0432-4603; e-mail: baykovaa@yandex.ru

Виньо Анн Софи Луиз — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 2436-0202; ORCID: 0000-0001-7466-2451; e-mail: vigneau.a@my.mgimo.ru

Калюжнова Елена — PhD (экономика), профессор Бизнес-школы Хенли, Редингский университет; Великобритания, RG6 6UD, Рединг, кампус Уайтнайтс; ORCID: 0000-0002-5781-8837; e-mail: y.kalyuzhnova@henley.ac.uk

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137

EDN: STRLUR

Научная статья / Research article

Механизмы легитимации интервенций во внешней политике Испании

А. А. Андреева

Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания

✉ arandree@ucm.es

Аннотация. Конец истории, провозглашенный на исходе XX в., гуманистическая повестка, глобализация, а также перераспределение центров силы оказали существенное влияние на реорганизацию постбиполярного миропорядка. Особое место занял дискурс о том, могут ли государства нарушить суверенные границы другого, чтобы предотвратить массовую гибель мирного населения. Объект исследования — нелегитимные военные интервенции с участием Испании, инициированные США и реализуемые под их руководством, предмет исследования — факторы, оказавшие влияние на принятие Испанией решения о присоединении к военным кампаниям, не санкционированным Советом Безопасности (СБ) ООН. Выявляя особенности подходов к применению силы в реализме, либерализме и структурализме, а также учитывая наработки бихевиоралистского подхода к международным отношениям, автор анализирует механизм эволюции процесса принятия внешнеполитических решений в демократической Испании. На примере первых гуманитарных интервенций Испании в Косово (1999) и Ираке (2003) воссозданы конъюнктурные и структурные факторы, которые повлияли на принятие политических решений по отправке испанских войск в эти страны в нарушение норм международного права. Сделан вывод, что поддержка гражданским обществом внешнеполитических решений, а также партийный консенсус сохраняют ключевую значимость для Испании при принятии решения об участии в интервенциях. При этом цель интервенций должна согласовываться с соображениями ответственности за мир, а не демонстрировать силу, которая может привести к эскалации и дестабилизировать региональную обстановку.

Ключевые слова: гуманитарные интервенции, национальные интересы, безопасность, гуманизм, Косово, Ирак, Ливия, Сирия, постбиполярный миропорядок

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Андреева А. А. Механизмы легитимации интервенций во внешней политике Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137>; EDN: STRLUR

Mechanisms for Legitimizing Interventions in Spain's Foreign Policy

Arina A. Andreeva

Complutense University of Madrid, Madrid, Spain

✉ arandree@ucm.es

Abstract. The “end of history” proclaimed at the close of the 20th century, alongside the rise of the humanitarian agenda, globalization, and the redistribution of centers of power, has significantly influenced the reorganization of the post-bipolar world order. A key focus has been the discourse on whether states may violate the sovereign borders

© Андреева А. А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of another in order to prevent mass civilian casualties. This study examines illegitimate military interventions involving Spain, initiated and led by the United States, and the factors that influenced Spain's decisions to join military campaigns not sanctioned by the UN Security Council. By identifying the distinctive approaches to the use of force within realism, liberalism, and structuralism, and by incorporating insights from the behavioral approach to international relations, the article analyzes the evolution of foreign policy decision-making in democratic Spain. Using Spain's first humanitarian interventions in Kosovo (1999) and Iraq (2003) as case studies, it reconstructs the opportunistic and structural factors that shaped the political decisions to deploy Spanish troops to these countries in violation of international law. The study concludes that support from civil society and inter-party consensus remain crucial for Spain when deciding whether to participate in interventions. The goals of such interventions must be consistent with considerations of responsibility for peace, rather than a demonstration of force that risks escalation and regional destabilization.

Key words: humanitarian interventions, national interests, security, humanism, Kosovo, Iraq, Libya, Syria, post-bipolar world order

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Andreeva, A. A. (2026). Mechanisms for legitimizing interventions in Spain's foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137>; EDN: STRLUR

Введение

Движущие силы внешней политики — один из традиционных вопросов теории международных отношений (ТМО). В классическом реализме государства — главные акторы международной политики, которые стремятся обладать наибольшей властью. Другой отличительный термин словаря реалистов связан с концепцией силы. Именно она, согласно Г. Моргентау, ведет государства к целям, при этом главной целью является безопасность (Travis, 1952). Сила и безопасность легли в основу понимания и толкования реалистами национальных интересов, выступающих в качестве определяющих основ внешнеполитического планирования.

У идеалистов, напротив, государство стало проводником общественных ценностей. Одно из наиболее знаменитых течений этой школы — идеализм президента США В. Вильсона (1913–1921) — основывается на априорном толковании либеральной демократии как наилучшей формы организации обществ, а также убежденности в том, что доверительные отношения между государствами возможно установить при условии, что эти государства являются демократическими. Внешняя политика государств, по мнению идеалистов, согласуется со стремлением к миру на основе международного права, многосторонности

и при посредничестве международных организаций (Tovar Ruiz, 2014, p. 139).

Вследствие неубедительности аргументации касательно субъектности в международных отношениях, а также причин, лежащих в основе внешнеполитических решений (Ограничивается ли внешнеполитическая повестка только вопросами безопасности? Существуют ли объективные национальные интересы?), в ТМО на стыке научного знания возникали направления, в рамках которых исследователи пытались комбинировать и дополнять идеи реалистов и идеалистов.

В середине 1950-х гг. бихевиоралистская школа привнесла психологический аспект как критерий анализа внешней политики. Государство уже не воспринималось бихевиоралистами как некое абстрактное понятие. Решения принимались конкретными лицами, ответственными за внешнюю политику. Среди главных заслуг школы следует выделить разработку модели рационального выбора на основе теории игр Дж. фон Неймана (1944), выявление влияния взаимного восприятия сторон на повышение или снижение вероятности войны (Kim & Bueno de Mesquita, 1995), объяснение неверного толкования фактов (Fearon, 1995), роли общественного мнения (Mintz & DeRouen, 2010, p. 208) и «бюрократической политики» (Welch, 1992), а также отождествления

индивидом (или коллективом) себя со структурой, чьи интересы он представляет (Сучков и др., 2020, с. 66–68).

В попытке уйти от государственно-центричных моделей школа структурализма, в свою очередь, предложила рассматривать международные отношения в рамках горизонтальных (между государствами) и вертикальных (высшие уровни международных отношений) структур. В концепции сцепления (*linkage*) систем Дж. Розенау (Rosenau, 1969) выдвигает предположение, что в подавляющем большинстве стран власть принадлежит не государствам, а международным агентам, которые способны оказывать влияние на центры принятия внешнеполитических решений. В этой концепции автор пытается объяснить динамику международных конфликтов через идею связи (*link*) между внутренней и внешней политикой, таким образом вплетая в свою теорию идеи транснационализма и комплексной взаимозависимости (Keohane & Nye, 1977, p. 300).

Теория Дж. Ная и Р. Коheyна предлагает взглянуть на вопрос интересов через призму их совпадения. Именно общность интересов и поддерживающая их сеть организаций, норм, процедур и правил (режимов) обуславливает поведение государств, позволяя им сохранить монополию на власть в международных делах. Изначально международные режимы связывались с помощью бедным странам, защитой окружающей среды, регулированием СМИ и проч. В работах А. Хазенклевера, П. Майера и В. Риттбергера (Hasenclever, Mayer & Rittberger, 1996) режимы получили развитие в контексте идеи мультилатерализма, или дискурса о необходимости реформирования многосторонних механизмов международного сотрудничества, вызванной закатом гегемонии США. Последующая эволюция теории режимов утратила отсылки к транснационализму и преобразовалась в вариации на тему «постгегемонии», когда гегемон теряет традиционные рычаги давления посредством демонстрации военной мощи. Власть эта держава все же удерживает, но за счет монополии на ее иные виды (например, в рамках влияния на международные финансовые и экономические вопросы).

Более 30 лет критики ключевых идей реализма существенно не повлияли на их популярность. С 1990-х гг. теоретики активно совершенствовали подходы в отношении концепций безопасности и мирового порядка. За основу обновленных теорий о безопасности легла антитеза идеалистов о невозможности выработать эффективную формулу мира. Напротив, ученые сделали предположение, что свойством универсальности обладает концепт безопасности как поиск минимизации вреда от потенциальных рисков, которые угрожают индивидам, группе или обществу. Принимая принципиальный тезис реалистов о том, что безопасность — это основополагающее условие функционирования государств и их первостепенный интерес, Б. Бузан и О. Вэйвер (Buzan & Wæver, 2003) утверждают, что внешняя политика выстраивается на принципе «силы» или «слабости». Как следствие, в международных делах возрастает уровень неопределенности и опасности. Чтобы добиться относительных преимуществ в рамках сложного миропорядка, государства могут с выгодой использовать взаимозависимость интересов. Действуя через систему союзов, они гарантируют свой суверенитет и легитимность, а также снижают риски и издержки для их поддержания. Этот вид системы получил название «региональный комплекс безопасности» (*regional security complex*).

Частая смена тенденций в международных отношениях стала лейтмотивом исследований в отношении мирового порядка. Среди этих теорий выделяется концепция турбулентности Дж. Розенау. Главный тезис автора заключается в том, что турбулентность в международных делах проявляется в виде технологических революций, кризиса авторитетности, повышения уровня конфликтности — подобно тому, как «метеорологическая турбулентность выражается в ураганах, торнадо и наводнениях» (Rosenau, 1990, p. 480). Турбулентность представляет собой глубокий структурный кризис системы, при котором структуры и отношения, которые поддерживают международную политику, начинают разрушаться под давлением слишком сильных и спонтанных колебаний.

С конца XX в. характерными феноменами мировой политики стали глобализация, гуманизация международной повестки¹ и перераспределение глобальных центров силы. Данные явления качественно повлияли на развитие международных отношений, конфликтность и способы достижения мира ненасильственным путем, а также через принуждение. Миротворческие операции Организации Объединенных Наций (ООН) преобразовались в более комплексные, а в связи с отсутствием у организации технических и финансовых ресурсов к этим операциям привлекались региональные институты безопасности (например, Организация Североатлантического договора (НАТО) в 1994–1995 гг. в Боснии)².

Существенное влияние на развитие практики принуждения к миру оказали геноцид в боснийской Сребренице (1994) и Руанде (1995), когда стало очевидно, что возможности миротворцев ООН серьезно ограничены принципом применения силы только для самозащиты. В поисках альтернативного решения ведущие государства мировой арены (прежде всего США) исходили из соображений о том, что предотвращение гуманитарной катастрофы — цель чрезвычайного порядка. Так возникли гуманитарные интервенции, в ходе которых порой нарушался принцип

суверенитета и беспристрастности посредников (Bellamy, 2018, p. 956).

В юридической практике гуманитарные интервенции не имеют общепризнанного определения. Этот термин появился в докладе Л. Брахими (2000)³ и в последующем докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (2001)⁴. Под гуманитарной интервенцией понимается несогласованное с официальным правительством государства вмешательство в его внутренние дела с целью предотвращения массовой гибели людей (Seibolt, 2007). В новейшей истории можно найти немало примеров различных гуманитарных интервенций, что затрудняет их классификацию. Имеются прецеденты, когда организаторы подобных операций нарушили VI и VII главу Устава ООН (согласие всех вовлеченных сторон конфликта и одобрение Совета Безопасности (СБ) ООН), а также когда было получено прошение от легитимных властей (Демократическая Республика Конго в 1960 г.⁵ и Сьерра-Леоне в 1999 г.⁶).

В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что при трактовке правомочности гуманитарных интервенций акценты смещаются с формально-юридического поля в сторону нарратива. Первый из них — идеалистическое представление о высшей ценности прав

¹ В докладе ООН 1994 г. о человеческом развитии безопасность, вопреки трактовкам реалистов, предложили понимать через призму двух категорий: свободу от страха и свободу от нужды. В 2000 г. вышел доклад Л. Брахими. Его авторы продолжили развивать идею о центральном месте человека в политике и рекомендовали считать защиту граждан (и не только своих) от военных преступлений и геноцида обязанностью государства.

² Security Council Unanimously Authorizes Multinational Military Implementation Force to Ensure Compliance with Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina // The United Nations. December 15, 1995. URL: <https://press.un.org/en/1995/19951215.sc6143.html> (accessed: 17.01.2024).

³ Identical Letters Dated 21 August 2000 from the Secretary-General to the President of the General Assembly and the President of the Security Council, A/55/305S/2000/809 // The UN Peacekeeping. August 21, 2000. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/a_55_305_e_brahimi_report.pdf (accessed: 17.01.2024).

⁴ The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty, 2001 // Global Centre for the Responsibility to Protect. December 1, 2001. URL: <https://www.global2p.org/wp-content/uploads/2019/10/2001-ICISS-Report.pdf> (accessed: 17.01.2024).

⁵ См.: Cable Dated 12 July 1960 from the President of the Republic of the Congo and Supreme Commander of the National Army and the Prime Minister and Minister of National Defence addressed to the Secretary-General of the United Nations, S/4382 // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/619887?ln=ru&v=pdf> (accessed: 01.12.2024); Resolution Adopted by the Security Council at Its 873rd Meeting on 13 July 1960 [Calling upon Belgium to Withdraw Its Troops from the Congo (Capital Leopoldville)], S/4387 // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/619961?ln=ru&v=pdf> (accessed: 01.12.2024).

⁶ Resolution 1270 (1999) Adopted by the Security Council at its 4054th meeting on 22 October 1999, S/RES/1270 (1999) // The United Nations. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/1270\(1999\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1270(1999)) (accessed: 01.12.2024).

человека, ради защиты которых можно допустить нарушение государственного суверенитета (Баранин, 2014). Второй нарратив перекликается с концепцией Дж. Розенау о сцеплении внутренней и внешней политики, взаимозависимости и безопасности, когда конфликт в соседнем государстве потенциально может дестабилизировать обстановку в регионе. В условиях потенциальной угрозы национальной безопасности государства не могут пассивно наблюдать за развитием конфликта. Третий нарратив — это дискурс теории режимов касательно регулирующих свойств системы в отношении международного порядка.

Последняя идея тесно связана с критикой работы ООН из-за ее излишней бюрократизации, не позволяющей организации своевременно реагировать на быстро изменяющуюся реальность (Спирин, 2010). Напротив, страны «коллективного Запада», находящиеся в авангарде «конца истории», о котором писал Ф. Фукуяма (Fukuyama, 1989), своеобразно интерпретируя Г.В.Ф. Гегеля, апеллировали к своему моральному праву строить новый миропорядок на основе принципов либеральной демократии и универсальных ценностей (Лыжина, 2010, с. 59). В условиях, когда гражданское общество — это один из механизмов системы сдержек и противовесов исполнительной власти в либеральных демократиях, равнодушное общественное мнение, а не международное право стало главным легитимирующим инструментом интервенций (Sánchez, 2003).

С критической оценкой в отношении общественного мнения высказался испанский социолог Н. Мичавила Нуньес (Michavila Núñez, 2011). Согласно его исследованиям, поддержка подобных операций — это продукт политических технологий, а не рационального осмысления обществом международных

процессов и прогресса истории. Его выводы основываются на триаде «единство политических элит — контроль над СМИ — общественное мнение». В этой формуле большую роль играет так называемый «эффект CNN», или искусственно подогреваемый ажиотаж публики к определенному событию и навязывание СМИ установленной позиции. Особую важность приобретает задача донести до граждан угрозу гуманитарной катастрофы и идею благородных побуждений интервентов.

Не меньшее влияние на симпатии масс оказывает единство ключевых партий. Граждане поддерживают решение правительства, если между правящей партией и оппозицией достигается консенсус. Этот феномен известен как «ралли вокруг флага» (*rally around the flag*). Раскол между политическими элитами выражается расколом общественного мнения по принципу близости к позиции той политической партии или этнической группы, с которой граждане себя ассоциирует (Michavila Núñez, 2011, p. 54).

Учитывая наличие у Испании ресурсной базы и политической воли для участия в военных миссиях НАТО⁷, определенный интерес вызывает используемая на национальном уровне формула легитимации нарушающих международное право интервенций под руководством США, особенно учитывая тот факт, что соблюдение таких принципов, как мирное разрешение споров, многосторонность и поддержка ООН, — это декларируемые с 1984 г. преемственные императивы внешней политики Испании.

Объектом данного исследования выступают нелегитимные военные миссии гуманитарного и военного характера с участием Испании, проводимые под эгидой США. Предмет исследования — условия формирования и эволюция внешней политики демократической Испании.

⁷ По данным Всемирного банка, доля участия Испании в мировом ВВП на 2022 г. 15-е место в мире, что соответствует примерно 1,4 % мирового ВВП. По данным НАТО, в 2021–2022 гг. Испания тратила на оборону 1,04–1,09 % ВВП. Исходя из информации Министерства обороны Испании, армия страны, по состоянию на январь 2024 г., участвовала в семи действующих операциях альянса в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, Средиземноморье и в районе Суэцкого канала. См.: GDP (Current US\$) — Spain // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ES> (accessed: 12.02.2025); Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). P. 8 // NATO. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2023/3/pdf/230321-def-exp-2022-en.pdf (accessed: 12.02.2025).

В российской науке сложилась собственная школа испанистики, центрами которой, прежде всего, выступают Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН), Институт Европы РАН (ИЕ РАН), Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), Московский государственный институт международных отношений, Высшая школа экономики и Российский университет дружбы народов. Внешней политике Испании посвящено немало монографий и статей, ведущими специалистами в этой области являются П.П. Яковлев (2011), А.Ю. Борзова, О.В. Волосюк (Борзова, Волосюк, Николашвили, 2022) и др. О миротворчестве, военно-техническом сотрудничестве Испании писали А.А. Андреева (2019), И.Л. Прохоренко (2020) и Н.А. Ростов (2019). Тема партийной борьбы в Испании отражена в исследованиях А.А. Куракиной-Дамир (Куракина-Дамир, 2020) и С.М. Хенкина (Хенкин, 2023).

В то же время в российской науке с трудом можно найти работы, посвященные процессам принятия внешнеполитических решений в отношении нелегитимных военных операций и отвечающие на вопросы, почему Испания участвовала в этих миссиях, на каких условиях и какие внутренние и внешние процессы оказали влияние на принятие подобных решений. В этой связи данное исследование призвано отчасти заполнить эту лауну, проанализировав условия вовлеченности страны в миссии, руководимые США, в Косово (1999), Ираке (2003), Ливии (2011) и Сирии (2014).

Внешиполитическая стратегия Испании: прагматизм, основанный на принципах, или беспринципный прагматизм?

Современная внешняя политика Испании начала формироваться в переходный период становления представительной демократии (1975–1978). Однако ее общие контуры

были намечены в 1984 г., когда председатель правительства Ф. Гонсалес (1982–1996) представил парламенту Декалог — 10 пунктов внешнеполитической стратегии страны. Его ключевые идеи — нормализация отношений с США, европейская интеграция, активная, а также относительно независимая политика в Латинской Америке, Северной Африке и Средиземноморье — сохранили свою актуальность до сих пор.

Для испанского внешнеполитического планирования долгое время была характерна инертность и неторопливое осмысление качественных изменений структуры международных отношений, происходивших с конца XX в.⁸, среди которых крах биполярного мира и распространение гегемонии США, гуманизация международной повестки, возвышение новых центров силы и переход к многополярности (или неполярности) мировой политики. Нормативные конструкции внешних стратегий Испании не имели четко проработанного закрепления на законодательном уровне, строились устно и *ad hoc* (Molina, 2015).

Формированию «традиции» способствовала унаследованная от транзитного периода практика бесконфликтного подхода, когда партии предпочитали не обсуждать те вопросы, которые могли нарушить хрупкий политический баланс. Ситуация изменилась после выборов 1982 г., в ходе которых социалисты во главе с Ф. Гонсалесом сыграли на поляризации общества, вызванной решением кабинета Л. Кальво Сотело (1981–1982) вступить в НАТО (Яковлев, 2011).

Тем не менее натовский вопрос не переломил ситуацию в отношении глубинной проработки стратегии внешней политики Испании. Контурь этой стратегии по-прежнему размыто формулировались в предвыборных программах партий. Де-факто конкретные решения по-прежнему принимались кулуарно и зависели от конъюнктуры и лидерских качеств отдельных партийных руководителей

⁸ Национальная школа международных отношений появилась с созданием соответствующей кафедры в Мадридском университете Комплутенсе в 2008 г., а первая Стратегия внешней политики (не считая Декалога) вступила в силу лишь в 2015 г.

(Molina, 2015). Как отмечает С.М. Хенкин, такой политический дирижизм стал естественным явлением для Испании (Хенкин, 2023, с. 46). При этом персоналистский (каудильистский) стиль правления партийных лидеров — характерная черта как левых, так и правых партий.

Серьезный пересмотр внешнеполитических ориентиров и внешнеполитического планирования пришелся на краткий период второй legislatury Х.М. Аснара (2002–2004) и был связан с отклонением от практики парламентского консенсуса, общественной поддержки, сменой внешнеполитических ориентиров, а также с нарушением принципов многосторонности и глобального управления в пользу билатерализма и гегемонии США. С. дель Ареналь объясняет неоконсервативный курс Испании объективными причинами, связанными с изменением структурных факторов: увеличением негативных эффектов от трансграничных угроз (криминал, терроризм, нелегальная миграция), а также перераспределением власти и приоритетных повесток внутри Европейского союза (ЕС) вследствие его расширения. В последнем случае количество сторонников евроскептицизма возрастало за счет стран Восточной Европы, которые были склонны видеть в ЕС, прежде всего, экономический, а не политический и военный институт. Кроме того, блокирование Францией решения ЕС по конфликту между Испанией и Марокко в 2002 г. свидетельствовало о том, что Мадрид с трудом мог изменить отношение к себе как «государству с ограниченными ресурсами»⁹.

Амбициозная политика Х.М. Аснара была направлена на то, чтобы, с одной стороны, компенсировать неизбежное ухудшение

политических позиций Испании в ЕС, а с другой — обеспечить себе статус в новом миропорядке во главе с США (Calduch Cervera, 2006). Внешнеполитический эксперимент закончился неудачно: после незаконного вторжения в Ирак в 2003 г. в Испании резко возрос уровень террористической опасности. Такую цену граждане не были готовы платить.

Особым принципом внешней политики стала идея Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011) о роли гражданского общества как легитимирующего инструмента деятельности государства¹⁰. При М. Рахое (2011–2018) этот тезис получил дальнейшее развитие. По крайней мере де-юре в первой стратегии внешнеполитического действия Испании (2015)¹¹ забота о человеческих нуждах по линии защиты прав человека и борьбы с бедностью была провозглашена приоритетной задачей, тогда как де-факто правительство консерваторов существенно сократило финансирование на цели развития, а самой частой темой дипломатии стало развитие двусторонних торговых отношений (Molina, 2015).

Внешняя политика действующего председателя правительства П. Санчеса реализуется без существенных изменений магистральных линий предшественников и отличается особым деидеологизированным прагматизмом. С одной стороны, дискурс о правах человека дополнился нарративом об инклюзивности традиционно отстраненных от процесса принятия политических решений коллективов (женщин, инвалидов, ЛГБТ¹²)¹³. Особую позицию Мадрид занял в отношении эскалации палестино-израильского конфликта, произошедшей в октябре 2023 г. Вопреки большинству партнеров ЕС и НАТО П. Санчес осудил

⁹ Arenal del C. Consenso y disenso en la política exterior de España. Documento de trabajo // Real Instituto Elcano. 2 de junio de 2008. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/documento-de-trabajo/consenso-y-disenso-en-la-politica-exterior-de-espana-dt/> (accessed: 20.10.2025).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Estrategia de acción exterior. Resumen ejecutivo // Ministerio De Asuntos Exteriores y de Cooperación. 2015. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/ServiciosAlCiudadano/PublicacionesOficiales/2015_RESUMEN%20EJECUTIVO_%20ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf (accessed: 19.01.2025).

¹² Организация признана экстремистской в Российской Федерации.

¹³ Estrategia de acción exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (accessed: 19.01.2025).

действия Израиля, заявив, что право на самозащиту не может служить предлогом применения непропорционального коллективного наказания¹⁴. С другой стороны, Испания продолжает поставлять вооружение в страны, находящиеся в состоянии конфликта (Украина¹⁵ и Израиль вплоть до введения эмбарго в 2024 г.¹⁶), способствуя затягиванию процесса дипломатического разрешения.

Формула участия Испании в интервенциях НАТО: союзная солидарность и репутационные издержки

Национальный бренд страны, основанный на «моральном престиже», включает в себя положения о мирном распространении демократических ценностей, принципов многосторонней дипломатии и равноправия всех субъектов международных отношений, политической этике, соблюдении международного права и защите механизмов глобального управления¹⁷. На практике эти установки не всегда соблюдались и даже вступали в противоречие с реальностью, когда Мадрид решал принять участие в нелегитимных гуманитарных интервенциях и военных миссиях, которыми руководили США.

Первые подобные интервенции относятся к бомбардировкам Сербии в 1999 г. и вторжению в Ирак в 2003 г. Участие испанских военных в обеих операциях были одобрены Х.М. Аснаром, чей стиль руководства, как было объяснено ранее, хрестоматийно соответствует каудильистскому типу партийного лидерства. Общественная реакция на обе операции была различной и зависела от декларируемых целей и результатов кампании.

Бомбардировки гражданских объектов в Сербии, по мнению ее организаторов, должны были предупредить этнические чистки в отношении косовских албанцев и заставить сербскую сторону подписать мирные договоренности. Достигнутые соглашения, а также отсутствие насилия против мирного населения Косово стали аргументами в пользу успешности операции, поэтому вскоре первая протестная реакция в Испании сменилась широкой общественной поддержкой (Avilés Farré, 2000).

Интервенция в Ирак, которая также началась с общественных протестов в Испании, через год закончилась полным провалом как с точки зрения исполнения цели миссии, так и в плане внутренней пропаганды. Свидетельств ядерной программы президента Ирака С. Хусейна (1979–2003) найдено не было, и социалистическая оппозиция выступила с резкой критикой одностороннего решения правительства Х.М. Аснара об участии в иракской кампании, а общественное мнение раскололось в отношении второго предлога операции — положить конец систематическим нарушениям прав человека со стороны иракского режима.

Террористические атаки в Мадриде 11 марта 2004 г., подготовленные радикально настроенными исламистами, ознаменовали конец дискуссий (Barrenechea, 2017). Угроза внутренней безопасности страны, возникшая в результате вовлеченности страны в противоправную военную интервенцию, стала главным аргументом для проведения досрочных парламентских выборов.

Иракская кампания также повлияла на развитие испанского законодательства в области миротворчества (Pérez Muínelo, 2009).

¹⁴ Losada A. Pedro Sánchez ha dicho tres verdades // *El Diario*. 26 de noviembre de 2023. URL: https://www.eldiario.es/opinion/zona-critica/pedro-sanchez-dicho-tres-verdades_129_10719571.html (accessed: 12.10.2023).

¹⁵ Litnarovych V. Spain Supplied Nearly Half of Its Ammo Production in 2023–2024 to Ukraine // *United24Media*. March 25, 2025. URL: <https://united24media.com/latest-news/spain-supplied-nearly-half-of-its-ammo-production-in-2023-2024-to-ukraine-7032> (accessed: 10.05.2025).

¹⁶ The Government of Spain Strengthens the Arms Embargo on Israel, and Bans Imports from Illegal Settlements in Palestinian Territories // *La Moncloa*. September 23, 2025. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/gobierno/councilministers/paginas/2025/20250923-council-press-conference.aspx> (accessed: 12.12.2025).

¹⁷ Estrategia de acción exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (accessed: 19.01.2025).

Органическим законом 2005 г. предписывалось получить одобрение либо СБ ООН, либо НАТО и ЕС на начало операции. В последних двух случаях выдвигалось дополнительное условие — операция не должна нарушать принципы международного права. Кроме того, правительство обязалось заручиться поддержкой парламента¹⁸.

Наглядным примером в контексте сдержек и противовесов этически сомнительных операций служит интервенция в Ливию (2011), которая, несмотря на резолюцию СБ ООН и единство испанских политических партий (336 из 340 депутатов проголосовали за начало военной кампании), для Мадрида завершилась полгода спустя в связи с убийством М. Каддафи¹⁹. Смена политического режима в ходе исполнения Резолюции СБ ООН 1973 от 2011 г. послужила основанием для обвинения миротворцев в том, что они стали инструментом продвижения национальных политических и энергетических интересов европейских государств, не имеющих ничего общего с декларируемыми гуманитарными целями интервенции²⁰.

Ситуация с Сирией в 2014 г. для Мадрида оказалась более сложной. В связи с вето России и Китая СБ ООН не смог принять резолюцию о начале миротворческой миссии (2012, 2014). США же в рамках НАТО создали антитеррористическую коалицию против «Исламского государства Ирака и Леванта»²¹. Правительству М. Рахоя пришлось решать дилемму о том, какой из принципов обладает приоритетом: союзная солидарность или уважение государственного суверенитета.

Несмотря на то, что борьба с терроризмом — многолетняя проблема безопасности Испании, парламент так и не смог прийти к общему решению, и отправка испанских военных в Сирию не состоялась. По всей вероятности, издержки и выгоды от помощи антитеррористической коалиции НАТО для Мадрида могли бы закончиться повторением сценария иракской кампании 2003 г., то есть привести к значительному повышению уровня террористической угрозы от радикально настроенных исламистов (Caballero Díez, 2020). Поэтому в Монклоа решили поддержать союзников на логистическом направлении, а также в обучающих антитеррористических программах для арабских государств, но при условии содействия местных правительств (López-Jacoiste, 2015, p. 75).

Дипломатически страна заняла амбивалентную позицию. С одной стороны, на словах Мадрид поддерживал удары по войскам президента Сирии Б. Асада, которые наносили США и их союзники в Сирии под предлогом защиты местного населения от «зверств» правящего режима, называя эти удары «легитимными, пропорциональными и преследующими тактические цели». С другой стороны, правительство Испании подчеркивало, что мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут без участия Москвы и Пекина, и поэтому призывало — хотя и не очень активно — союзников к компромиссу²².

Текущая ситуация в Красном море, связанная с атаками йеменских хуситов на коммерческие международные суда, создает те же дилеммы для внешней политики Испании в связи с тем, что официальный Йемен не сотрудничает

¹⁸ Ley Orgánica 5/2005, de 17 de noviembre, de la Defensa Nacional // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/2005/11/17/5/con> (accessed: 12.12.2024).

¹⁹ España se niega a una mayor implicación en Libia tal como le reclama la OTAN // TeleMadrid. 9 de junio de 2011. URL: <https://www.telemadrid.es/noticias/internacional/Espana-implicacion-Libia-reclama-OTAN-0-1252974727--20110609043049.html> (accessed: 06.11.2025).

²⁰ La Armada Española en el conflicto de Libia // Ministerio de Defensa. Gobierno de España. URL: <https://armada.defensa.gob.es/ArmadaPortal/page/Portal/ArmadaEspañola/conocenos/especiales/prefLang-es/05actividades--97operacion-libia> (accessed: 15.02.2025).

²¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

²² Qué papel juega España en el ataque de EE UU a Siria // 20 minutos. 14 de abril de 2018. URL: <https://www.20minutos.es/noticia/3313887/0/ataque-siria-que-papel-juega-espana/> (accessed: 16.12.2023).

с НАТО в борьбе с повстанцами. В конце декабря 2023 г. Мадрид заблокировал предложение Брюсселя об изменении мандата действующей миссии Евросоюза, направленной на борьбу с пиратством в Индийском океане (операция «Атланта»), в целях участия стран ЕС в осуществляемых под руководством США операциях по защите кораблей в Красноморском регионе²³. Вместо этого испанская делегация рекомендовала организовать независимую операцию европейских государств для обеспечения мирного судоходства в этом регионе²⁴.

12 января 2024 г., в день нарушения суверенитета Йемена в результате ударов США и Великобритании по позициям хуситов, министр обороны Испании М. Роблес заявила, что страна не будет участвовать в миссии США «Страж процветания» (*Guardian of Prosperity*), несмотря на то, что Королевство появилось в списке участников операции, распространенном Вашингтоном. Подробных официальных объяснений причин отказа не последовало. М. Роблес ограничилась общими словами о том, что при принятии решения кабинет руководствовался соображениями ответственности за мир²⁵.

Вместо заключения: *Quo vadis?*

Испания относится к государствам «коллективного Запада», входя в состав его центральных институтов — НАТО и ЕС. Нацеленность официального руководства страны на активное участие в международных делах, не имея солидной экономической (страна с 2008 г. с завидной периодичностью становится заемщиком европейских фондов поддержки),

военной²⁶ и дипломатической опоры (не является постоянным членом Совета Безопасности ООН, в течение 2010-х гг. не способна была пролоббировать повышение значимости антитеррористической повестки в НАТО на фоне озабоченности Альянса «российской угрозой» и т. д. (Андреева, 2022, с. 108–109)), заставляет Мадрид лавировать между союзнической солидарностью и собственным нарративом, который качественно отличает ее среди остальных крупных международных акторов. Последний основывается на гуманистическом подходе, легитимности, социальной повестке, инклюзивности и равноправии.

Следование этим принципам особенно ярко проявилось в дипломатии Испании по вопросу палестино-израильского конфликта, вновь обострившегося в октябре 2023 г. Основываясь на убежденности, что мир на Ближнем Востоке невозможен без создания палестинского государства, Мадрид выдвинул первую за долгие десятилетия самостоятельную внешнеполитическую инициативу, открыто противоречащую позиции большинства государств ЕС. Однако следует отметить циничный прагматизм этой инициативы: в течение нескольких месяцев конфликта, пока руководство Испании рассуждало на тему справедливости, мира и безопасности, а также предлагало странам Ближнего Востока план по урегулированию конфликта, в Израиль вплоть до введения эмбарго продолжало поступать испанское вооружение.

Положить конец страданиям человека, чьи права систематически и грубо нарушаются во время конфликтов, — главный аргумент, который использует правительство Испании, чтобы мотивировать гражданское

²³ Spain Blocks EU Participation in US Operation in Red Sea — Newspaper // TASS. December 22, 2023. URL: <https://tass.com/world/1725277> (accessed: 24.02.2025).

²⁴ Spanish PM Open to Creation of New EU Mission to Protect Vessels in Red Sea // Reuters. December 27, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/spanish-pm-open-creation-new-eu-mission-protect-vessels-red-sea-2023-12-27/> (accessed: 14.03.2025).

²⁵ Soto R. Operación Guardián de la Prosperidad en el Mar Rojo: España asegura que “no participará” en la misión de EEUU // Newtral. 16 de enero de 2024. URL: <https://www.newtral.es/espana-operacion-guardian-prosperidad/20240116/> (accessed: 18.01.2025).

²⁶ В 2022 г. на фоне специальной военной операции России на Украине Испания существенно увеличила оборонные ассигнования. К 2029 г. Испания планирует повысить финансирование оборонного бюджета до 2 % от ВВП. См.: Spain Will Gradually Raise Spending on Defence to 2 % of GDP by 2029 // Reuters. June 30, 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/spain-will-gradually-raise-spending-defence-2-gdp-by-2029-2022-06-30/> (accessed: 12.11.2025).

общество поддержать инициативы страны в вопросах мира и безопасности. Участие Мадрида в нелегитимных миссиях запрещено законодательством с 2005 г., на выработку этого решения повлияли негативные последствия иракской кампании (2003), приведшие к возникновению угрозы исламистского терроризма. Партийный консенсус, а также общественная поддержка стали ключевыми элементами при принятии решения об отправке войск в Ирак. Поэтому операция в Ливии для Испании закончилась со смертью М. Каддафи, когда широкой общественной

критике подверглись реальные цели интервентов. Нарушающие суверенитет миссии США в Сирии и в Красном море обходятся без прямой помощи Испании. Официальная позиция Мадрида заключается в том, что истинная цель интервенции — поиски прочного мира, а не демонстрация силы, приводящая к эскалации конфликта.

Руководствуясь этими переменными, можно интерпретировать и прогнозировать степень вовлеченности страны в военные миссии в будущем, а также реакцию Испании на интервенции других стран.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Андреева А.А. Испания в меняющейся стратегической ситуации // Испания: трудный выбор в условиях неопределенности / отв. ред. В.М. Давыдов. Москва : ИЛА РАН, 2022. С. 104–123. EDN: ZKSPKU
- Андреева А.А. Миротворческие процессы в Латинской Америке: роль Испании // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 49–60. EDN: KZKPHP
- Баранин Ж. Гуманитарная интервенция и новые измерения концепции государственного суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 60–68. EDN: RVNCPL
- Борзова А.Ю., Волосяк О.В., Николашвили Н.Д. Гуманитарная политика Испании в Латинской Америке: особенности и приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 586–599. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-586-599>; EDN: SHFHWQ
- Куракина-Дамир А.А. От кризиса репрезентативности к повышенной фрагментации // Испания в новой национальной и международной реальности / отв. ред. П.П. Яковлев, А.А. Куракина-Дамир. Москва : ИЛА РАН, 2020. С. 13–23. EDN: CRSFPU
- Лыжина Е.В. Обеспечивает ли Европейский союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 60–63. EDN: MWPFVT
- Прохоренко И.Л. Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8, № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>; EDN: QRGUDE
- Ростов Н.А. Испания в НАТО: финансовые аспекты // Ибероамериканские тетради. 2019. № 2. С. 20–25. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2019-2-20-25>; EDN: KQLHUQ
- Спирин Ю.П. Современные проблемы миротворчества ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 50–58. EDN: MWPFVJ
- Сучков М.А., Ребро О.И., Сушенцов А.А., Байков А.А. Лидерство и принятие внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 4. С. 62–80. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.1>; EDN: HKARTS
- Хенкин С.М. Испанский социум: стабильная нестабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 3. С. 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-44-54>; EDN: NGXWFG
- Яковлев П.П. Испания в мировой политике. Москва : ИЛА РАН, 2011. EDN: QPTMX
- Avilés Farré J. España, la OTAN y los conflictos de la antigua Yugoslavia // Anales de Historia Contemporánea. 2000. No. 16. P. 93–104. URL: <https://revistas.um.es/analeshc/article/download/57251/55151/241721> (accessed: 12.12.2025).
- Barrenechea L. Análisis de cuatro casos concretos de cooperación hispano-marroquí derivados del 11M // Revista UNISCI. 2017. No. 44 (Mayo). P. 115–135. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-91876/UNISCIDP44-6BARRENECHEA.pdf> (accessed: 12.12.2025).

- Bellamy A.J.* R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia) // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, no. 4. P. 955–964. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964>; EDN: YTNZNB
- Buzan B., Wæver O.* *Regions and Powers: The Structure of International Security*. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Caballero Díez A.* Implicaciones para España de Daesh en Libia // *Revista de Pensamiento Estratégico y Seguridad CISDE*. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 41–61. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=8772065> (accessed: 12.12.2025).
- Calduch Cervera R.* Asuntos exteriores de España: dimensión europea y Estatal. Ponencia presentada a la 47 Convención anual de la International Studies Association. San Diego, 2006. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-55164/lisa2006.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Fearon J.D.* Rationalist Explanations for War // *International Organization*. 1995. Vol. 49, iss. 3. P. 379–414. EDN: BZFOGD
- Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1989. No. 16. Summer. P. 3–18. URL: <http://www.jstor.org/stable/24027184> (accessed: 13.12.2025).
- Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V.* Interest, Power, Knowledge: The Study of International Regimes // *Mershon International Studies Review*. 1996. Vol. 40, iss. Suppl. 2. P. 177–228. <https://doi.org/10.2307/222775>
- Keohane R.O., Nye J.S.* *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
- Kim W., Bueno de Mesquita B.* How Perceptions Influence the Risk of War // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39, iss. 1. P. 51–65. <https://doi.org/10.2307/2600723>
- López-Jacoiste E.* La guerra en Siria y las paradojas de la comunidad internacional // *Revista UNISCI*. 2015. No. 37 (Enero). P. 73–97. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72478/UNISCIDP37-4LOPEZ-JACOISTE.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Michavila Núñez N.* Apoyo público a operaciones militares: factores clave // *Cuadernos de estrategia*. 2011. No. 148. P. 35–61. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/3838657.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Mintz A., DeRouen K., Jr.* *Understanding Foreign Policy Decisions Making*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511757761>
- Molina I.* Estrategia de acción exterior: logro “ma non troppo” // *Política exterior*. 2015. Vol. 29, no. 163. P. 32–39. URL: <http://www.jstor.org/stable/43595449> (accessed: 09.11.2025).
- Pérez Muñelo F.* Exigencias y coste de la participación española en las Operaciones de Paz // *España en las operaciones internacionales de pacificación / coord. por I. Sepúlveda*. Madrid: Instituto Universitario General Gutiérrez Mellado, 2009. P. 145–160.
- Rosenau J.N.* *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: The Free Press, 1969.
- Rosenau J.N.* *Turbulence in World Politics: A Theory of Change in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1990. <https://doi.org/10.2307/j.ctv301hg5>
- Sánchez R.A.* Intervenciones humanitarias y opinión pública: de la exigencia al desencanto // *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*. 2003. No. 60. P. 23–42. URL: <http://www.jstor.org/stable/40585944> (accessed: 12.12.2025).
- Seybolt T.B.* *Humanitarian Military Intervention: The Conditions for Success and Failure*. Oxford: Oxford University Press, 2007. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199252435.001.0001>
- Tovar Ruiz J.* El idealismo wilsoniano en la política exterior estadounidense, ¿una doctrina recurrente? // *Revista española de ciencia política*. 2014. No. 35. P. 137–160. URL: <https://recyt.fecyt.es/index.php/recp/article/download/37629/21147/> (accessed: 09.11.2025).
- Travis M.B.* In Defense of the National Interest. By H.J. Morgenthau (New York: Alfred A. Knopf, 1951. Pp. 283. \$ 3.50.) // *The Journal of Politics*. 1952. Vol. 14, no. 1. P. 147–149. <https://doi.org/10.2307/2126393>
- Welch D.A.* The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect // *International Security*. 1992. Vol. 17, no. 2. P. 112–146. <https://doi.org/10.2307/2539170>

Сведения об авторе:

Андреева Арина Анатольевна — кандидат политических наук, доктор наук (Мадридский университет Комплутенсе), младший профессор департамента международных отношений и всеобщей истории, Мадридский Университет Комплутенсе; Королевство Испания, 28040, г. Мадрид, пр-кт Сенеки, д. 2; eLibrary SPIN-код: 1040-6175; ORCID: 0000-0003-2841-4515; e-mail: arandree@ucm.es

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-138-149

EDN: STQDPF

Научная статья / Research article

БРИКС и трансформация глобального порядка: научные подходы и интерпретации

А. А. Алешин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

✉ aleshin.a@imemo.ru

Аннотация. В последние годы в развитии БРИКС произошли качественные изменения — начиная с увеличения числа участников объединения и заканчивая разработкой альтернативных западным глобальных финансовых институтов и снижения доли доллара во взаимных расчетах. В то же время стремительное развитие БРИКС подсвечивает старые и создает новые трудности и ограничения многостороннего сотрудничества стран-членов. Однако при этом БРИКС, безусловно, стал важным фактором трансформации мирового порядка. В связи с этим появляются различные прогнозы будущего этого объединения — как оптимистичные, так и алармистские. Более того, по-разному трактуются его природа и долгосрочные цели. Задачами исследования являются выявление основных тем и трендов в научных публикациях о БРИКС, анализ подходов представителей научного сообщества к развитию объединения в контексте трансформации мирового порядка. С помощью качественного и количественного контент-анализа изучены статьи в рецензируемых журналах и монографии, опубликованные с 2023 г. по апрель 2025 г. Сделан вывод, что единого подхода ученых к трактовке и оценке развития БРИКС не существует. При этом число публикаций исследователей из незападных стран выше, чем из западных. Различия в подходах зависят от предмета исследования: изучает ли автор ту или иную страну БРИКС отдельно или объединение в целом, смотрит ли он на экономический, международно-политический или культурно-гуманитарный трек деятельности объединения. Наибольший интерес ученые проявляют к финансовой и торгово-экономической интеграции БРИКС, в особенности к вопросам торговли, развития незападных финансовых институтов, дедолларизации, создания инструментов для взаимных расчетов, использования новых технологий для оптимизации экономического управления в БРИКС. Среди ключевых проблем называют различия экономических и политических потенциалов стран-членов, их национальных интересов, открытые конфликты между ними, угрозу усложнения поиска консенсуса в контексте продолжающегося расширения объединения. Наибольшие перспективы ожидаются в росте товарооборота внутри БРИКС, разработке недолларовых инструментов расчета и увеличении значения БРИКС в регулировании отдельных отраслей мировой экономики, таких как энергетика, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, в том числе редкоземельных металлов, и ряд других.

Ключевые слова: глобальное регулирование, дедолларизация, расширение БРИКС, Египет, Иран, Пакистан, Китай, контент-анализ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Алешин А. А. БРИКС и трансформация глобального порядка: научные подходы и интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 138–149. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-138-149>; EDN: STQDPF

© Алешин А. А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

BRICS and the Transformation of the Global Order: Academic Approaches and Interpretations

Alexander A. Aleshin

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russian Federation

✉ aleshin.a@imemo.ru

Abstract. In recent years, the BRICS group has undergone profound transformations, including the expansion of its membership, the establishment of alternative global financial institutions, and the diminishing role of the dollar in intrabloc settlements. However, this rapid evolution has also revealed pre-existing challenges and generated new constraints on multilateral cooperation among member states. Despite these obstacles, it is evident that BRICS has undoubtedly become a major driver in the ongoing transformation of the global order. As a result, forecasts regarding the association's future, ranging from strongly optimistic to alarmist, have proliferated, while its nature and long-term objectives continue to be interpreted in diverse ways. The present study aims to identify the key themes and trends in academic literature on BRICS, and analyze how scholars conceptualize its development within the broader context of global order transformation. Using both qualitative and quantitative content analysis, the research examines peer-reviewed journal articles and monographs published between 2023 and April 2025. The findings reveal the absence of a unified scholarly perspective on BRICS' evolution. Publications authored by researchers from non-Western countries outnumber those from Western academia. Differences in analytical approaches depend largely on the focus of research—whether it addresses individual member states or BRICS as a whole—and on the disciplinary lens, encompassing economic, political, or cultural-humanitarian dimensions. The topics attracting the greatest scholarly attention include BRICS financial and trade integration, the establishment of non-Western financial mechanisms, dedollarization, the development of instruments for mutual settlements, and the use of new technologies to enhance economic governance. The persistent challenges experienced by the region are multifaceted, encompassing disparities in economic and political capacities, divergent national interests, bilateral tensions, and the growing difficulty of achieving consensus amid continued expansion. The most promising areas of potential lie in expanding intra-BRICS trade, strengthening non-dollar payment frameworks, and increasing the group's influence in key sectors of the global economy such as energy, agriculture, and the extraction of strategic resources, including rare earth elements.

Key words: global governance, dedollarization, BRICS expansion, Egypt, Iran, Pakistan, China, content analysis

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Aleshin, A. A. (2026). BRICS and the transformation of the global order: Academic approaches and interpretations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 138–149. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-138-149>; EDN: STQDPF

Введение

В последние годы объединению БРИКС уделяется все больше внимания в научной и аналитической литературе, особенно после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине и последующего нарастания дискурса о развитии незападных финансовых, торгово-экономических и политических институтов. С 2023 по 2025 г. количество участников объединения выросло вдвое, составив 10 государств. В повестку его деятельности включаются новые

вопросы: дедолларизации, формирования альтернативных платежных инструментов, безопасности и др. (Antony, 2023). Актуализируются новые сферы сотрудничества стран БРИКС (Стрельникова, Майоров, Попов, 2024). Развивается экономическая интеграция стран-членов, обсуждается возможность создания общей валюты (Nach & Ncwadi, 2024). Нарастает дискурсивная сила БРИКС, объединением разрабатываются собственные нормы и правила (Прохоренко, 2024).

В то же время для развития БРИКС существует целый ряд препятствий. Между странами-членами сохраняются противоречия, прежде всего это касается Индии и Китая (Хорос, Потапова, 2024). Заметны расхождения в отношении антизападной риторики: в частности, Индия и Бразилия выступают против антизападной позиции, Иран рассматривает БРИКС как платформу для обхода системы межбанковских платежей *SWIFT* и укрепления экономической устойчивости, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стремятся нарастить присутствие на рынках БРИКС, не занимая при этом антизападной позиции¹. Созданию единой валюты препятствует неоднородность экономик стран БРИКС, политические расхождения и влияние третьих акторов (Nach & Ncwadi, 2024). Эксперты отмечают экономический застой стран-членов, отсутствие у них единства целей, а также доминирование Китая в двусторонней торговле внутри БРИКС (Смирнов, Пасько, 2023). При этом продолжающееся расширение БРИКС (по различным данным, во вступлении заинтересовано несколько десятков стран) усложняет выработку консенсуса в объединении (Carmody, 2024). Кроме того, важно отметить недоверие в отношении БРИКС со стороны западных стран.

Существует многообразие исследований, посвященных официальным позициям государств — членов БРИКС по вопросам развития объединения². В данном исследовании фокус смещен на изучение подходов представителей научного сообщества к проблематике БРИКС. Такой ракурс способствует более широкому взгляду на развитие объединения, его проблемы и перспективы, а также объективному анализу вопросов, возможно затушеванных идеологически или субъективно, в политических целях.

Автор рассматривает понятие дискурса в классической трактовке М. Фуко как

«совокупность речевых актов, произведенных в соответствии с определенными правилами... совокупность актов формулировки, совокупность фраз, которые могли быть произнесены... совокупность практик, формирующих систематически объекты, о которых говорят» (Фуко, 1996, с. 63). Под научным дискурсом в данном исследовании понимается коммуникация внутри научного дискурсивного сообщества (Swales, 1990, pp. 24–27), определяемого общими целями, жанрами (например, статьи, монографии), научной лексикой и механизмами взаимодействия.

Изучение научного дискурса важно потому, что ученые оказывают влияние на внешнюю политику тремя способами.

Во-первых, одной из функций научного политологического дискурса является повествование о прошлом и будущем, создание теорий, нарративов, конструирующих внешнеполитическую идентичность. Теоретические построения ложатся в основу формирования политических убеждений, программ, идеологий (Алешин, 2022).

Во-вторых, научное сообщество оказывает непосредственное влияние на конкретные внешнеполитические решения путем предоставления аналитики органам государственной власти и участия в разработке национальных стратегий (Алешин, 2021).

В-третьих, ученые принимают непосредственное участие в дипломатии «второго трека», в научной дипломатии. Исследования научного дискурса широко представлены в академической литературе³.

Цель исследования — определение актуальных трендов в развитии БРИКС, отраженных в научном дискурсе. Задачи данного исследования: выявление основных тем и проблем БРИКС, которые интересуют исследователей, и анализ подходов различных исследователей и школ к развитию БРИКС в контексте трансформации миропорядка. Предполагается, что единого

¹ Муратбекова А. Оценка итогов саммита БРИКС 2024 // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/evaluating-the-2024-brics-summit-outcomes/?lang=ru> (дата обращения: 04.05.2025).

² См., например: Lissovlik Y. BRICS Plus after the 2023 “Expansion Summit” // Russian International Affairs Council. January 17, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/brics-plus-after-the-2023-expansion-summit/> (accessed: 13.05.2025).

³ См., например: (Истомин, 2016; Прохоренко, 2019; Дегтерев, 2021).

подхода исследователей к объяснению и оценке развития БРИКС не существует. Их видение заметно различается среди ученых из различных стран-членов.

Исследование опирается на методы количественного и качественного контент-анализа для изучения монографий и статей, опубликованных в научных рецензируемых журналах. Количественный контент-анализ был использован для выявления тематических корреляций в публикациях по ключевым словам и аннотациям, качественный — для изучения внутреннего содержания научных текстов, извлечения ключевых идей авторов в контексте трендов развития БРИКС.

Тематические корреляции научных публикаций

Для выявления основных тем и проблем БРИКС, которые интересуют исследователей, выбраны все статьи по международным отношениям на сайте научно-информационной социальной сети *ResearchGate*⁴, в названии

которых присутствует слово «БРИКС», опубликованные с 1 января 2023 г. по 1 апреля 2025 г., процитированные не менее трех раз. Итоговая выборка составила 57 публикаций.

Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена тем, что научные публикации о новом этапе трансформации миропорядка (с 2022 г.) массово появились в 2023 г. (учитывая сроки и количество итераций прохождения рукописей в рецензируемых научных журналах). Важно отметить, что научно-информационная социальная сеть *ResearchGate* не является библиографической базой данных, ее пользователи (включая редакции журналов) выкладывают свои статьи самостоятельно, в связи с чем в ней не присутствуют все статьи и монографии, опубликованные в мире в указанный период. Тем не менее она предоставляет существенную выборку публикаций, что позволяет выявить наиболее общие тематические тренды (рис. 1). Важно, что одна и та же публикация может содержать несколько тем.

Рис. 1. Наиболее популярные темы научных публикаций о БРИКС на сайте *ResearchGate* с 01.01.2023 по 01.04.2025 гг., количество статей

Источник: составлено А.А. Алешиным.

⁴ *ResearchGate*. URL: <https://www.researchgate.net/> (accessed: 03.05.2025).

В публикациях из наиболее многочисленной группы «Расширение БРИКС и миропорядок» изучена динамика расширения группировки, трансформация глобального баланса сил в контексте развития БРИКС, роль БРИКС+ в международном правовом поле, отношение БРИКС к западным институтам, соответствующие трансформации глобальной финансовой архитектуры. Эта группа — крупнейшая по числу публикаций, что отражает высокий интерес к трансформации системы международных отношений, динамике глобальных центров силы, вопросам дедолларизации и разработке новых многосторонних механизмов международного сотрудничества.

В публикациях из группы «Финансы и дедолларизация» затрагиваются вопросы волатильности фондовых рынков, влияния макроэкономических и корпоративных факторов на финансовые показатели, дедолларизации, разработки альтернативных платежных систем. Авторы фокусируются на финансовых индикаторах и инструментах, применяя как классическую эконометрику, так и алгоритмы машинного обучения для анализа динамики обменных курсов, оценки рисков и оптимизации торговых стратегий стран БРИКС.

В статьях группы «Энергетика, экология и устойчивое развитие» изучены вопросы энергоэффективности, перехода на возобновляемые источники энергии и снижения выбросов, проблема углеродного следа и измерения экологической устойчивости, а также проведена оценка воздействия экономических процессов на окружающую среду. Исследованы как макроэкономические, так и технологические аспекты устойчивого развития в странах БРИКС. Многие работы используют эконометрические методы для анализа влияния энергетического перехода, национальных политик в области экологии, роли образования в продвижении «зеленого роста».

В группе «Цифровизация, инновационные технологии» рассмотрены концепции «Индустрия 4.0», цифрового суверенитета,

цифровых валют, проблема применения искусственного интеллекта и анализа данных для оптимизации макроэкономических процессов для практического применения на различных направлениях экономической политики стран БРИКС и управления инновациями.

В статьях группы «Торговля, экономическая интеграция» исследованы торговые отношения стран БРИКС, их конкурентные преимущества, динамика экспорта и импорта, а также влияние БРИКС на глобальные цепочки поставок, интеграционные процессы между странами-членами.

В группу «Правовые и институциональные механизмы» вошли работы, посвященные созданию и реформированию инвестиционного арбитража, транснациональным правовым процессам и их роли в обеспечении устойчивого развития, процессу выработки новых правовых подходов для экономической интеграции и разрешения споров.

В группе «Другие» представлены публикации, посвященные вопросам образования и накопления человеческого капитала в странах БРИКС, а также взаимосвязи внутри государств объединения военных расходов и структурных экономических проблем, в частности неравенства доходов.

Страновые корреляции тем научных публикаций

Отдельным странам в приведенной выборке посвящено около четверти статей (рис. 2). Эти работы сосредоточены на конкретных государствах и их роли в БРИКС, торговых отношениях, экономических особенностях или уникальных страновых проблемах. Речь идет о Бразилии, Индии, Китае, России, Южно-Африканской Республике (ЮАР), а также Египте, государствах Ближнего Востока и Пакистане, не являющемся членом БРИКС. Рассмотрим их подробнее.

Португальские исследователи И.М. Геберт и Ф. де Мелло-Сампайо в своей статье пришли к выводу, что в периоды кризисов рынки Бразилии и ЮАР оказались наиболее уязвимыми в БРИКС, тогда как в Китае

наблюдалась быстрая стабилизация (Gebert & de Mello-Samprayo, 2025). Подчеркнута важность координации макроэкономических политик стран БРИКС для защиты от глобальных финансовых потрясений.

В публикациях об Индии рассматривались как политические, так и экономические вопросы. Ученый из Китая Р. Верма

пришел к выводу, что нейтралитет Индии в российско-украинском конфликте не связан с ее стремлением к укреплению своего статуса в БРИКС, поскольку двусторонние отношения с Россией не влияют на функционирование группы: БРИКС устроен так, чтобы избежать обсуждения спорных вопросов (Verma, 2024).

Рис. 2. Доля интереса исследователей к общим и страновым проблемам БРИКС, %

Источник: рассчитано А.А. Алешиным.

Мд. Моминур Рахман с соавторами (Бангладеш) изучили влияние на экологическую устойчивость прямых иностранных инвестиций в Индию из стран БРИКС и провели градацию инвестиций в зависимости от их корреляции со снижением выбросов CO₂ (Mominur Rahman, Golam Faruque & Emran Hossain, 2024).

Влияние Китая на развитие БРИКС в контексте его конфликта с США изучено С.Р. Бухари с соавторами (Пакистан): путем исследования рыночных механизмов в Китае авторы обосновывают точку зрения, согласно которой Пекин использует БРИКС для продвижения альтернативной модели экономического развития (Bukhari, Malik & Mahmood, 2024). Обратное воздействие БРИКС на китайскую экономику, а именно на аграрную сферу, проанализировано в статье турецкого ученого Р. Баки (Baki, 2024): автор приходит к выводу, что уровень торговой

интеграции с другими странами объединения остается низким из-за разницы в экономических системах.

П. Мозиас (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») поднял вопрос идентификации России как развивающейся экономики и предложил странам БРИКС сочетать рыночные реформы и государственное регулирование (Mozias, 2023). В свою очередь группа китайских исследователей показала, что Россия и Китай имеют наибольший потенциал для торговли сельхозпродукцией внутри БРИКС, но торговая интеграция в этой области сталкивается с логистическими и нормативными барьерами (Xin, Khan & Ling, 2024).

А.А. Уфимцев (Институт Африки РАН) выявил мотивы Египта при вступлении в БРИКС: доступ к финансированию через Новый банк развития, расширение торговли

с членами объединения и снижение зависимости от доллара (Уфимцев, 2024).

Последствия вступления в БРИКС сразу трех государств — экспортеров нефти с Ближнего Востока, а именно Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии (последняя позднее не подтвердила вступление. — А.А.) исследованы в статьях международной группы ученых (И. Ахмада с соавторами) (Ahmad, Haider & Afzal, 2024) и бразильских исследователей А. Казелко с Ю.С. Семенини (Kazelko, Semeghini, 2024). Отмечается, что такое расширение объединения усилило его влияние в энергетической сфере, что может ускорить процессы дедолларизации в торговле энергоносителями. Однако для этого, как подчеркивается в статьях, необходимо разработать механизмы координации интересов и политики новых членов для эффективного экономического сотрудничества.

Исследование С. Ахмада (КНР) с соавторами (Малайзия, Бангладеш) показало, что кандидат в члены БРИКС Пакистан во внешней торговле в основном ориентируется на Китай, тогда как его связи с другими странами БРИКС слабее. Торговля с Индией в последние годы значительно сократилась из-за политических факторов (Ahmad, Raihan & Ridwan, 2024).

Таким образом, страновые исследования показывают различия в мотивах участия в объединении, структуре экономики и внешнеполитических интересах государств — членов БРИКС. Некоторые страны видят в БРИКС инструмент ускорения собственного экономического роста (Египет, Пакистан), другие — способ усилить свою глобальную роль (Китай, Россия). Кроме того, многие исследователи указывают, что БРИКС нуждается в большем институциональном развитии для преодоления внутренних противоречий и укрепления экономической координации.

Тематика наиболее цитируемых публикаций

Отдельно рассмотрим некоторые публикации с 10 и более цитированиями.

В статье Б.Т.Ф. Ли (КНР) и Х.П. Симса (Чили) «Расширение БРИКС +, динамика мировой торговли и феномен дедолларизации» (Lee & Sims, 2024) в контексте расширения объединения выделены следующие проблемы: существование различий в экономических моделях, внешнеполитических интересах и уровне развития между странами-членами, их зависимость от доллара, отсутствие единой институциональной структуры БРИКС. Авторы приходят к выводу, что «расширение БРИКС — это не количественный рост, а качественный шаг к перестройке глобальной экономики. Блок способен стать катализатором дедолларизации, используя альтернативные валюты, цифровые технологии и региональные союзы, чтобы создать более сбалансированную и устойчивую мировую экономическую систему» (Lee & Sims, 2024, p. 27).

В статье палестинского ученого М. Саида «БРИКС плюс: дедолларизация и глобальные изменения в расстановке сил в новых экономических условиях» (Saaida, 2024) проанализированы последствия дедолларизации для международной финансовой системы и глобального баланса сил. Автор приходит к выводу, что дедолларизация одновременно способствует и усилению финансовой независимости стран БРИКС, и пересмотру глобального соотношения сил, а также создает серьезные вызовы, требующие скоординированных дипломатических и стратегических усилий как со стороны БРИКС+, так и США.

В статье группы исследователей из США «Ускорение экономического роста стран БРИКС: аналитика данных на основе искусственного интеллекта для обоснованной политики и принятия решений» (Abir et al., 2024) авторы отмечают неэффективность методов принятия решений в странах БРИКС в контексте решения таких проблем, как неравномерное распределение доходов, необходимость индустриальной трансформации, дефицит инфраструктуры. Акцентируется внимание на усилиях стран БРИКС в интеграции аналитики данных на основе искусственного интеллекта и отмечается, что это помогло

им оптимизировать распределение ресурсов, устранить неэффективные направления торговли и сгладить неравенство на рынке труда.

Ученый из США А. Валамонтес в статье «Новая платежная система БРИКС: вызов доминированию доллара США» (Valamontes, 2024) проанализировал уязвимость стран БРИКС в западнцентричной глобальной финансовой архитектуре и предложил использовать технологии блокчейна и распределенного реестра для роста доверия между участниками, оптимизации потоков торговли и обхода западных санкций.

В уже упоминавшейся выше статье бразильских ученых А. Казелко с Ю.С. Семенини (Kazelko & Semeghini, 2024) отмечается, что существующая глобальная финансовая архитектура вынуждает страны БРИКС работать в условиях доминирования доллара, что ограничивает их возможности инвестирования в сферы энергетики и добычи минеральных ресурсов. После своего расширения БРИКС объединил государства с большими запасами минеральных ресурсов и ведущих производителей нефти со странами — быстрорастущими потребителями энергии. Как следствие, БРИКС может существенно изменить глобальные энергетические рынки, в рамках блока будет сконцентрировано до 72 % мировых запасов редкоземельных металлов (Kazelko & Semeghini, 2024, p. 65). Кроме того, за счет вступления Египта и Эфиопии в регулирование мировой торговли энергоресурсами возросла роль стран Глобального Юга.

Немецкий исследователь Э. Мох в статье «Экономическое и геополитическое значение стран БРИКС: сравнительный анализ их глобального влияния в XXI веке» (Moch, 2024) исследовал потенциал дальнейшей интеграции стран БРИКС в контексте существующего дисбаланса глобальной финансовой системы и выявил возможности ее углубления. Однако существуют препятствия, среди которых недостаточное влияние стран БРИКС в глобальных институтах, что ограничивает их роль в формировании глобального политического дискурса, а также различия в политических режимах,

экономических моделях и стратегических приоритетах стран БРИКС. Это сказывается на возможностях выработки направлений для коллективных действий на международной арене.

В 2024 г. вышла коллективная монография Российского национального комитета по исследованию БРИКС совместно с МГИМО МИД России и Университетом мировых цивилизаций под названием «БРИКС в мировых финансах и экономике». В ней представлено 35 глав на многообразные темы за авторством ученых из России и стран — участниц объединения. Большинство экспертов отмечен переход от традиционного доминирования западнцентричных институтов к более сбалансированной и инклюзивной глобальной архитектуре, где страны БРИКС стремятся играть ведущую роль в формировании альтернативных центров влияния. Многие отметили связку прогресса в области инноваций и технологий и устойчивого развития. Заметное внимание в монографии уделено проблеме реформирования институтов глобального регулирования в контексте трансформации повестки БРИКС. Выделены особенности экономической траектории каждой из стран блока и одновременно проблемы согласования позиций государств с различными политическими системами, культурой, традициями и управленческими моделями. Отмечено, что наиболее актуальной является проблема необходимости поддержки баланса между коллективными действиями участников БРИКС и сохранением их независимой внешней политики (БРИКС в мировых финансах и экономике, 2024).

Примечательна также монография немецких исследователей Дж. Петри и А. Нёлке «БРИКС и мировой финансовый порядок: либерализм оспорен?» (Petru & Nölke, 2024). В ней авторы исследовали влияние развития БРИКС на динамику глобальной финансовой архитектуры. Прежде всего, речь идет о политике дедолларизации, которая осуществляется четырьмя путями, такими как:

- 1) создание странами-членами суверенных финансовых структур, национальных рейтинговых агентств и банков развития;

2) внедрение практик финансового протекционизма, ограничения мобильности капитала и контроля над трансграничными инвестициями;

3) интенсификация использования национальных валют в международных расчетах;

4) попытки сформировать альтернативные международные финансовые структуры, например Новый банк развития или контингентные резервные соглашения.

Авторы монографии полагают, что страны БРИКС не отвергают глобальный финансовый порядок, а, сочетая в своей экономической политике элементы либерализма и государственного капитализма, формируют параллельные финансовые механизмы. Лидером в трансформации международных финансовых структур выступает Китай. В то же время Индия и Россия играют важную роль в сфере энергетики и стимуляции торговых расчетов в национальных валютах. Расширение БРИКС 2024 г. стало важным этапом для укрепления глобальной роли блока.

Заключение

Таким образом, в научной литературе о БРИКС с 2023 г. представлены различные публикации, причем преимущественно подготовленные учеными из незападных стран. Единого подхода исследователей к объяснению и оценке развития БРИКС не сложилось. Их видение заметно различается исходя из географической принадлежности авторов (ученые из государств — участников БРИКС, из третьих или западных стран). Ракурс исследований также опосредован выбором предмета исследования — той или иной особенностью национальной политики страны-объекта, моделью ее политического и экономического развития, материального, институционального и репутационного потенциалов

внешней политики. В то же время большинство ученых сходятся в основных параметрах наиболее общих трендов развития БРИКС в контексте трансформации миропорядка и в обозначении основных проблем объединения в целом.

Среди трех направлений сотрудничества в рамках БРИКС: политика и безопасность, экономика и финансы, культурные и гуманитарные связи⁵ — наиболее востребованным для исследователей является второе: воздействие расширения БРИКС на трансформацию мирового экономического порядка, глобальной финансовой системы. Скорее всего, это связано с тем, что именно в этом направлении наблюдаются наибольшие успехи объединения. По этой же причине среди публикаций ученых из западных стран наблюдается больший акцент на противоречиях между членами БРИКС и ограничениях, которые существуют в потенциале БРИКС повлиять на изменение мировой экономики.

Многие ученые проявляют интерес не к политическим вопросам достижения консенсуса и институционализации объединения, а к практическим механизмам ускорения процесса дедолларизации и экономического роста, в том числе за счет новых технологий. Отдельно важно отметить серию публикаций об усилении роли БРИКС на мировых энергетических рынках после расширения объединения. При этом подавляющее большинство ученых отмечают в качестве ключевых проблем БРИКС именно политические: наличие конфликтов между странами-членами, расхождения национальных интересов, различия в национальных политических и экономических моделях, различные внешнеполитические потенциалы стран-членов в связи с экономическим и технологическим неравенством между ними.

⁵ См.: XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 07.05.2025).

На основании проведенного исследования можно выделить позитивные и негативные тренды в развитии БРИКС.

К первым относятся:

- расширение состава участников объединения;
- укрепление его статуса, авторитета и глобальной роли;
- рост его влияния за счет включения государств с различными экономическими особенностями и преимуществами;
- расширение тематической повестки объединения, прежде всего за счет вопросов развития технологий.

Главный тренд в этой группе — рост ожиданий от деятельности БРИКС и его влияния на трансформацию мировой экономики, глобальной финансовой системы и международного права.

Среди негативных трендов можно выделить:

- размывание общности целей объединения за счет включения в него стран с различными национальными интересами;
- вызванный трансформацией миропорядка рост конфликтности как между некоторыми членами БРИКС, так и между ними и третьими странами;
- усиливающийся разрыв в уровнях экономического развития наиболее и наименее влиятельных государств-членов;

– все более выраженные различия между национальными политическими и социально-экономическими моделями стран БРИКС;

- рост негативного влияния политики ведущих стран за пределами БРИКС по отношению к его членам, прежде всего в сфере санкций и протекционизма;
- сохраняющаяся недостаточная эффективность финансовой и инвестиционной политики БРИКС.

Как можно заметить, многие тренды являются гранями одних и тех же процессов и представлены в группе позитивных или негативных, что нередко зависит от контекста. То есть одни и те же процессы оказывают двойственное влияние на развитие БРИКС, и глубина и степень их воздействия в будущем будет зависеть от множества факторов — связанных как с успехами интеграции БРИКС, так и с общими тенденциями в мировой экономике и международных отношениях.

Представляется, что ключевой вопрос о будущем развитии БРИКС можно сформулировать следующим образом: «Какова консенсусно достижимая глубина интеграции стран БРИКС?» На основании анализа научной литературы представляется, что именно параметры этой интеграции определяют степень трансформации системы международных отношений, прежде всего в финансовой сфере, в долгосрочной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 22.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 02.07.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Алешин А. А. Роль научного дискурса в стратегическом развитии НАТО // *Международные процессы*. 2022. Т. 20, № 4. С. 136–156. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.1>; EDN: XOXVIJ
- Алешин А. А. Роль научного дискурса в трансформации стратегии национальной безопасности Великобритании // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2021. № 4. С. 72–84. <https://doi.org/10.20542/afj-2021-4-72-84>; EDN: HWZRDD
- БРИКС в мировых финансах и экономике / под ред. В.И. Герасимова, И.З. Ярыгиной. Москва : МГИМО-Университет, 2024. EDN: APFULR
- Дегтерев Д. А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 4. С. 113–122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>; EDN: IQFDQE

- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 20–33. EDN: YGCOQH
- Прохоренко И.Л. БРИКС: итоги председательства ЮАР и решение о расширении состава участников // Год планеты / под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. Москва : Идея-Пресс, 2024. С. 107–114. EDN: JAWFEO
- Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 2. С. 177–186. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-177-186>; EDN: RLKMSY
- Смирнов Е.Н., Пасько А.В. Новая модель развития экономического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12–1. С. 147–153. <https://doi.org/10.17513/vaael.3148>; EDN: MCENDB
- Стрельникова И.А., Майоров М.Г., Попов Д.И. Расширение БРИКС: последствия для арктического сотрудничества в сфере логистики // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.20542/afj-2024-3-71-82>; EDN: FGFWBI
- Уфимцев А.А. Экономические и политические аспекты вступления Египта в БРИКС // Азия и Африка сегодня. 2024. № 11. С. 49–56. <https://doi.org/10.31857/S0321507524110066>; EDN: СТИJQJ
- Фуко М. Археология знания / [пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко]. Киев : Ника-Центр, 1996.
- Хорос В.Г., Потапова Е.Ю. От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку // Полицентричный мир. 2024. Т. 1, № 1–2. С. 64–76. [https://doi.org/10.20542/pwj-2024-1\(1-2\)-64-76](https://doi.org/10.20542/pwj-2024-1(1-2)-64-76); EDN: IHDABV
- Abir, S.I., Sarwer M.H., Hasan M., Sultana N., Dolon Md Sh.A. et al. Accelerating BRICS Economic Growth: AI-Driven Data Analytics for Informed Policy and Decision Making // Journal of Economics, Finance and Accounting Studies. 2024. Vol. 6, no. 6. P. 102–115. <https://doi.org/10.32996/jefas.2024.6.6.8>; EDN: IEVCWF
- Ahmad I., Haider A., Afzal J. The Geopolitical and Economic Impact of BRICS on the Middle East // FWU Journal of Social Sciences. 2024. Vol. 18, no. 4. P. 80–95. EDN: PKHLCP
- Ahmad S., Raihan A., Ridwan M. Pakistan's Trade Relations with BRICS Countries: Trends, Export-Import Intensity, and Comparative Advantage // Frontiers of Finance. 2024. Vol. 2, no. 2. P. 1–23. <https://doi.org/10.59429/ff.v2i2.6551>
- Antony S. Diversification of BRICS: Emerging Economic and Geopolitical Shift // Strategic Analysis. 2023. Vol. 47, iss. 6. P. 565–570. <https://doi.org/10.1080/09700161.2024.2311475>; EDN: QRWKWP
- Baki R. Comparison of Innovation Performances of BRICS Countries through CRITIC and GRA Methods // Gaziantep Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2024. Vol. 23, no. 4. P. 1561–1570. <https://doi.org/10.21547/jss.1368192>; EDN: THWKCC
- Bukhari S.R.H., Malik S.M., Mahmood M.A. Chinese BRICS: Contamination of US-Led Neoliberalism // Pakistan Social Sciences Review. 2024. Vol. 8, no. 2. P. 320–331. URL: <https://ojs.pssr.org.pk/journal/article/view/642/485> (accessed: 12.10.2025).
- Carmody P. BRICS' Enlargement: Power Expansion or Contraction in a Changing World Order? // EconPol Forum. 2024. Vol. 25, iss. 1. P. 14–17. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/284111/1/1882221397.pdf> (accessed: 04.05.2025).
- Gebert I.M., de Mello-Sampayo F. Efficiency of BRICS Countries in Sustainable Development: A Comparative Data Envelopment Analysis // International Journal of Development Issues. 2025. Vol. 24, no. 1. P. 38–54. <https://doi.org/10.1108/IJDI-12-2023-0287>; EDN: BZPKFP
- Kazelko A., Semeghini U.S. Expansion of BRICS: Implications for Global Energy Markets // BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5, no. 1. P. 53–67. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e117048>; EDN: ALSRCT
- Lee B.T.F., Sims J.P. The BRICS+ Expansion, Global Trade Dynamics, and the Dedollarization Phenomenon // Unnes Political Science Journal. 2024. Vol. 8, no. 1. P. 19–29. <https://doi.org/10.15294/upsj.v8i1.4432>; EDN: LDRKJA
- Moch E. The Economic and Geopolitical Significance of the BRICS Nations: A Comparative Analysis of Their Global Influence in the 21st Century // East African Journal of Business and Economics. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 86–100. <https://doi.org/10.37284/eajbe.7.2.2310>; EDN: SNDEMC
- Mominur Rahman Md., Golam Faruque Md., Emran Hossain Md. Does Good Governance Intensify the Impact of Energy Finance on Globalization? Evidence from BRICS Nations // Research in Globalization. 2024. Vol. 9. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2024.100264>; EDN: AKTQDW
- Mozias P. Russia as a Country of BRICS: Issue of Identification // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4, no. 3. P. 321–333. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e98255>; EDN: XKQGSX

- Nach M., Nwadi R.* BRICS Economic Integration: Prospects and Challenges // *South African Journal of International Affairs*. 2024. Vol. 31, iss. 2. P. 151–166. <https://doi.org/10.1080/10220461.2024.2380676>
- Petry J., Nölke A.* BRICS and the Global Financial Order: Liberalism Contested? Cambridge : Cambridge University Press, 2024. <https://doi.org/10.1017/9781009498739>
- Saaida M.* BRICS Plus: De-Dollarization and Global Power Shifts in New Economic Landscape // *BRICS Journal of Economics*. 2024. Vol. 5, no. 1. P. 13–33. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e117828>; EDN: HOTKST
- Swales J.M.* *Genre Analysis : English in Academic and Research Settings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Valamontes A.* BRICS New Payment System: A Challenge to the US Dollar’s Dominance // *Geopolitics Report*. 2024. Vol. 1, no. 12. P. 1–4. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13927101>
- Verma R.* India’s Quest for Status and Neutrality in the Russia—Ukraine War: BRICS, a Case Study // *International Journal: Canada’s Journal of Global Policy Analysis*. 2024. Vol. 79, iss. 1. P. 61–78. <https://doi.org/10.1177/00207020231221831>; EDN: JZYMCH
- Xin G., Khan H., Ling X.* The Impact of BRICS Trade Facilitation on China’s Import and Export Trade in Agricultural Products // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2024. Vol. 8. P. 1–12. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2024.1397350>; EDN: FNHBKD

Сведения об авторе:

Алешин Александр Андреевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); Российская Федерация, 117997, г. Москва, Профсоюзная ул., д. 23; eLibrary SPIN-код: 5114-9932; ORCID: 0000-0002-7872-3298; e-mail: aleshin.a@imemo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-150-164

EDN: SSEFCX

Научная статья / Research article

Содействие женщинам в посредничестве и переговорах в районе Великих Африканских озер: постановка проблемы

А. Киамба¹ , С. А. Бокерия² ¹Университет Найроби, Найроби, Кения²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Почти половина стран, расположенных в регионе Великих озер, пережила затяжные конфликты. Мирные процессы, направленные на урегулирование конфликтов, не привели к их разрешению, несмотря на активные усилия посредников. Миротворчество также не увенчалось успехом. Актуальность данного исследования обусловлена внедрением Организацией Объединенных Наций (ООН) гендерной перспективы в архитектуру миротворчества, наблюдаемым на протяжении последних двух десятилетий, возрастающей ролью женщин не только в вопросах мира и безопасности, но и посредничества, а также в переговорах и превентивной дипломатии. На основании междисциплинарного, исторического и структурно-функционального подхода рассмотрена необходимость содействия участию женщин в переговорных, посреднических процессах и в области превентивной дипломатии в районе Великих озер Африки. Кроме того, использован метод кейс-стади с целью исследования роли женщин в переговорном и посредническом процессе в Демократической Республике Конго (ДРК) и выявления проблем на пути мирного процесса. Исследование опирается на официальные документы и данные ООН, аналитические доклады международных организаций. Полученные результаты позволили установить, что женщины часто остаются в стороне от переговорных и посреднических процессов, однако они обладают определенными качествами, которые имеют решающее значение для успешной реализации мирных процессов. Доказано, что женщины могут участвовать во всем мирном процессе или на отдельных этапах переговоров и посредничества. Представлены рекомендации для государств, сторон конфликта и вспомогательных участников по расширению прав и возможностей женщин, включая развитие навыков посредничества и ведения переговоров для эффективного вклада в успешное завершение мирных процессов. Опыт, инструменты и механизмы вовлечения женщин в переговорный и посреднический процесс в ДРК могут быть масштабированы и использованы при урегулировании кризисов в других африканских государствах, что позволит успешно выполнить рекомендации, содержащиеся в Резолюции Совета Безопасности ООН 1325, по увеличению представительства женщин, в том числе в миротворческой деятельности и постконфликтном восстановлении.

Ключевые слова: Женщины, мир и безопасность, WPS, посредничество, переговоры, миротворчество, Африканский союз, АС, ООН, Совет Безопасности ООН

Вклад авторов. Киамба А.: сбор и анализ информации, подготовка черновика рукописи. Бокерия С. А.: сбор и анализ документов, редактирование рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Киамба А., Бокерия С. А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Киамба А., Бокерия С.А. Содействие женщинам в посредничестве и переговорах в районе Великих Африканских озер: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 150–164. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-150-164>; EDN: SSEFCX

Empowering Women in Mediation and Negotiation in the Great Lakes Region of Africa: A Problem Statement

Anita Kiamba¹ , Svetlana A. Bokeriya²

¹University of Nairobi, Nairobi, Kenya

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. Prolonged conflicts have been experienced in almost half of the countries in the Great Lakes region. Despite the robust efforts of mediators and peacemakers, peace processes aimed at resolving these conflicts have not been successful. The relevance of this research stems from the UN's introduction of a gender perspective into peacekeeping architecture over the past two decades, as well as the increasing role of women not only in peace and security, but also in mediation, negotiation and preventive diplomacy. Based on an interdisciplinary, historical and structural-functional approach, this article aims to identify the role of women as facilitators in mediation and negotiation processes in the Great Lakes region of Africa. In addition, the authors used a case study method to investigate the role of women in negotiations and mediations in the Democratic Republic of Congo (DRC) and to identify challenges to the peace process, as well as the method of analysis of the official UN documents and data, analytical reports of international organizations. The results obtained made it possible to establish that, despite possessing certain attributes that are critical for the successful outcome of peace processes, women are often sidelined from these processes. Women can participate in the entire peace process or in specific phases of negotiation and mediation. Major findings of the research are that women should be empowered by states, conflict parties and supporters to become mediators or negotiators. It is generally recommended that this empowerment should include the development of skills in mediation and negotiation, thereby facilitating effective contributions to the success of peace process outcomes. This experience can be scaled up and used in crisis management in other African states, which will make it possible to implement successfully the recommendations contained in the UNSC resolution 1325.

Key words: Women, peace and security agenda, WPS, mediation, negotiation, peacekeeping, the African Union, AU, UN, UN Security Council

Authors' contributions. A. Kiamba: collection and analysis of information, writing of the draft. S.A. Bokeriya: collection and analysis of sources, editing of the text. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kiamba, A., & Bokeriya, S.A. (2026). Empowering women in mediation and negotiation in the Great Lakes region of Africa: A problem statement. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 150–164. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-150-164>; EDN: SSEFCX

Введение

Регион Великих озер включает страны Восточной, Центральной и Южной Африки. Этот регион часто описывается как место

затяжных конфликтов. Жестокие конфликты в Центральноафриканской Республике (ЦАР), Республике Южный Судан, Республике Судан и Демократической Республике Конго (ДРК) продолжают провоцировать

нестабильность не только в этих, но и в соседних странах¹. В результате государства региона и внешние акторы инициировали конференцию для обсуждения урегулирования конфликтов и других вопросов². Создание Международной конференции по району Великих озер (МКРВО) привело к принятию Пакта о безопасности, стабильности и развитии в этом регионе, и этот документ служит правовой основой и повесткой дня МКРВО, направленной на создание условий для безопасности, стабильности и развития государств-членов³.

Международная конференция по району Великих озер сотрудничает с ООН и Африканским союзом (АС) в целях урегулирования конфликтов. Стратегия и план действий Организации Объединенных Наций на 2021–2023 гг. для региона направлены на укрепление мира, предотвращение и разрешение конфликтов в регионе Великих озер. План действий также детализирует приоритетные направления деятельности Организации в регионе Великих озер⁴.

В качестве приоритетных направлений вмешательства были определены следующие:

- содействие диалогу и укрепление доверия;

- снижение угроз, исходящих от различных вооруженных групп;

- содействие устойчивому и прозрачному управлению природными ресурсами, торговлей и инвестициями в регионе;

- поиск эффективных решений проблемы перемещения населения;

- содействие региональной готовности к кризисам в области общественного здравоохранения⁵.

Однако, согласно позиции АС и МКРВО, первоочередной задачей является урегулирование конфликтов с использованием механизмов их предотвращения и разрешения. Конкретные задачи АС и рамочные положения МКРВО заключались в содействии диалогу между сторонами конфликтов, выявлении индикаторов системы раннего предупреждения, укреплении навыков женщин в сфере посредничества и переговоров⁶, а также в обеспечении успешных результатов мирных процессов⁷. Государства региона обеспокоены своей способностью содействовать миру, безопасности и развитию в условиях конфликтов, поскольку развитие возможно только в условиях мира и безопасности. Поскольку в регионе Великих озер находится ряд очагов конфликтов, региональные страны прилагают

¹ См.: United Nations Strategy for Peace Consolidation, Conflict Prevention and Conflict Resolution in the Great Lakes Region — Action Plan, 2021–2023 // UN Missions. 2024. URL: https://ungreatlakes.unmissions.org/sites/default/files/un_great_lakes_strategy_-_action_plan_-_english_final_0_3.pdf (accessed: 03.03.2025).

² The International Conference on the Great Lakes Region. URL: www.icglr.org (accessed: 02.03.2025).

³ Dar-es-Salaam Declaration on Peace, Security, Democracy and Development in the Great Lakes Region. Dar-Es-Salaam, November 19–20, 2004 // UN Missions. URL: https://ungreatlakes.unmissions.org/sites/default/files/icglr_dar_es_salaam_declaration_on_peace_security_democracy_and_development_in_glr.pdf (accessed: 03.03.2025).

⁴ См.: United Nations Strategy for Peace Consolidation, Conflict Prevention and Conflict Resolution in the Great Lakes Region — Action Plan, 2021–2023 // UN Missions. 2024. URL: https://ungreatlakes.unmissions.org/sites/default/files/un_great_lakes_strategy_-_action_plan_-_english_final_0_3.pdf (accessed: 03.03.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Переговоры — это искусство достижения компромисса, особенно в конфликтных ситуациях между сторонами. Существует три основных этапа переговоров: подготовка к переговорам, сам процесс переговоров, анализ результатов переговоров и реализация достигнутых соглашений. Медиация — это процесс, в ходе которого беспристрастная третья сторона помогает противоборствующим сторонам выработать взаимоприемлемое соглашение. Медиация на начальном этапе переговоров помогает ослабить жесткость первоначальных позиций, уменьшить возможное недоверие и враждебность переговорщиков. Она также возможна на заключительном этапе, если стороны не в состоянии решить проблему самостоятельно, психологически готовы к помощи медиатора в преодолении тупика. Виды медиации: фасилитация; консультативная медиация; медиация с элементами арбитража; миротворческая медиация. См.: (Слуцкая, 2012).

⁷ The ICGLR Regional Action Plan on Women, Peace and Security, 2021–2024 // ICGLR. URL: https://icglr.org/wp-content/uploads/2020/07/2022-08-ICGLR_-RAP_ENG_Ver_1_REP_OB-Final-4_Final_forewordGender.pdf (accessed: 28.02.2025).

согласованные усилия для поощрения политической стабильности путем урегулирования вооруженных конфликтов.

Несмотря на ранее достигнутый прогресс в укреплении мира и безопасности посредством урегулирования конфликтов в Южном Судане, ЦАР и Бурунди, наблюдается усиление политической нестабильности, интенсификация вооруженного насилия и провал мирных процессов и мирных соглашений, включающих прекращение огня, в ДРК и Судане. Тем не менее МКРВО продолжает оказывать содействие и обеспечивать координацию инициатив, направленных на предотвращение и урегулирование конфликтов. Кроме того, на фоне интернационализации конфликтов были приняты принципы добрососедства, включающие как двустороннее сотрудничество, так и создание Контактно-координационной группы (ККГ) в мае 2021 г. Добрососедство⁸, первоначально являвшееся опорой Организации африканского единства (ОАЕ), а затем и АС, призвано обеспечить сохранение сплоченности и единства сторон даже в условиях конфликта⁹. Добрососедство предполагает, что стороны конфликта будут стремиться к мирному разрешению конфликтов и урегулированию споров, а также поощряет стороны в поддержании дружественных отношений до и во время мирного процесса, что содействует примирению сторон и стабилизации обстановки в регионе.

Помимо добрососедских отношений в регионе Великих озер, среди прочих инициатив и подходов для урегулирования конфликтов и споров реализуются диалог и превентивная дипломатия, учитывающие важность миростроительства, а также демонстрирующие важность разрешения конфликтов. В рамках урегулирования конфликтов предполагается и настоятельно рекомендуется участие как государственных, так и негосударственных акторов с целью устранения глубинных

причин и источников конфликтов, а также укрепления мира и безопасности в регионе (Burton, 1972). Миростроительство направлено на изменение взаимного восприятия сторон конфликта, и, как правило, среди ключевых участников таких инициатив выделяются лидеры местных общин, молодежь и женщины (De la Rey & McKay, 2006). Роль женщин в этих инициативах более заметна, однако она различается от общества к обществу (Naraghi Anderlini, 2007; Väyrynen, 2010). В свете этого следует рассмотреть вопрос о расширении прав и возможностей женщин в реализации превентивной дипломатии, переговоров и посредничества.

Методология исследования

Данное исследование вносит вклад в дискуссию о роли женщин в переговорных и посреднических процессах в странах региона Великих Африканских озер (Tripp, 2021). В статье использованы комплексный междисциплинарный исследовательский подход и принципы сравнительного анализа для сбора, анализа и интерпретации данных из официальных документов ООН и Африканского союза (резолюций, докладов, стратегий).

Исторический подход позволил выявить причинно-следственные связи возникновения кризисных ситуаций в регионе Великих озер. Структурно-функциональный подход помог проследить логику международного реагирования государств и сторон конфликта в области расширения прав и возможностей женщин в посреднических и переговорных процессах, используя в качестве примера ситуацию в ДРК. Метод кейс-стади применялся для изучения роли женщин в переговорном и посредническом процессе в Демократической Республике Конго (ДРК) и выявления проблем мирного процесса. Метод анализа официальных

⁸ См. ст. 74 Устава ООН: The United Nations Charter (Full Text) // The United Nations. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 28.02.2025).

⁹ См.: Taking Stock, Charting the Future: African Union Commission End of Term Report 2017–2021 // African Union. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/40232-doc-au_end_of_term_report_e.pdf (accessed: 23.03.2025); Annual Report on the Activities of the African Union and its Organs // African Union. February 6–7, 2020. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/39999-doc-2020_ex20cl2012142028xxxvi2920_e.pdf (accessed: 20.03.2025).

документов и данных ООН, аналитических докладов международных организаций помог выявить основные механизмы и проблемы, препятствующие участию женщин в переговорных и посреднических процессах.

Повышение роли женщин в медиации и переговорах

Ключевым вопросом на начальном этапе переговоров и медиации является выполнение резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) 1325 (2000): в документе подтверждается важная роль женщин «в предотвращении и урегулировании конфликтов и в миростроительстве», подчеркивается «важность их равноправного и всестороннего участия во всех усилиях по поддержанию и содействию укреплению мира и безопасности и необходимость усиления их роли в процессе принятия решений в отношении предотвращения и урегулирования конфликтов». Резолюция 1325 (2000) призывает всех участников расширить участие женщин и включить гендерные аспекты во все усилия Организации Объединенных Наций по обеспечению мира и безопасности, а также принять специальные меры для защиты женщин и девочек от гендерного насилия, в частности от изнасилований и других форм сексуального насилия в ситуациях вооруженного конфликта¹⁰.

В 2017 г. АС решением Ассамблеи глав государств и правительств учредил Сеть африканских женщин в области предотвращения конфликтов и посредничества (*FemWise-Africa*) в качестве вспомогательного механизма Коллегии мудрецов в рамках Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ) (Тишков, 2017; Тишков, Харичкин, 2023). Задача Сети — содействовать и расширять роль и участие африканских женщин в предотвращении конфликтов и посредничестве,

в том числе путем укрепления их потенциала в области превентивной дипломатии и медиации (Jones, 2020).

Кроме того, для информирования сторон о назревающем конфликте используются системы раннего предупреждения с помощью индикаторов (Rakita, 1998, p. 539). Эти индикаторы, в свою очередь, используются для разработки механизмов реагирования. Континентальная система раннего предупреждения АС обеспечивает основу для стратегий реагирования на региональном уровне в рамках архитектуры мира и безопасности АС, работая в тандеме с превентивной дипломатией.

Аналогичным образом Консультативный совет по вопросам женщин, мира и безопасности (*Women, Peace and Security, WPS*) в регионе Великих озер признан главами государств региона ключевым органом, способствующим эффективному участию женщин и девочек в миростроительстве и экономическом развитии. Важность повестки WPS дополнительно отражена в «Стратегии ООН по укреплению мира, предотвращению и урегулированию конфликтов в регионе Великих озер» (14 октября 2020 г.) («Стратегия ООН»), которая широко представлена на континенте под руководством Руководящего комитета *FemWise-Africa*. Секретариат осуществил первые шаги по разработке рамочной программы, которая будет направлять предполагаемый процесс децентрализации, в результате которого Сеть африканских женщин в области предотвращения конфликтов и посредничества будет введена в действие на региональном и национальном уровнях. Это позволит участникам на этих уровнях опираться на свое географическое положение и глубокое понимание движущих сил конфликта, чтобы более эффективно вмешиваться в те специфические типы конфликтов, с которыми они сталкиваются¹¹.

¹⁰ United Nations Resolution 1325 (2000) Adopted by the Security Council at its 4213th Meeting, on 31 October 2000 // The United Nations. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1325\(2000\)](https://undocs.org/en/S/RES/1325(2000)) (accessed: 10.02.2025). См. также: (Puechguirbal, 2010).

¹¹ Vern C. Institutionalizing Women, Peace, and Security: Lessons Learned from FemWise-Africa // ANCIP Policy Brief. 2024. No. 1. P. 1–9. URL: https://ancip-project.de/wp-content/uploads/2024/11/2024-11_ANCIP-Policy-Brief_no1_CVern.pdf (accessed: 12.02.2025).

Женщины в переговорных процессах

Конфликты в обществе возникают из-за несоответствия целей, ценностей и потребностей различных групп этого общества, что в совокупности формирует конфликтные ситуации. В зависимости от характера этих разногласий стороны могут либо вступать в переговоры, либо воздерживаться от них. Например, группа М23 в ДРК ранее участвовала в переговорном процессе, пока не вышла из него в 2013 г., заявив, что их цели были подорваны. В этом случае содержательные вопросы, поднятые ими, такие как насильственное вытеснение людей с востока ДРК, превратились в ключевой и спорный пункт, когда М23 было предписано вернуться в соседнюю Руанду, с которой их объединяет этническая идентичность. Эти проблемы хорошо известны в обществе и затрагивают как женщин, так и мужчин. Таким образом, переговорщики выдвигают и акцентируют ключевые содержательные вопросы до начала и в ходе переговорного процесса; в их обязанности входит определение лидера или группы лидеров, которые будут направлять переговоры и формулировать цели, ценности и потребности сторон. Кроме того, они отвечают за процедурные аспекты: организацию переговорного процесса, формирование переговорной команды, выбор форматов объединения и разведения вопросов, а также структурирование повестки переговоров.

Переговорщик должен обладать необходимыми компетенциями на всех этапах переговоров, при этом на разных стадиях могут привлекаться разные переговорщики (Kiamba, 2010). Это потенциально расширяет возможности участия женщин как в роли ведущих переговорщиков, так и в составе переговорных команд. Этапы переговоров

включают работу с прорывными решениями, поворотными моментами и реализацией отдельных положений мирного соглашения. Наиболее распространенным этапом, в котором участвуют женщины, является реализация мирных соглашений. Следует, однако, отметить, что этот этап включает постконфликтную деятельность по построению мира, в которую женщины вовлекаются активнее, хотя их роль при этом все равно остается ограниченной (Tidblad-Lundholm, 2020).

Процесс медиации

Согласно п. 1 ст. 33 Устава ООН (Глава VI: Мирное разрешение споров), медиация названа одним из мирных средств урегулирования международных споров наряду с арбитражем и судебным разбирательством¹². Медиацию принято относить к политико-дипломатическим (неюридическим) методам урегулирования в отличие от арбитража и судебного разбирательства, нацеленных на выработку юридически обязательных решений. Процесс медиации может включать вмешательство внутренних или внешних посредников, а также беспристрастных или аффилированных с одной из сторон медиаторов. Внутренние медиаторы — это лица, непосредственно участвующие в конфликте. Они могут выступать в качестве добровольцев или быть приглашены для участия в медиации. Например, бывший президент Республики Кения Ухуру Кениата был приглашен Восточноафриканским сообществом (ВАС) и Сообществом развития Юга Африки (САДК) в качестве медиатора в мирном процессе по урегулированию конфликта в восточной части ДРК¹³.

Стороны конфликта могут также отклонить кандидатуры медиаторов или разрешить участие в качестве медиаторов

¹² См. ст. 33 Устава ООН: The United Nations Charter (Full Text) // The United Nations. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 28.02.2025).

¹³ African Regional Blocs Appoint Mediators over Crisis in DR Congo // Xinhua. February 25, 2025. URL: <https://english.news.cn/africa/20250225/eb5b98f652884012a826e18436db01f0/c.html> (accessed: 10.04.2025).

государственным деятелям, негосударственным субъектам, таким как Римская Католическая церковь или региональные организации, а также международно признанным лицам. Картирование конфликта позволяет медиатору выявить и пригласить к участию в процессе тех акторов, которые были из него исключены, а также сформулировать и вывести на передний план ключевые вопросы, лежащие в основе конфликта. Медиатор, как и переговорщик, участвует в различных этапах организации мирного процесса.

Медиация осуществляется параллельно с переговорным процессом. И, как и переговорщики, медиаторы могут меняться по просьбе сторон. Участники переговоров могут воспринимать медиатора как предвзятого или беспристрастного по отношению к сторонам конфликта. Предвзятый медиатор занимает пристрастную позицию по отношению к одной или нескольким сторонам конфликта. Бывают случаи, когда стороны заявляют, что медиатор содействует им в получении больших выгод от процесса медиации. В этом случае медиатор проявляет заинтересованность в исходе мирного процесса для одной из сторон и в результатах урегулирования в целом. В некоторых случаях стороны осознают предвзятость и приветствуют ее, поскольку это дает им возможность использовать медиатора для оказания давления на оппонента. Беспристрастность характеризует медиатора, у которого нет предпочтительной стороны в конфликте, однако он может быть заинтересован, например, в успешном исходе процесса медиации¹⁴. Беспристрастность также может указывать на то, что медиатор не изучил

конфликт и не знает всех сторон и аспектов противостояния.

Женщинам-медиаторам необходимо определить, какой тип медиации они могут осуществлять наиболее эффективно, чтобы добиться положительных результатов в процессе медиации¹⁵. Помимо определения типа медиации, который они выберут, важно обеспечить женщинам поддержку на протяжении всего процесса, которая включала бы финансовую помощь, а также содействие со стороны правительств и субрегиональных организаций в облегчении различных аспектов медиации.

В таблице обобщены данные об участии женщин в посреднической деятельности, и это позволяет установить, что в настоящее время женщины занимают 14 из 49 руководящих должностей в миссиях ООН, связанных с посредничеством, что составляет 28,6 % от общего числа. С одной стороны, медленный рост числа женщин в сфере посредничества отражает медленные темпы прогресса в реализации обещания ООН увеличить число женщин на руководящих должностях в ООН. С другой стороны, такой показатель демонстрирует значительный рост по сравнению с 1990-ми или началом 2000-х гг. Например, в 2005 г. только 4 женщины (6,5 %) занимали руководящие должности, связанные с миротворческой деятельностью, а в 2013 г. их насчитывалось 10 (14 %)¹⁶. В настоящее время наблюдается небольшая тенденция к увеличению числа женщин на руководящих должностях в ООН, связанных с посредничеством и содействием. Это может привести к более эффективным и успешным мирным договорам (Krause, Krause & Bränfors, 2018), в том числе посредством диалога с женщинами-лидерами гражданского общества.

¹⁴ Palmiano J. Fighting Feminist Fatigue: Women and Peace Negotiations. Working Paper 2. Bern: swisspeace, 2014. URL: https://www.swisspeace.ch/assets/publications/downloads/Working-Papers/61072325e8/Fighting-Feminist-Fatigue-Women-and-Peace-Negotiations-Working-Paper-14-swisspeace-julia_palmiano.pdf (accessed: 10.04.2025).

¹⁵ Women Mediators: Bridging the Peace Gap. Report // Conciliation Resources. 2020. P. 4–18. URL: https://wmc.contentfiles.net/media/documents/Women_Mediators_Bridging_The_Peace_Gap.pdf (accessed: 01.02.2025).

¹⁶ Women in Conflict Mediation: Why It Matters // IPI Issue Brief. September 2013. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/ipi_e_pub_women_in_conflict_med.pdf (accessed: 19.05.2025).

Женщины на руководящих должностях в ООН по посредничеству, 2021–2025 гг.

Имя и национальность	Должность	Миссия ООН / страна	Год назначения
Джули Бишоп (Австралия)	Специальный посланник Генерального секретаря по Мьянме	Мьянма	2024
Наджат Рошди (Марокко)	Заместитель специального посланника по Сирии	Сирия	2022
Мария Исабель Сальвадор (Эквадор)	Специальный представитель Генерального секретаря по Гаити и глава Объединенного отделения Организации Объединенных Наций в Гаити	Объединенное отделение Организации Объединенных Наций в Гаити (BINUH)	2023
Валентин Ругвабиза (Руанда)	Специальный представитель Генерального секретаря по Центральноафриканской Республике и глава Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Центральноафриканской Республике	Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА)	2022
Бинту Кейта (Гвинея)	Специальный представитель Генерального секретаря в Демократической Республике Конго и глава Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго	Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МОНУСКО)	2021
Роза Исаковна Отунбаева (Кыргызстан)	Специальный представитель Генерального секретаря по Афганистану и глава Миссии Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану	Миссия Организации Объединенных Наций по содействию Афганистану (UNAMA)	2022
Анита Асма (Гана)	Глава миссии и командующий силами	Силы ООН по наблюдению за разъединением (UNDOF)	2024
Каролина Зиаде (Ливан)	Специальный представитель Генерального секретаря по Косово и глава Временной администрации Организации Объединенных Наций в Косово	Временная администрация Организации Объединенных Наций в Косово (UNMIK)	2021
Анита Кики Гбехо (Гана)	Заместитель специального представителя Генерального секретаря, постоянный представитель и координатор по гуманитарным вопросам	Миссия Организации Объединенных Наций в Южном Судане (UNMISS)	2023
Барри Фриман (США)	Заместитель специального представителя по Западной Африке и Сахелю	Управление Организации Объединенных Наций по Западной Африке и Сахелю (УНВАС)	2024
Сигрид Кааг (Нидерланды)	Специальный координатор ближневосточного мирного процесса и личный представитель Генерального секретаря при Организации освобождения Палестины и Палестинской автономии (СКО ООН)	Офис Специального координатора Организации Объединенных Наций по ближневосточному мирному процессу (СКО ООН)	2025
Жанин Хеннис-Пласшерт (Нидерланды)	Специальный координатор по Ливану, Управление Специального координатора Организации Объединенных Наций по Ливану	Ливан	2024
Ханна Серваа Тетте (Гана)	Специальный представитель по Ливии и глава Миссии ООН по поддержке в Ливии (UNSMIL)	Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке в Ливии (UNSMIL)	2025
Аиса Кирабо Касира (Руанда)	Глава Управления ООН по поддержке в Сомали (UNSOS)	Управление Организации Объединенных Наций по поддержке в Сомали (UNSOS)	2023

Источник: составлено А. Киамбой и С.А. Бокерией по данным: Leadership Team — Leadership by Entity // The United Nations. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/global-leadership> (accessed: 10.05.2025).

Содействие женщинам в медиации и переговорном процессе

Женщинам, участвующим в посредничестве и переговорах, необходимо понимать сложность конфликта в регионе. Например, урегулирование конфликта в ДРК требует понимания самого конфликта, в котором участвуют разные стороны, однако две из них — Демократические силы освобождения Руанды (*Forces démocratiques de libération du Rwanda*, FDLR) и M23 — более активно вовлечены в конфликт. Посредничество и переговоры требуют составления списка, включающего все стороны конфликта, а также их союзников и сторонников (Jeong, 2008), которые, как правило, предвзяты. Далее этот список анализируется с точки зрения того, как те или иные участники влияют на ход конфликта. Интернационализация конфликта выражается, в частности, в появлении потоков беженцев и внутренне перемещенных лиц, активном участии СМИ, а также во вмешательстве военных и вооруженных групп. Каждый из этих акторов преследует собственные интересы и действует в защиту своих союзников (Samset, 2002).

Женщины более восприимчивы к последствиям интернационализированных конфликтов. Они также одними из первых становятся внутренне перемещенными лицами или подвергаются преследованиям. В этой связи женщины как посредники и переговорщицы играют важную роль в содействии миру в эпицентре конфликта. Поскольку женщины во всех условиях чаще наблюдают конфликты и переживают их, важно расширить их возможности для участия в разработке стратегий реагирования. Эти стратегии могут быть расширены до диалога и далее до официальных процессов, в которых женщины будут

выступать в качестве переговорщиков или посредников. Однако необходимо обеспечить, чтобы, как и мужчины, женщины имели возможность развивать и совершенствовать навыки ведения переговоров и посредничества в конфликтах в районе Великих озер.

Для того чтобы женщины могли эффективно выступать в роли посредников и переговорщиков, необходимы целенаправленные меры, обеспечивающие их надлежащую подготовку и наличие необходимых навыков; женщины должны быть осведомлены о текущих переговорных и посреднических усилиях в регионе и развивать навыки выявления конфликтов и процесса их урегулирования¹⁷. Также важно понимать цикл конфликта и подходящее время для вмешательства (Zartman, 2000).

Понимание текущего состояния конфликта, включая различные вовлеченные вооруженные группы, облегчает демонстрацию потенциальной роли женщин-посредников в поддержании устойчивого мира. Выше была продемонстрирована необходимость активного участия женщин-посредников в различных процессах медиации. Также необходимо подчеркнуть, что женщины на местном (низовом) уровне играют важную роль не только в определении сторон и причин конфликта, но и в переговорах и медиации. В этой связи женщинам-посредникам необходима поддержка в решении проблемы сексуального насилия в конфликтах в районе Великих озер (рис.).

Как показано на графике, в 2017–2023 гг. большое количество женщин и девочек подверглось физическому и сексуальному насилию в странах Великих озер. Несмотря на фрагментарность статистики, собранной из различных источников (Всемирная организация здравоохранения, CARE International, Международный центр исследований женщин), важно отметить, что в 2021 г. в ДРК¹⁸

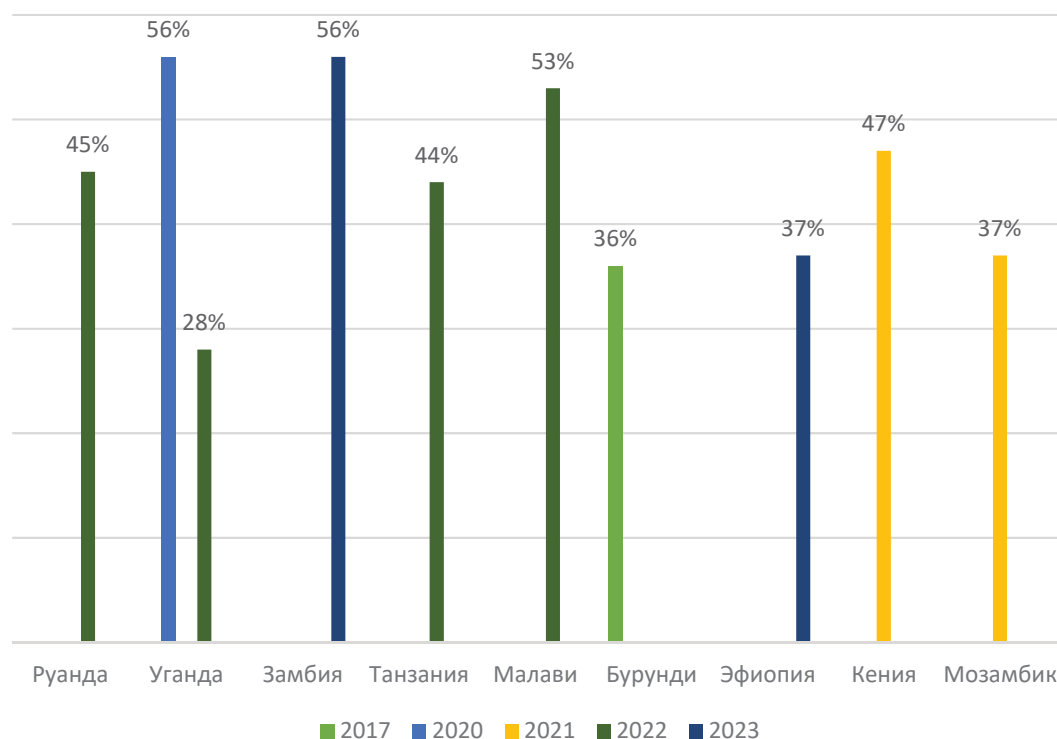
¹⁷ Saevarsson K., Desmidt S., Apiko Ph. Women and Mediation in Africa under the APSA and the AGA // ECDPM. December 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/332178360_Women_and_mediation_in_Africa_under_the_APSA_and_the_AGA (accessed: 10.03.2025).

¹⁸ В данном случае ДРК не включена в диаграмму, поскольку полученные статистические данные представлены в виде количества случаев насилия, а не процента пострадавших женщин и девочек, как в других странах. Поскольку ДРК является объектом данного исследования, ситуация в этой стране будет рассмотрена ниже.

выявлено 40 000 зарегистрированных случаев насилия над женщинами, а в 2022 г. в ДРК было зафиксировано уже 78 000 случаев насилия. В 2023 г. число насильственных действий над женщинами в ДРК выросло до 123 000 случаев¹⁹.

Как отмечено в докладе Генерального секретаря ООН S/2024/278, восточная часть Демократической Республики Конго в настоящее время является одним из самых опасных мест для женщин и девочек в мире. В районе Великих озер переполненные лагеря вокруг Гомы часто не имеют освещения и надлежащих санитарных условий, а меры безопасности минимальны, поэтому женщины и девочки сталкиваются с ужасающими

масштабами насилия, о которых свидетельствует рост числа зарегистрированных случаев гендерного насилия с 40 000 в 2021 г. до 123 000 в 2023 г., то есть более чем на 300 % (!), и эта цифра продолжает расти²⁰. В то же время преднамеренное занижение данных и ограниченные ресурсы для оказания помощи пострадавшим приводят к тому, что реальная статистика намного выше. Нет сомнений в том, что имеющиеся данные свидетельствуют о прямой корреляции между гендерным насилием и эскалацией конфликта (Зверев, 2017). В частности, две трети всех случаев происходят в трех восточных провинциях: Северный Киву, Южный Киву и Итури²¹.

Сексуальное и гендерное насилие в странах региона Великих озер в 2017–2023 гг.

Источник: составлено А. Киамбой и С.А. Бокерией по данным: (Stella Shulika & Wongibeh Adunimay, 2024).

¹⁹ UN Official Highlights Plights of Women, Girls in Eastern DRC // Xinhua. April 25, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240425/2c3dd4279dab461681e160e2504e2f2e/c.html> (accessed: 12.02.2025).

²⁰ Report of the Secretary-General on the Implementation of the Peace, Security and Cooperation Framework for the Democratic Republic of the Congo and the Region (S/2024/278) // The United Nations. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n24/112/10/pdf/n2411210.pdf> (accessed: 17.05.2025).

²¹ UN Official Highlights Plights of Women, Girls in Eastern DRC // Xinhua. April 25, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240425/2c3dd4279dab461681e160e2504e2f2e/c.html> (accessed: 12.02.2025).

В этом контексте важно учитывать тот факт, что помимо зарегистрированных случаев и статистики по пострадавшим, существуют насильственные инциденты, которые остаются незарегистрированными из-за страха жертвы быть подвергнутой изоляции, стигматизации, мести и отвержению со стороны общества, а также вследствие удручающе негативной культуры безнаказанности для виновников.

Международная реакция на эту ситуацию не привела к значимым позитивным изменениям. Гуманитарный план реагирования Демократической Республики Конго на 2023 г. был профинансирован лишь на 40 %, при этом Соединенные Штаты, крупнейший донор ДРК, внесли более половины этой суммы. Из 2,58 млрд долл. США, которая была запрошена ООН, в 2024 г. было выделено лишь 393 млн долл. США, что составляет примерно 15 % от требуемого объема финансирования²². ООН неоднократно призвала страны, которым небезразлична судьба Демократической Республики Конго, оказать финансовую поддержку в рамках решения этой гуманитарной проблемы. Однако одной лишь финансовой гуманитарной помощи будет недостаточно. Крайне важно, чтобы вооруженные группы и те, кто их поддерживает, немедленно прекратили боевые действия, соблюдая международное гуманитарное право и права человека, обеспечив беспрепятственный гуманитарный доступ к нуждающимся в помощи.

В этой связи важно подчеркнуть роли и ожидания переговорщиков и медиаторов в процессе медиации. В частности, женщинам-переговорщикам и медиаторам необходима поддержка посредством расширения их прав и возможностей для успешного завершения медиационных процессов. Успешный результат включает итоги различных этапов переговоров и медиации, каждый из которых посвящен тем или иным процедурным и содержательным вопросам (Kiamba, 2010). Помимо расширения прав и возможностей

отдельных лиц для поддержки мирных процессов важно координировать механизмы, используемые для достижения успешных результатов медиации. Например, решающую роль в медиационных процессах могут играть потенциал многосторонних институтов, привлекаемых к процессу урегулирования конфликта, или внешние акторы.

Диалог обеспечивает согласование позиций сторон конфликта в спорных вопросах и решает проблему взаимного восприятия участников конфликта. Медиатор должен обеспечить участие всех сторон в этом процессе. Континентальные и региональные системы раннего предупреждения о конфликтах продемонстрировали свою важность для предотвращения конфликтов, особенно в рамках превентивной дипломатии. В качестве медиаторов женщины могут определять и расставлять приоритеты в отношении региональных показателей, которые позволяют выявлять, предотвращать и/или управлять очагами конфликтов в районе Великих озер (Kiamba, 2010).

Геополитика в районе Великих озер

Поддержка вооруженных групп, вмешательство внерегиональных акторов и перемещение населения привели к эскалации напряженности и конфликта в ДРК (Flahaux & de Naas, 2016). В этой стране насчитывается более ста вооруженных групп и еще более ста группировок ополченцев. Правительство ДРК не обладает возможностью объединить страну с помощью армии или путем переговоров с различными группами. Помимо неспособности контролировать различные вооруженные группы на своей территории существует также проблема внешней поддержки (в том числе в виде военной помощи) для некоторых из этих групп. Внерегиональная поддержка также осуществляется в форме поставок стрелкового оружия в обмен на доступ к ресурсам. Ополченцы и вооруженные группы претендуют на регионы, где располагаются

²² UN Official Highlights of Women, Girls in Eastern DRC // Xinhua. April 25, 2024. URL: <https://english.news.cn/20240425/2c3dd4279dab461681e160e2504e2f2e/c.html> (accessed: 12.02.2025)..

месторождения минеральных ресурсов. Это внешнее влияние и вмешательство провоцирует затягивание конфликта в ДРК, который носит насильственный характер и приводит к перемещению населения (Бокерия, Худайкулова, 2023).

Рост числа внутренне перемещенных лиц и беженцев привел к распространению конфликта за пределы государственных границ ДРК. Соседние страны, используя предлог необходимости предотвращать угрозы собственной национальной безопасности, вмешались в конфликт. В этом контексте перемещенные лица могут рассматриваться как фактор давления на общества принимающих государств, что, в свою очередь, приводит к интернационализации конголезского внутреннего конфликта.

Исходя из приведенного выше описания геополитики в регионе, к ранним предупреждающим индикаторам конфликтов относятся:

- нарушения прав человека;
- этническая нетерпимость;
- отсутствие безопасности и политическая нестабильность;
- присутствие вооруженных групп;
- неэффективное управление ресурсами и экономическая отсталость.

Для успешной превентивной дипломатии крайне важно выявить эти индикаторы. Конфликт в ДРК сопровождался нарушениями прав человека и этнической нетерпимостью (Бокерия, Махапа, Киамба, 2024). Группа М23 заявляет, что права человека жителей восточной части ДРК систематически нарушаются, и обвиняет правительство в сотрудничестве с Демократическими силами освобождения Руанды, еще одной вовлеченной в конфликт вооруженной группировкой, с целью вытеснения М23 с контролируемых

территорий на востоке страны. В ответ представители правительства нередко подчеркивают связи части членов М23 с Руандой и настаивают на их возвращении на территорию этой страны²³. На этом фоне М23 продолжает утверждать, что многие ее бойцы и сторонники являются законными гражданами ДРК, несмотря на свое этническое происхождение (тутси)²⁴.

Превентивная дипломатия в данном контексте предполагает выстраивание механизмов диалога и доверия между правительством и затронутыми сообществами, включая обеспечение того, чтобы члены М23, разоруженные боевики и жители восточных провинций могли чувствовать себя в безопасности и быть защищенными от преследований. До настоящего времени значительная часть субрегиональных инициатив по урегулированию конфликта в восточной части ДРК декларируется как направленная на защиту гражданского населения и может быть проанализирована через призму концепции «ответственности за защиту» (*Responsibility to Protect*), хотя мотивация и эффективность данных инициатив остаются предметом дискуссий.

Небезопасность и нестабильность в ДРК обусловлены отсутствием политической доброй воли за пределами столицы Киншасы, где имеет место вакуум власти, способствующий появлению множества ополчений и вооруженных группировок, часть из которых стремится к разделению власти с правительством. Военные силы ДРК и военная помощь союзников оказались недостаточными. Превентивная дипломатия и поддержка правительства в реализации мирных соглашений потерпели неудачу, еще больше затянув конфликт²⁵.

Сменявшие друг друга правительства ДРК неэффективно управляли ресурсами

²³ Long N. DR Congo, Rwanda Agree on 'Partial Solution' to M23 Rebellion // ReliefWeb. July 16, 2012. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/dr-congo-rwanda-agree-partial-solution-m23-rebellion> (accessed: 12.02.2025).

²⁴ Chibelushi W., Bikorimana D. How DR Congo's Tutsis Become Foreigners in Their Own Country // BBC News. February 22, 2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c9d5zqg3228o> (accessed: 22.03.2025).

²⁵ Paffenholz T. Beyond the Normative: Can Women's Inclusion Really Make Better Peace Processes? Policy Brief. Geneva : The Centre on Conflict, Development and Peacebuilding, 2015.

и не смогли преодолеть социально-экономическую и политическую отсталость страны. Внешние субъекты, включая соседние государства и транснациональные корпорации, продолжают добывать ресурсы в ДРК, в то время как многие местные общины лишены доступа к основным услугам и возможностям трудоустройства. Конкуренция за богатые ресурсами районы между внешними силами и конголезскими государственными и негосударственными группами усугубляется слабыми и плохо функционирующими механизмами управления, регулирующими добычу ресурсов. В результате различные конголезские вооруженные группы — а иногда и части национальной армии — милитаризовали богатые ресурсами регионы, чтобы получать прибыль от сделок с внешними субъектами, которые со своей стороны часто обеспечивают свою добывающую деятельность, используя как государственные силы безопасности, так и частные охранные компании и даже наемников²⁶.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, хотя женщины в регионе Великих озер внесли значительный вклад в посредничество и разрешение конфликтов, их усилия часто недофинансируются и недостаточно представлены в официальных мирных процессах. Многое еще предстоит сделать для обеспечения их полного участия в урегулировании конфликтов. Необходимость расширения прав и возможностей женщин в переговорах и посредничестве вытекает из рекомендаций резолюции СБ ООН 1325 (2000). Поскольку навыки ведения переговоров и посредничества являются приобретенными, а не врожденными, опытные участники мирных процессов и усилий

по урегулированию конфликтов могут оказывать наставническую помощь другим.

Во-вторых, ухудшение ситуации в сфере безопасности и гуманитарный кризис оказывают разрушительное воздействие на женщин в регионе Великих озер. В частности, в лагерях для внутренне перемещенных лиц и вокруг них участились случаи сексуального насилия. Привлечение к ответственности должно стать приоритетом наряду со смягчением гуманитарных рисков, особенно на востоке Демократической Республики Конго.

В-третьих, помимо диалога между конфликтующими сторонами системы раннего предупреждения конфликтов помогают женщинам-переговорщикам и посредникам лучше понимать циклы конфликтов и механизмы использования индикаторов раннего предупреждения в превентивной дипломатии. Эти навыки дают важное преимущество при посредничестве в конфликтах как на ранних, так и на более поздних стадиях этого процесса.

В-четвертых, роль женщин в конфликтах и восстановлении требует от сторон расширения прав и возможностей женщин в посредничестве и переговорах. Назначение женщин в регионе Великих озер на руководящие должности в сфере посредничества и содействия урегулированию конфликтов помогло бы глубже изучить влияние женщин на мирные процессы, обогатить посредничество новыми стилями и опытом, а также более эффективно бороться с гендерным насилием, поскольку женщины, пережившие насилие, больше доверяют женщинам в военной форме, чем мужчинам-миротворцам во время расследований и сбора информации.

Как показывают исследования, наличие женщин на руководящих позициях в структурах ООН, занимающихся посредничеством, создает дополнительные возможности для практической реализации ключевых положений резолюции СБ ООН 1325 «Женщины,

²⁶ Mier y Teran A. Who Profits from Conflict in the Democratic Republic of the Congo? // Universidad de Navarra. May 15, 2025. URL: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/who-profits-from-conflict-in-the-dr-congo> (accessed: 10.06.2025).

мир и безопасность» на разных этапах мирных процессов. Вместе с тем среди направлений, требующих дальнейшей и более системной реализации, следует выделить выработку долгосрочных решений проблемы вынужденного перемещения — как для внутренне перемещенных лиц, так и для беженцев.

Наконец, женщины играют решающую роль в содействии диалогу, а также в анализе ранних предупреждений о сексуальном и гендерном насилии, что можно дополнительно подчеркнуть как существенный вопрос, который необходимо включать в повестку процедур посредничества и переговоров.

Поступила в редакцию / Received: 30.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Бокерия С.А., Худайкулова А.В.* Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 3. С. 435–450. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450>; EDN: FSUGUV
- Бокерия С.А., Махана М., Куамба А.* Стратегии миротворчества и роль Руанды в конфликте в Демократической Республике Конго // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2024. Т. 24, № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-606-615>; EDN: МСУИРР
- Зверев П.Г.* Женщины в голубых касках: к вопросу о гендерном равенстве в миротворческих операциях ООН // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2017. № 1. С. 61–64. EDN: УНЕНХТ
- Слуцкая Л.В.* Основы переговорного процесса. Минск : БГУ, 2012. EDN: JRFATF
- Тишков С.А.* Проблемы участия Африканского союза в полицейском миротворчестве в Дарфуре // *Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций / отв. ред. С.В. Костелянец, А.А. Ткаченко.* Москва : Институт Африки РАН, 2017. С. 78–87. EDN: ZCXVNP
- Тишков С.А., Харичкин И.К.* Гендерная перспектива в полицейском миротворчестве ООН // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-7-19>; EDN: UORIFR
- Burton J.W.* *World Society.* Cambridge : Cambridge University Press, 1972. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521669>
- De la Rey C., McKay S.* Peacebuilding as a Gendered Process // *Journal of Social Issues.* 2006. Vol. 62, iss. 1. P. 141–153. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2006.00443.x>
- Flahaux M.L., de Haas H.* African Migration: Trends, Patterns, Drivers // *Comparative Migration Studies.* 2016. Vol. 4. P. 1–25. <https://doi.org/10.1186/s40878-015-0015-6>; EDN: GEXEBY
- Jeong H.W.* *Understanding Conflict and Conflict Analysis.* London: SAGE Publications, 2008. <https://doi.org/10.4135/9781446279366>; EDN: WPFZVV
- Jones P.* Track Two Diplomacy: The Way Forward // *International Negotiation.* 2020. Vol. 26, no. 1. P. 151–156. <https://doi.org/10.1163/15718069-BJA10022>; EDN: NNVPUP
- Kiamba A.* *Negotiation Leaders in Internal Conflicts in the Intergovernmental Authority on Development (IGAD) Region [thesis].* Nairobi : University of Nairobi, 2010.
- Krause J., Krause W., Bränfors P.* Women’s Participation in Peace Negotiations and the Durability of Peace // *International Interactions.* 2018. Vol. 44, no. 6. P. 985–1016. <https://doi.org/10.1080/03050629.2018.1492386>
- Naraghi Anderlini S.* *Women Building Peace : What They Do, Why It Matters.* Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2007.
- Puechguirbal N.* Discourses on Gender, Patriarchy and Resolution 1325: A Textual Analysis of UN Documents // *International Peacekeeping.* 2010. Vol. 17, no. 2. P. 172–187. <https://doi.org/10.1080/13533311003625068>
- Rakita S.* Early Warning as a Tool of Conflict Prevention // *New York University Journal of International Law and Politics.* 1998. Vol. 30, iss. 3–4. P. 539–588.
- Samset I.* Conflict of Interests or Interests in Conflict? Diamonds & War in the DRC // *Review of African Political Economy.* 2002. Vol. 29, iss. 93–94. P. 463–480. <https://doi.org/10.1080/03056240208704633>; EDN: DWFWFX

- Stella Shulika L., Wongibeh Adunimay A.* Addressing Sexual Gender-Based Violence in the Great Lakes Region: Insights from the International Conference on the Great Lakes Region // *African Journal of Gender, Society and Development*. 2024. Vol. 13, iss. 2. P. 201–226. <https://doi.org/10.31920/2634-3622/2024/v13n2a10>; EDN: BLEFNG
- Tidblad-Lundholm K.* When Are Women Deployed? Operational Uncertainty and Deployment of Female Personnel to UN Peacekeeping // *International Peacekeeping*. 2020. Vol. 27, iss. 4. P. 673–702. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1760717>; EDN: WWOVZD
- Tripp A.M.* Introduction: The Gendering of Peacebuilding in Africa // *Women and Peacebuilding in Africa* / ed. by L. Affi, L. Tønnessen, A.M. Tripp. Rochester, NY : Boydell & Brewer, 2021. P. 1–28. <https://doi.org/10.1017/9781800102705.001>
- Väyrynen T.* Gender and Peacebuilding // *Palgrave Advances in Peacebuilding* / ed. by O.P. Richmond. London : Palgrave Macmillan, 2010. P. 137–153. https://doi.org/10.1057/9780230282681_8
- Zartman I.W.* Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond // *International Conflict Resolution after the Cold War* / ed. by P. Stern, D. Druckman. Washington, D.C. : National Academy Press, 2000. P. 225–250. URL: <https://www.nationalacademies.org/read/9897/chapter/7> (accessed: 12.02.2025).

Сведения об авторах:

Киамба Аниита — PhD (международные исследования), старший преподаватель кафедры дипломатии и международных исследований, Университет Найроби; Республика Кения, 30197–00100, г. Найроби, ул. Юниверсити вей; ORCID: 0009-0008-3474-3861; e-mail: akiamba@uonbi.ac.ke

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 3806-0961; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175

EDN: SPDKCE

Научная статья / Research article

Конфликтогенный потенциал международной политики: медиагеографический анализ европейского ментального пространства

Т. С. Якова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ t-yakova@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты медиагеографического исследования европейского ментального пространства. Теоретико-методический инструментарий медиагеографии как нового направления в гуманитарных исследованиях адаптирован автором для изучения ментальных ландшафтов разных стран, трансформирующихся в условиях цифровой реальности и медиатизации всех сфер общественной жизни. В фокусе исследования — анализ интересов европейцев к области международных отношений. Эмпирическую базу исследования составила статистика запросов интернет-пользователей европейских стран по темам, содержательно связанным с международной политикой. Методология исследования строилась на основе имплементации разных методов (рангового анализа, факторного анализа, кластерного анализа) в пространственно-временную систему координат. Ранговый анализ показал, какие темы международной политики и в какой тональности интересуют европейцев больше всего. Факторный анализ дал возможность составить представления об интернет-поведении резидентов европейских стран, определить несколько компонентов, характеризующих сходства и различия в реакциях интернет-пользователей, и выделить группы стран по сближающим или разъединяющим их характеристикам. По итогам анализа выявлены факторы, иллюстрирующие поведение интернет-пользователей разных европейских государств в отношении событий и процессов в международном поле. Кластерный анализ проиллюстрировал сходства и различия реакций европейцев на потенциальные международные конфликты. Результаты исследования позволили сформулировать несколько выводов, позволяющих классифицировать европейские страны по приоритетам реагирования на актуальные международные конфликты и кризисы: первая группа включает Швецию, Францию, Великобританию, Бельгию и Испанию, интересы интернет-аудиторий которых ориентированы на палестино-израильский конфликт; вторую группу составили Сербия, Финляндия, Чехия и Венгрия с фокусом на политические процессы с участием России. Интерпретация полученных результатов дает возможность сформировать представления о конфликтогенных зонах на европейском ментальном ландшафте и векторах его трансформации в контексте международных отношений, что может стать основой для прогнозирования социального поведения населения европейских стран и характера реагирования европейцев на международную политику.

Ключевые слова: международные отношения, ментальный ландшафт, европейские страны, международные конфликты, ранговый анализ, факторный анализ, кластерный анализ

© Якова Т. С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Якова Т.С. Конфликтогенный потенциал международной политики: медиагеографический анализ европейского ментального пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 165–175. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175>; EDN: SPDKCE

The Conflict Potential of International Politics: A Media Geographical Research of the European Mental Space

Tamara S. Yakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ t-yakova@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a media geographic research of the European mental space. The theoretical and methodological tools of media geography as a new direction in humanitarian research are adapted by the author to study the mental landscapes of different countries that are transforming in the context of digital reality and the mediatization of all spheres of public life. This study focuses on analyzing Europeans' interests in the field of international relations. The empirical basis of the study is the statistics of Internet users' requests in European countries on topics substantively related to international politics. The research methodology involved implementing different methods (rank analysis, factor analysis, cluster analysis) in a space-time coordinate system. Rank analysis revealed which topics of international politics Europeans are most interested in, and how they feel about them. Based on the study results, several factors were identified that characterize the Internet users' behavior of different European countries in relation to events and processes in the international field. Cluster analysis illustrated the similarities and differences in Europeans' reactions to potential international conflicts. The study's findings enabled us to draw several conclusions that classify European countries according to their priorities when reacting to current international crises: the first group includes Sweden, France, Great Britain, Belgium and Spain, whose Internet audiences are focused on the Palestinian-Israeli conflict; the second group consists of Serbia, Finland, the Czech Republic and Hungary, with a focus on political processes involving Russia. Interpretation of the obtained results makes it possible to form ideas about conflict zones in the European mental landscape in the context of international relations, which can become the basis for predicting the social behavior of the population of European countries and the nature of Europeans' response to international politics.

Key words: international relations, mental landscape, European countries, international conflicts, rank analysis, factor analysis, cluster analysis

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Yakova, T.S. (2026). The conflict potential of international politics: A media geographical research of the European mental space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 165–175. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175>; EDN: SPDKCE

Введение

Современный период истории человечества характеризуется возросшей турбулентностью в международных отношениях. Все чаще на уровне руководства государств

выдвигаются требования демократизации международной жизни, формирования нового мирового порядка, обновления международных организаций. Международные конфликты и кризисы последних лет свидетельствуют об ускоряющихся процессах

распада единого политического, экономического и информационного пространства. Аналитики Международного института стратегических исследований (IISS) в отчете за 2023 г. указали, что политические лидеры снова стали разделять заблуждения столетней давности, когда государственные деятели рассматривали вооруженный конфликт «как полезный инструмент политики»¹. Российские эксперты также отмечают, что вооруженный конфликт вновь становится одним из приемлемых инструментов разрешения международных противоречий, способом «решения проблем, к которому ранее прибегали в основном отдельные страны третьего мира...» (Асмолов, Бабаев, 2024, с. 165). В научном дискурсе звучат предложения о необходимости пересмотра международных договоренностей и обсуждения мирового договора, основанного «на взаимном уважении к территориальной целостности и суверенитету друг друга, взаимном обязательстве о ненападении и невмешательстве во внутренние дела, терпимости, равенстве и взаимовыгодном сотрудничестве» (Фриман, 2024).

Мировые массмедиа распространяют информацию о вероятности глобальных столкновений, которые несут угрозу самому существованию человечества. Запросы интернет-пользователей свидетельствуют о росте интереса аудитории мирового интернет-пространства к таким темам, как «третья мировая война», «конфликты», «катастрофы», «кризисы», «ядерный апокалипсис». В этом контексте актуализируется задача исследования ментальных ландшафтов стран мира, формирующихся в условиях цифровой реальности, трансформации международных отношений и медиатизации всех сфер общественной жизни.

Международная политика любой страны (в первую очередь европейских государств) представляет собой в определенном смысле

некий дрейф в координатах многомерного пространства политической практики и времени. Реализацию политики, фиксацию траектории движения субъекта международных отношений в глобальном политическом поле можно связать с использованием потенциалов создания и поддержания конфликтности, равно как и потенциалов сохранения мира, дипломатии и ресурсов предотвращения конфликтов. Конкретика целей при этом определяется национальными интересами государства либо внешними принуждениями того или иного рода, среди которых союзные обязательства, коалиционные интересы, диктат силы, идеологические доктрины, религиозные догматы и проч.

Динамическую структуру международной политики государства, если рассматривать ее как целостную систему, вряд ли можно качественно обрисовать даже по основным контурам, что связано с ее сложностью. Однако сегодня имеется возможность выделить на объективной основе аттракторы, центры притяжения, фокусы такой политики. В условиях медиатизации общественной сферы отдельные фрагменты политики того или иного государства допустимо оцифровывать. Напомним в качестве примера, что страна как объект и субъект экономики статистически описывается многомерно и подробно — от объема валового внутреннего продукта (ВВП) до числа больничных коек на душу населения и проч.

В научных трудах российских и зарубежных авторов в последние годы уделяется внимание прикладному количественному анализу, применяются методы оцифровки некоторых параметров международных отношений и конструируются математические модели для выявления закономерностей в международных процессах (Абаев, 2011; Акаев, 2009; Дегтерев, 2011; 2017). Количественные

¹ Мингазов С. Аналитики заявили о рекордном за 30 лет числе региональных конфликтов в мире // Forbes. 11.12.2023. URL: <https://www.forbes.ru/society/502216-analitiki-iiss-zaavili-o-rekordnom-za-30-let-cisle-regional-nyh-konfliktov-v-mire?ysclid=lzi8hjl6md224154255> (дата обращения: 21.09.2024).

методы и компьютерное моделирование стали частью современных международных исследований (Дегтерев, 2015; Okunev & Zakharova, 2023; Caballero, Lunday & Deckro, 2020; Mearsheimer & Walt, 2013). Разработкам моделей количественной оценки международных отношений путем интеграции различных методов (например, таких, как метод интерпретационного структурного моделирования, модель байесовской сети, алгоритм максимизации ожиданий, метод построения сложных сетей, пространственный анализ и др.), а также сочетания качественных и количественных методов анализа данных посвящены работы российских и зарубежных исследовательских коллективов (Ma et al., 2025; Окунев и др., 2020).

Международная политика в фокусе медиагеографии

В эпоху развития Интернета и цифровизации общества (в том числе формирования цифрового обществоведения (Николайчук, Янглева, Якова, 2023)) осуществимы процедуры дигитализации фактически бесконечного числа характеристик социумов, в том числе показатели интереса индивидуумов к тем или иным аспектам международной политики за любое время (в реальном масштабе времени) и в любой географической локации. На использовании таких возможностей базируются методы и методики медиагеографии (Couldry & McCarthy, 2004; Salovaara-Moring, 2004; *Geographies of Communication...*, 2006; Couldry & Hepp, 2017; Якова, Янглева, 2019; Янглева, 2023), нового для российской гуманитарной науки направления, изучающего медиатизированную общественную сферу в пространственно-временной системе координат.

На основе медиагеографического подхода проведено исследование европейского ментального пространства с целью выявления состояния конфликтности международных отношений. Эмпирической базой для анализа стали *big data* из поисковой системы *Google*.

В рамках данного исследования конфликтогенный потенциал международной политики европейских государств рассматривается как сложный многомерный объект, характеристики которого можно описать интересом, востребованностью информации о том или ином частном аспекте политической практики со стороны интернет-пользователей, локализованных на территории той или иной страны. Ранговый анализ статистики системы *Google* позволил определить популярность интернет-запросов по различным позициям (связанным с темами актуальной международной политики), которые в терминах медиагеографии дают представление о соответствующих морфоскульптурах на ментальном ландшафте² европейских стран (Николайчук, Янглева, Якова, 2018, с. 143–144). Укажем на то обстоятельство, что в нашем случае состав интернет-пользователей, запросы которых попали в выборку для анализа, соотносится в определенной степени с кругом лиц, играющих ту или иную роль в качестве субъектов политического процесса (часть интернет-аудитории, интересующаяся вопросами международной политики).

Исследование проводилось поэтапно с последовательным применением нескольких методов, объединенных медиагеографическим фокусом (акцент на динамику пространственно-временных характеристик объекта исследования): ранговый анализ, факторный анализ и кластерный анализ.

² *Ментальный ландшафт* в медиагеографии — образ мыслей, отношение к каким-либо общественно значимым явлениям и процессам резидентов определенной местности, территории. Это результат трансформации духовного и материального мира человека, общественной идеологии и символов государства. Ментальный ландшафт выступает как смысловой центр в создании иерархии идентичности (национальной, региональной, местной, локальной) и формирует территориальную идентичность. *Смысловые морфоскульптуры* — это специфические морфоскульптуры ментального рельефа, которые соотносятся с различными локальными вариациями состояния и динамики общественного сознания. См.: (Николайчук, Янглева, Якова, 2018, с. 143–144).

На первом этапе анализа статистики запросов из нескольких десятков поисковых позиций, связанных с разными аспектами международной политики европейских государств, были выбраны 18 категорий, представленных в нормализованном виде как темы (слова и словосочетания на разных языках, за которыми стоит одно и то же понятие). Поисковая система *Google* маркирует наиболее популярные запросы как «темы». 18 категорий (из проанализированных 90 слов и словосочетаний, содержательно связанных с международной политикой и отмеченных в сервисе *Google Trends* как «популярные» и «сверхпопулярные») в результате рангового анализа возглавили ранжированный список относительной популярности запросов интернет-пользователей в исследуемых европейских странах и были выбраны для факторного анализа. Названия категорий соответствуют формулировкам запросов европейских интернет-пользователей:

1. Международные организации

- 1.1. Европейский союз (ЕС)
- 1.2. Организация Североатлантического договора (НАТО)
- 1.3. Организация Объединенных Наций (ООН)

2. Ключевые страны

- 2.1. США
- 2.2. Китайская народная Республика (КНР)
- 2.3. Россия

3. Идеологические концепции

- 3.1. Коммунизм
- 3.2. Антисемитизм
- 3.3. Глобализм
- 3.4. Нацизм
- 3.5. Анархизм
- 3.6. Евроатлантизм

4. Конфессии

4.1. Ислам

5. Факторы конфликтогенности

- 5.1. Палестино-израильский конфликт (ПИК)
- 5.2. Европейский миграционный кризис (ЕМК)
- 5.3. Украинский конфликт (УК)³
- 5.4. Инфляция
- 5.5. Третья мировая война (ТМВ)

Для обеспечения симметричности матрицы количественных характеристик в анализ включены 18 европейских стран⁴. Ранговый анализ статистики в сервисе *Google Trends* дал возможность определить уровень интереса интернет-пользователей выбранных стран к каждой теме (относительную популярность) за период с 1 января 2014 г. по 01 октября 2024 г. (табл.).

Числа (баллы) в таблице обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю среди всех стран мира для определенной страны за указанный период времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 0 баллов означает страну, по которой недостаточно данных о рассматриваемом запросе. Баллы рассчитывает система *Google Trends* на основе всех запросов по теме (ключевым словам).

Первичный материал, представленный в таблице, дает возможность для расширенного анализа. Показатель средней относительной популярности проанализированных тем дал возможность определить главные фокусы международной политики совокупности европейских стран, то есть какие темы, характеризующие конфликтогенный потенциал, могут считаться приоритетными в их политической практике.

³ В сервисе *Google Trends* запросы, связанные с темой специальной военной операции на Украине, аккумулируются в категории «российско-украинская война» и «украинский конфликт».

⁴ Для анализа выбраны следующие европейские страны: 1. Австрия; 2. Бельгия; 3. Великобритания; 4. Венгрия; 5. Германия; 6. Греция; 7. Дания; 8. Италия; 9. Испания; 10. Нидерланды; 11. Польша; 12. Португалия; 13. Сербия; 14. Финляндия; 15. Франция; 16. Чехия; 17. Швейцария; 18. Швеция. Выборка проводилась на базе международных рейтингов влияния стран мира. См.: Jones L. Ranked: World's Most Influential Countries, 2024 // Ceoworld. April 4, 2024. URL: <https://ceoworld.biz/2024/04/04/ranked-worlds-most-influential-countries-2024/> (accessed: 22.11.2024); Most Influential Countries // U.S. News. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/most-influential-countries> (accessed: 22.11.2024).

Относительная популярность запросов в сервисе *Google Trends*: матрица исходных данных

Страны	Категории																	
	1.1	1.2	1.3	2.1	2.2	2.3	3.1	3.2	3.3	3.4	3.5	3.6	4.1	5.1	5.2	5.3	5.4	5.5
Австрия	57	40	17	24	7	5	22	36	7	66	25	1	5	6	64	15	44	67
Бельгия	51	60	15	19	6	4	20	24	12	41	33	25	12	25	36	12	24	39
Великобритания	32	30	11	35	6	5	27	38	15	66	26	1	11	22	39	8	39	100
Венгрия	52	35	9	18	8	4	29	20	12	45	23	25	1	1	33	19	38	64
Германия	41	49	12	30	9	5	18	43	7	81	24	1	5	6	100	21	34	61
Греция	28	45	8	14	6	2	23	11	4	46	96	1	1	5	13	5	17	40
Дания	55	52	22	28	5	5	30	23	31	77	53	1	1	22	51	3	37	34
Италия	29	52	16	18	6	4	39	17	17	60	14	100	2	22	5	34	21	88
Испания	26	28	13	19	5	5	44	13	11	85	85	1	2	24	10	12	22	54
Нидерланды	32	34	10	23	5	4	19	23	14	36	33	1	10	17	22	7	29	53
Польша	36	51	8	18	8	4	35	17	19	30	25	1	1	6	11	2	50	33
Португалия	34	41	16	19	5	5	36	13	11	59	42	1	1	20	11	9	31	42
Сербия	23	46	19	18	13	3	27	13	23	41	21	1	1	3	14	10	11	64
Финляндия	37	81	12	16	9	4	28	21	31	53	53	1	3	10	27	7	25	47
Франция	18	22	14	21	5	5	21	37	11	51	36	50	14	28	19	10	33	24
Чехия	51	64	9	20	8	4	59	18	7	64	34	25	1	8	30	4	55	45
Швейцария	26	37	30	27	7	5	23	30	12	57	37	25	1	16	36	15	41	44
Швеция	45	64	22	27	7	4	38	35	41	100	39	1	9	37	55	5	40	35

Источник: составлено Т.С. Яковой по результатам анализа интернет-статистики запросов в сервисе *Google Trends*.

Ранговое распределение средней для выбранных 18 стран относительной популярности по темам показало, что присутствуют актуальные для всех стран фокусы европейской политики. Наиболее острыми в контексте конфликтности для европейских интернет-пользователей являются сюжеты, связанные с историческими травмами, вызванными памятью о двух мировых войнах (так называемые «фрустрирующие фобии») и их проецированием в будущее (фантом «третьей мировой войны», абсолютизация значения блока НАТО). Вопрос опасности возрождения нацизма в его различных интерпретациях имеет наивысший рейтинг в основном потому, что это вопрос исключительно европейской повестки дня (в других макрорегионах мира он абсолютно не актуален). Однако следует иметь в виду, что задача «борьбы с возрождением нацизма в Европейском регионе» постоянно актуализируется США для определенной группы стран ЕС (куда не входят Сербия, Польша, Греция). Высокий рейтинг анархизма в Европе также связан с опасностью

нарушения стабильности, боязнью радикального обострения конфликтов.

В качестве региональных приоритетов на первый план выходят темы инфляции и будущего Европейского союза (хотя интерес к Евросоюзу приглушен относительно интереса к НАТО), европейского миграционного кризиса и коммунизма. Несмотря на все пропагандистские кампании, европейцы более индифферентны к таким «периферийным» для них темам, как взаимоотношения с Китаем и Россией, а также к исламу и теме «украинского конфликта».

Факторы сравнения характера международной политики в зеркале поведения интернет-аудиторий

Для ответа на вопрос, что определяет различия и сходства характера международной политики той или иной страны, проведен анализ матрицы исходных данных (см. табл.), составивших общую картину об интернет-поведении резидентов европейских стран

методом описательного факторного анализа⁵. В ходе факторного анализа удалось установить шесть факторов, каждый из которых объединил несколько анализируемых тем:

Фактор 1: нацизм, США, европейский миграционный кризис, Китай, ООН.

Фактор 2: коммунизм, ислам, антисемитизм.

Фактор 3: украинский конфликт, евроатлантизм, анархизм, третья мировая война.

Фактор 4: палестино-израильский конфликт, Россия (отрицательное значение).

Фактор 5: инфляция, Европейский союз.

Фактор 6: глобализм, НАТО.

Интерпретация факторов проводилась на основе данных матрицы факторных нагрузок. Согласно расчетам, шесть выделенных факторов объясняют примерно 80 % вариаций исходных признаков. Это достаточно хороший результат, однако само число 6 говорит о крайней сложности объекта исследования и о том (это является положительным моментом), что отсутствует мультиколлинеарность, то есть сильная корреляция между независимыми переменными, которая затрудняет оценку и анализ общего результата⁶.

Первый фактор (объясняет 24,4 % вариации) связывает темы, которые являются показателем соответствия курса той или иной страны курсу США в качестве «согласованного» стандарта международной политики. В данном случае из контекста внешнеполитической риторики Соединенных Штатов последних лет можно вычленил рекомендации европейским странам по данным темам (объединенным первым фактором): активная политическая профилактика неонацизма, демократическое восприятие миграционных

процессов, тесные связи с США и поддержка их политики на китайском направлении, сотрудничество на площадке ООН. В топ-стран по этому фактору числятся Германия, Австрия, Великобритания и Швеция, «противостоящая» с нейтралитетом после вступления в НАТО. В аутсайдерах — Венгрия, Греция, Сербия, отчасти католические страны (Италия, Испания, Португалия), а также Финляндия.

Второй фактор (15,2 % вариации), несмотря на кажущуюся идеологическую завязку, сложен для интерпретации. С одной стороны, уровень интереса интернет-пользователей показал, что в тех европейских странах, где сегодня продолжают интересоваться коммунизмом, наблюдается низкая озабоченность исламом и антисемитизмом. Однако следует учесть следующее: если в Испании и Италии коммунистическая доктрина популярна в позитивных коннотациях, то в Польше и Чехии — наоборот: здесь интерес к теме носит характер «преодоления прошлого», встроенного в политику декоммунизации. Ислам в таких странах по причинам конфессионального свойства непопулярен. В этой связи второй из выделенных факторов можно связать с противостоянием конфликтной практике исламизации. В топ-здесь такие страны, как Франция, Бельгия, Великобритания, Венгрия. В нижней части списка, кроме упомянутых ранее стран, Греция, Сербия, Португалия.

Третий фактор (13,7 % вариации) связал такие переменные, как «украинский конфликт», «евроатлантизм», «анархизм» (с обратным знаком), «третья мировая война».

⁵ Суть факторного анализа заключается в выделении из всей совокупности переменных только небольшого числа латентных независимых друг от друга группировок, внутри которых переменные связаны сильнее, чем переменные, относящиеся к разным группировкам. Факторный анализ предполагает, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки. Такая свертка исходных данных за счет нахождения меньшего числа комплексов тесно связанных между собой переменных позволяет лучше описать специфику объекта исследования. Подробнее см.: (Ананьина, 2018). Анализ проводился с использованием программы факторного анализа из статистического пакета данных *SPSS Statistics*, метод главных компонент с нормализацией Кайзера, вращение варимакс.

⁶ Количество факторов в факторном анализе означает число независимых величин, к которым сводится большое число переменных. В один фактор объединяются переменные, которые сильно коррелируют между собой. В результате определения структуры взаимосвязей между переменными число факторов значительно меньше исходного числа.

Этот фактор можно трактовать как некий показатель деятельности по наращиванию конфликтного военного потенциала. В медийных продуктах в пропагандистских целях эта деятельность маркируется такими клише, как «борьба за мир», «обуздание агрессора» и проч. На первом месте здесь — Италия, резиденты которой уверенно лидируют по интересу к евроатлантизму и украинскому конфликту. Вероятно, это связано с процессами запоздалого включения Италии в пул стран, активно поддерживающих политику США и НАТО. Необходимо отметить, что, по данным за 2023 г., Италия является одним из крупнейших центров украинской диаспоры в Западной Европе (около 380 тыс. легально проживающих украинцев)⁷, что объясняет высокий уровень интереса интернет-аудитории этой страны к данной тематике. Лидером по интернет-запросам является северная провинция Вилла д'Аоста, Венеция держит первое место по тегу «евроатлантизм» (активность отмечается только с началом специальной военной операции (СВО)). Внизу списка находится Швеция.

Четвертый фактор (объясняет 11 % вариации исходных признаков), связывающий «Россию» и «палестино-израильский конфликт» (с обратным знаком), может характеризовать определенные приоритеты реагирования на конкретные международные кризисы. Россия в настоящее время как государственный субъект прочно вписана в западный международно-конфликтный дискурс, рассматривается как потенциальный «враг» в некоторых (не во всех) странах. Однако для Швеции, Франции, Великобритании, Бельгии и Испании именно игра на поле палестино-израильского конфликта гораздо важнее российской темы, в то время как для Сербии, Финляндии, Чехии и Венгрии российский вектор более значим, чем ближневосточный.

Пятый фактор (9,3 %) явно связан с использованием ЕС для коллективного преодоления экономических трудностей (инфляции) и регулирования в конфликтном поле финансовой сферы. Здесь лидируют «малые» страны, которые не в состоянии в одиночку бороться с финансовыми кризисами.

Шестой фактор (всего 7,2 % объяснения вариации исходных признаков) связал «глобализм» и «НАТО», что в определенной степени характеризует уровень национальной субъектности государств, хотя исходные данные не могут считаться абсолютно надежными. К странам с «неполным» суверенитетом следует отнести новых членов НАТО — Швецию и Финляндию.

Классификация стран по схожести реакции на потенциальные международные конфликты

Интернет-статистика, полученная в рамках применения медиагеографического инструментария, позволяет классифицировать страны по характеру и особенностям политической практики в контексте конфликтологии международных отношений. Для решения этой задачи был использован такой метод классификационного анализа, как кластерный анализ. Его основное назначение — разделение множества исследуемых объектов и признаков на однородные (в определенном смысле) группы, или кластеры.

Укажем на следующие достоинства кластерного анализа. Во-первых, он дает возможность производить разбиение объектов не по одному признаку, а по нескольким. Во-вторых, кластерный анализ в отличие от большинства математико-статистических методов не накладывает никаких ограничений на вид рассматриваемых объектов и позволяет исследовать множество исходных данных практически произвольной природы. Методы кластерного анализа нередко применяются

⁷ The Ukrainian Community in Italy: Annual report on the Presence of Migrants. Ministry of Labour and Social Policies of Italy, 2023. URL: <https://www.lavoro.gov.it/documenti-e-norme/studi-e-statistiche/ukrainian-community-2023> (accessed: 13.10.2025).

в гуманитарных исследованиях для разработки типологий, классификаций или проверки гипотез. В контексте данного исследования основой послужили работы Е.А. Захаровой (Захарова, 2023), Б.Г. Миркина (Миркин, 2011), И.А., Смирнова, О.А. Малафеева (Смирнов, Малафеев, 2020), Р. Сю и Д. Вунша (Xu & Wunsch, 2005), применивших данный метод для анализа различных аспектов международных отношений.

По результатам кластерного анализа 18 европейских стран можно условно разбить на две неравнозначные группы, которые сильно различаются между собой. Меньшинство составляют такие страны, как Дания, Швеция, Сербия, Финляндия. При этом Италия совершенно выпадает из европейского ансамбля — она ни на кого в рассматриваемом контексте не похожа. Это неожиданный вывод, который требует более тщательного рассмотрения. Возможно, что система *Google* каким-то образом «не настроена» на эту страну, то есть имеют место чисто инструментальные проблемы.

Вместе с тем ценную информацию о «близости» стран можно почерпнуть, рассмотрев динамику их объединения при расчетах. На первом и втором шаге поиска сходства выявлены такие группы, как «Австрия — Германия — Великобритания», «Бельгия — Нидерланды — Швейцария», причем на третьем шаге итераций к этой группе присоединилась Франция. Также на третьем и четвертом шаге появились следующие группировки: «Венгрия — Польша — Чехия», «Испания — Португалия — Греция», «Дания — Швеция», «Сербия — Финляндия». В большинстве случаев расчеты указывают на такой фактор подобия поведения стран в рассматриваемом контексте, как простая географическая близость, вхождение в один и тот же европейский субрегион. По итогам кластерного анализа можно сделать вывод, что «противодействие» потенциалу конфликтности осуществляется на своего рода коллективных зональных принципах, то есть о стабильности и безопасности беспокоятся

в первую очередь соседние с (потенциально) конфликтной зоной страны, в отличие от более отдаленных.

Заключение

В ходе медиагеографического исследования социального поведения пользователей Интернета европейских стран на основе анализа *big data* (по темам, содержательно связанным с международной политикой) выявлены приоритеты аудиторий этих стран. Интернет-пользователи ориентируются в информационном пространстве на основе потребления медиатизированных продуктов и проявляют свои интересы в зависимости от полученных смыслов, что дает возможность сделать общие выводы о характере медиапотребления. Изучение медиаповедения аудиторий позволило определить наиболее конфликтные факторы и зоны на ментальном европейском ландшафте. Анализ статистики запросов показал, что наибольшее внимание европейцев привлекают те явления, события или факты международной политики, которые в определенной интерпретации демонстрируют их озабоченность или тревогу перед возможностью новых конфликтов и противостояний.

В процессе исследования ментальных ландшафтов стран Европы в медиагеографической системе координат достаточно высокую эффективность показал метод факторного анализа. По результатам применения этого метода было выявлено несколько компонентов (факторов), характеризующих интересы интернет-пользователей, сближающих или разъединяющих политически активную часть интернет-аудиторий европейских стран (факторы 1–4 из шести выявленных факторов).

По первому фактору определена группа стран, наиболее активно стремящихся соответствовать стандартному курсу международной политики, диктуемой США: Германия, Австрия, Великобритания, Швеция. В реальной политике подтверждением сходства международной политики этих государств стали несколько событий

последнего времени: нейтральная Австрия выразила намерение расширить участие в военных учениях НАТО (2024 г.)⁸; новое оборонное соглашение Великобритании и Германии (июль 2024 г.)⁹; присоединение Швеции и Великобритании к европейскому подходу к нанесению ударов на большие расстояния (октябрь 2024 г.)¹⁰.

По второму фактору основа для сходства определилась в противостоянии конфликтной практике исламизации (Франция, Бельгия, Великобритания). В этих странах в последние годы существенно выросла доля мусульманского населения.

По третьему фактору, указывающему на активную деятельность по наращиванию потенциала военного конфликта, определился явный лидер — Италия (медиаповедение интернет-аудитории этой страны требует более глубокого анализа в контексте внутривосполитических процессов).

Четвертый фактор позволил выделить две группы по приоритетам реагирования

на конкретные международные кризисы: первая группа включает Швецию, Францию, Великобританию, Бельгию и Испанию, интересы интернет-аудиторий которых ориентированы на палестино-израильский конфликт; вторую группу составили Сербия, Финляндия, Чехия и Венгрия с фокусом на Россию.

Выявленные факторы дают только штрихпунктирное представление о тех составляющих на ментальных ландшафтах европейских стран, которые способны влиять на различия и сходства в международной политике европейских стран. Однако даже предварительная интерпретация полученных результатов дает представление о конфликтных зонах европейского ментального пространства, выявляет динамику реакций европейцев на события и процессы в международном поле и может стать основой для прогнозирования социального поведения населения в контексте международной политики руководства стран этого региона мира.

Поступила в редакцию / Received: 06.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 09.02.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Абаев Л. Ч.* Об актуальных подходах к моделированию международных отношений // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 2. С. 31–48. EDN: NSZVYD
- Акаев А. А.* Математическая модель должна быть хорошим подспорьем для политиков... // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 74–83. EDN: KYGVJJ
- Ананьина К. А.* Особенности использования факторного анализа в политологических исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 1. С. 107–110. EDN: USBHNSK
- Асмолов К. В., Бабаев К. В.* Трёхполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 3. С. 165–181. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181>; EDN IRHZPK
- Дегтерев Д. А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2. С. 35–54. <https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.2.41.3>; EDN: SBXIQC

⁸ 2025: Austrian Armed Forces Plan 33 Exercises and Training Sessions Abroad // Militär Aktuell. December 3, 2024. URL: <https://militaeraktuell.at/en/2025-austrian-armed-forces-plan-33-exercises-and-training-sessions-abroad/> (accessed: 13.10.2025).

⁹ Allison G. UK and Germany Sign New Defence Agreement // UK Defence Journal. July 25, 2024. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/uk-and-germany-sign-new-defence-agreement/> (accessed: 13.10.2025).

¹⁰ Osborne T. UK, Sweden Join European Ground-Launched Cruise Missile Effort // Aviation Week. October 21, 2024. URL: <https://aviationweek.com/defense/missile-defense-weapons/uk-sweden-join-european-ground-launched-cruise-missile-effort> (accessed: 13.10.2025).

- Дегтерев Д.А. Компьютерное моделирование международных отношений // *Международные процессы*. 2011. Т. 9, №3. С. 53–66. EDN: OPAUNR
- Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой анализ международных отношений. Москва : Аспект Пресс, 2017. EDN: YZEBMX
- Захарова Е.А. Кластеризация государств мира по политическим показателям // *Псковский регионологический журнал*. 2023. Т. 19, № 2. С. 3–13. <https://doi.org/10.37490/S221979310025141-8>; EDN: PFYBFA
- Миркин Б.Г. Методы кластер-анализа для поддержки принятия решений : обзор. Москва : ИД НИУ «Высшая школа экономики», 2011. EDN: QUSUXH
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Национальная идентичность как морфоскульптура и фактор ментального общественного ландшафта // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 12. С. 141–157. EDN: VUCZKO
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Цифровое обществоведение. Медиа, метасмыслы, наука. Москва : ИКАР, 2023.
- Окунев И.Ю., Баринов С.Л., Беликов А.А., Бибина Э.С., Виноградов В.В. и др. Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития. Москва : Аспект Пресс, 2020. EDN: BEYSCB
- Смирнов И.А., Малафеев О.А. Задача кластеризации стран мира по геополитическим признакам // *Bulletin de l'académie internationale Concorde*. 2020. № 3. С. 3–39. EDN: GYELQT
- Фриман Ч. Дожить до грядущего мирового порядка // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, № 5. С. 60–71. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-60-71>; EDN: RJZCVL
- Якова Т.С., Янглева М.М. Медиагеография. Москва : ИКАР, 2019.
- Янглева М.М. Метасмысл «власть» в зеркале политической медиагеографии // *Власть*. 2023. Т. 31, № 3. С. 110–116. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9640>; EDN DJFIMM
- Caballero W.N., Lunday B.J., Deckro R.F. Leveraging Behavioral Game Theory to Inform Military Operations Planning // *Military Operations Research*. 2020. Vol. 25, no. 1. P. 5–22. URL: <https://www.jstor.org/stable/26902044> (accessed: 12.11.2025).
- Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge : Polity Press, 2017.
- Couldry N., McCarthy A. *MediaSpace : Place, Scale and Culture in a Media Age*. London : Routledge, 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203010228>
- Geographies of Communication : The Spatial Turn in Media Studies* / ed. by J. Falkheimer, A. Jansson. Göteborg : Nordicom, 2006.
- Ma Y., Yao M., Yu F., Xiao X., Huang L., Zhang H., Deng Q. An International Relations Quantitative Evaluation Model (IRQEM) Based on an Integrated Method // *Risk Analysis*. 2025. Vol. 45, iss. 1. P. 194–213. <https://doi.org/10.1111/risa.15072>
- Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing Is Bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19, iss. 3. P. 427–457. <https://doi.org/10.1177/1354066113494320>
- Okunev I., Zakharova E. The Neighborhood Effect on Perceptions of Corruption: Comparative Spatial Autocorrelation Analysis // *Mezhdunarodnye processy*. 2023. Vol. 21, no 2. P. 103–119. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.2.73.6>; EDN OPHXZG
- Salovaara-Moring I.I. *Media Geographies : Regional Newspaper Discourses in Finland in the 1990s*. Saarijärvi : Helsingin yliopisto, viestinnän laitos, 2004.
- Xu R., Wunsch D. Survey of Clustering Algorithms // *IEEE Transactions on Neural Networks*. 2005. Vol. 16, no. 3. P. 645–678. <https://doi.org/10.1109/TNN.2005.845141>

Сведения об авторе:

Якова Тамара Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1; eLibrary SPIN-код: 9009-2212; ORCID: 0000-0002-5640-267X; e-mail: t-yakova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-176-179

EDN: SMSQTR

Рецензия на книгу:

Pacheco Pacífico A.M.C. Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2022. 204 p.

О.А. Моргунова , М.У. Огбаджие

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 morgunova-oa@rudn.ru

Для цитирования: Моргунова О.А., Огбаджие М.У. Рецензия на книгу: Pacheco Pacífico A.M.C. Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2022. 204 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 176–179. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-176-179>; EDN: SMSQTR

Book review:

Pacheco Pacífico, A.M.C. (2022). Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 204 p.

Oksana A. Morgunova , Mercy Uzoma Ogbajie

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 morgunova-oa@rudn.ru

For citation: Morgunova, O.A., & Ogbajie, M.U. (2026). Book review: Pacheco Pacífico, A.M.C. (2022). Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil: A Case Study. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 204 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 176–179. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-176-179>; EDN: SMSQTR

Книга Андреа Марии Калазан Пачеко (или, как чаще используется в российском научном дискурсе, «внутренних вынужденных мигрантов»). По сравнению с вопросами

© Моргунова О.А., Огбаджие М.У., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

международных миграций проблематика внутренних вынужденных мигрантов незаслуженно редко попадает в зону внимания академических и научно-практических дискуссий. Эти вынужденные передвижения, обусловленные климатическими факторами, управляются на местном уровне и остаются незамеченными как для академических исследований в области международных отношений, так и в рамках национальной политики. Рецензируемое исследование демонстрирует, что те, кого экологические изменения вынуждают мигрировать (как внутри страны, так и за ее пределы), зачастую оказываются в правовом вакууме (Морару, Моргунова, 2022).

Монография может быть условно разделена на две части.

В первой части (главы 1–4) рассматриваются особые черты северо-восточного региона Бразилии, известного как «сертан» (порт. *sertão*) — региона, страдающего от повторяющихся засух, последствия которых постоянно усугубляются глобальным потеплением и изменением климата. Этот регион исторически характеризуется экологическим неблагополучием, неравномерным развитием инфраструктуры и сельской бедностью. А. Пачеко Пачифико утверждает, что миграции населения из этого региона, вызванные экологическими причинами, не носит ни временного, ни исключительного характера, а представляет собой системное, развивающееся переселение. По мере усиления циклов засухи в условиях изменения климата такие перемещения, вероятно, станут более значимыми и все менее обратимыми.

Сертан уязвим не только в экологическом, но и в институциональном отношении. В указанных главах описывается зависимость населения от действий местных и региональных органов власти по смягчению последствий засухи посредством обеспечения доступа к инфраструктуре водоснабжения, организации экстренных работ и внедрения программ социальной защиты. Автор доказывает, что массовый исход сельского населения из сертана отнюдь не является проявлением добровольного экономического оппортунизма,

а представляет собой следствие экологической и социально-экономической неустойчивости. Совокупное воздействие засухи, утраты средств к существованию и слабой инфраструктуры приводит к тому, что исход населения становится неизбежным. Эта часть книги вписывает, казалось бы, локальную проблему в контекст экологических изменений, происходящих в других регионах Бразилии.

Во второй части книги автор приступает к анализу этих перемещений и ищет научно-практическую миграционную категорию для описания медленных, но вместе с тем многократно повторяющихся на постоянной основе перемещений населения в северо-восточном сертане. Изучая вызванную засухой миграцию, исследователь предлагает инновационный нормативный подход: лица и домохозяйства, вынужденные переселяться внутри Бразилии вследствие засух или их косвенных социально-экономических последствий (как и последствий других изменения климата), подпадают под определение «внутренне вынужденные мигранты» (*internally displaced persons*) и должны признаваться властями таковыми. В главе 5 содержится подробный анализ критериев, определяющих категорию внутренних вынужденных мигрантов, основанный на национальных и международных документах.

Андреа Пачеко Пачифико отмечает, что жертвы конфликтов или внезапных стихийных бедствий, таких как ураганы или наводнения, немедленно признаются внутренними вынужденными мигрантами, в то время как люди, вынужденные мигрировать в результате медленно развивающихся экологических процессов, на данный момент исключаются из этой категории мигрантов, хотя эти перемещения соответствуют международным и национальным критериям вынужденных мигрантов. Автор считает, что вопрос климатической мобильности в сертане должен быть подкреплен конкретными внутренними обязательствами государства, вытекающими из Руководящих принципов ООН по вопросам внутреннего перемещения (1998 г.). Признание внутренними вынужденными мигрантами

поможет организовать и финансировать оказание им помощи. Это также даст муниципалитетам и федеральным органам основания запрашивать поддержку более системно.

Этот аспект книги примечателен тем, что он оспаривает аргументы, распространенные в дискуссиях по международным отношениям и во внутривластных кругах, будто климатическая мобильность должна быть рассмотрена через призму международного режима беженцев, прежде чем может быть задействована какая-либо действенная защита жертв изменения климата. Профессор Пачеко Пасифико утверждает прямо противоположное: внутренние экологические мигранты, по ее мнению, могут быть немедленно взяты под защиту благодаря уже разработанным международным инструментам (Pacheco Pasífico, 2022).

Академические и политические дебаты о «климатических беженцах» сегодня чаще ведутся в контексте потенциальных международных миграций. Однако такой подход затмевает уже происходящие более масштабные внутренние перемещения, вызываемые экологическими изменениями. Результаты исследования А. Пачеко Пасифико указывают на потенциальное расширение географии внутренних миграций: внутренние перемещения регулируются на местном уровне, но впоследствии могут перерасти в международную миграцию. Таким образом, в рецензируемой работе внутренние перемещения переосмыслены как передовой рубеж управления климатической мобильностью, и это подчеркивает дополнительную теоретическую значимость книги в области изучения международных отношений.

Несмотря на то, что исследование основано на бразильском материале, логика книги универсальна, поскольку взгляд через призму категории внутренней вынужденной экологической миграции применим к таким регионам, как, например, Южная Азия, Восточная и Северная Африка, которые сталкиваются

с системно развивающимися экологическими бедствиями, предшествующими международным перемещениям. В Западной и Центральной Африке, в частности, экологически обусловленные миграции стали определяющей чертой социальной и политической жизни целого региона. Сахель, включающий Нигер, Мали и Буркина-Фасо, представляет собой пример «медленно развивающейся, структурно повторяющейся» мобильности, описанной в книге А. Пачеко Пасифико. Это подтверждают, например, исследования последних лет (Schürmann et al., 2022) касающиеся внутренней вынужденной миграции в Гане, Буркина-Фасо и Нигерии, где ситуация напоминает исход из засушливого бразильского сертана в поисках выживания. Исследование, опубликованное в журнале *Earth's Future* (Ceola, Mård & Di Baldassarre, 2023), также показывает устойчивую взаимосвязь между продолжительными периодами засухи и внутренней миграцией, особенно в странах, расположенных вдоль сухого пояса Сахеля.

Внутренние вынужденные перемещения в различных районах Африки сегодня приобретают повсеместный характер и приводят к международным миграциям. Так, сокращение площади оз. Чад усилило конкуренцию между скотоводами, земледельцами и рыбаками, превращая экологическое давление в вооруженные конфликты (Akinyetun & Ogunbodede, 2023). Применение модели правовой видимости, предлагаемой профессором Пачеко Пасифико, могло бы помочь африканским государствам интегрировать экологическую мобильность в национальные планы адаптации.

Таким образом, рецензируемая монография закладывает основу для включения явления климатического перемещения в систему государственных мер по защите населения и, как было показано выше, делает аргументы ее автора значимыми и за пределами Латинской Америки.

Поступила в редакцию / Received: 19.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Морару Н.-Ф., Моргунова О.А. «Климатические беженцы» в правовом вакууме: к разработке системы помощи, признания и компенсаций // Вестник Казахского национального университета. Серия международные отношения и международное право. 2022. Т. 100, №4. С. 42–48. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2022.v100.i4.05>; EDN: QYTTUX
- Akinyetun T.S., Ogunbodede N.E. Conflict Weather: Climate Change as a Driver of Pastoralist Conflicts in the Lake Chad Region // *Jurnal Politik*. 2023. Vol. 9, iss. 1. P. 39–70. <https://doi.org/10.7454/jp.v9i1.1142>; EDN: FTBVIL
- Ceola S., Mård J., Di Baldassarre G. Drought and Human Mobility in Africa // *Earth's Future*. 2023. Vol. 11, iss. 12. P. 1–11. <https://doi.org/10.1029/2023EF003510>; EDN: TSWILP
- Pacheco Pacifico A.M.C. *Environmentally Internally Displaced Persons in the Northeastern Backlands of Brazil : A Case Study*. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2022.
- Schürmann A., Kleemann Ja., Teucher M., Fürst Ch., Conrad Ch. Migration in West Africa: A Visual Analysis of Motivation, Causes, and Routes // *Ecology and Society*. 2022. Vol. 27, iss. 3. P. 1–29. <https://doi.org/10.5751/ES-13489-270316>; EDN: OCAXPС

References

- Akinyetun, T.S., & Ogunbodede, N.E. (2023). Conflict weather: Climate change as a driver of pastoralist conflicts in the Lake Chad region. *Jurnal Politik*, 9(1), 39–70. <https://doi.org/10.7454/jp.v9i1.1142>; EDN: FTBVIL
- Ceola, S., Mård, J., & Di Baldassarre, G. (2023). Drought and human mobility in Africa. *Earth's Future*, 11(12), 1–11. <https://doi.org/10.1029/2023EF003510>; EDN: TSWILP
- Moraru, N.F., & Morgunova, O.A. (2022). “Climate refugees” in a legal vacuum: To develop a system of assistance, recognition and compensation. *Bulletin of the Kazakh National University. International Relations and International Law Journal*, 100(4), 42–48. (In Russian). <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2022.v100.i4.05>; EDN: QYTTUX
- Pacheco Pacifico, A.M.C. (2022). *Environmentally internally displaced persons in the northeastern backlands of Brazil: A case study*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Schürmann, A., Kleemann, J., Teucher, M., Fürst, C., & Conrad, C. (2022). Migration in West Africa: A visual analysis of motivation, causes, and routes. *Ecology and Society*, 27(3), 1–29. <https://doi.org/10.5751/ES-13489-270316>; EDN: OCAXPС

Сведения об авторах:

Моргунова Оксана Алексеевна — PhD, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 2485-6770; ORCID: 0000-0003-2607-5599; e-mail: morgunova-oa@rudn.ru

Огбаджие Мэрсси Узома — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; e-mail: 1042255213@rudn.ru

About the authors:

Morgunova Oksana Alekseevna — PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; 10, bldg. 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 2485-6770; ORCID: ORCID: 0000-0003-2607-5599; e-mail: morgunova-oa@rudn.ru

Ogbajie Mercy Uzoma — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; 10, bldg. 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: 1042255213@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-180-184

EDN: SOSJNK

**Рецензия на книгу:
Garlick J. *Evolution in International Relations*. Cambridge:
Cambridge University Press, 2025. 86 p.**

В.А. Гуторов¹ , А.А. Ширинянц^{2,3}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shirinyants-alan@rudn.ru

Для цитирования: Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Рецензия на книгу: Garlick J. *Evolution in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 86 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 180–184. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-180-184>; EDN: SOSJNK

**Book review:
Garlick, J. (2025). *Evolution in International Relations*. Cambridge:
Cambridge University Press, 86 p.**

Vladimir A. Gutorov¹ , Aleksandr A. Shirinyants^{2,3}

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shirinyants-alan@rudn.ru

For citation: Gutorov, V. A., & Shirinyants, A. A. (2026). Book review: Garlick, J. (2025). *Evolution in international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 86 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 180–184. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-180-184>; EDN: SOSJNK

Профессор Джереми Гарлик, директор Центра международных исследований им. Я. Масарика в Пражском университете экономики и бизнеса, широко известен как специалист

в области экономической политики современного Китая, истории и теории международных отношений, автор содержательных монографий и многочисленных статей практически

© Гуторов В.А., Ширинянц А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

по каждому из обозначенных выше направлений (см., например: (Garlick, 2013; 2020; 2024a; 2024b)).

Рецензируемая работа Дж. Гарлика «Эволюция в международных отношениях» (Garlick, 2025) вышла в свет в рамках серии *Cambridge Elements*, в которой издательство *Cambridge University Press* публикует оригинальные исследования по ключевым проблемам международных отношений. Редакторы серии Т. А. Берцель, Э. Д. Мансфилд, Дж. Чекел и С. Уолтер концентрируют внимание авторов прежде всего на актуальных вопросах мировой политики и международных отношений, включая международную безопасность и конфликты, международную политическую экономию, международные организации и международную политическую теорию (см.: (Price & Sikkink, 2021; Weymouth, 2023; Grigorescu & Katz, 2024; Bernstein, Glas & Laurence, 2025)).

Следуя традиции, сложившейся в рамках этой книжной серии, Дж. Гарлик предпринял попытку не только исследовать сложные проблемы истории и теории международных отношений на основе интерпретации современных концепций социальной эволюции, но и «создать стимулирующую, инновационную основу для столь необходимых дальнейших исследований связей между эволюцией и международными отношениями, а не представлять окончательные выводы» (Garlick, 2025, p. 1).

Во введении Дж. Гарлик подчеркивает, что реализация поставленных задач возможна только на междисциплинарной основе: необходимо привлекать результаты исследований в таких областях, как эволюционная роль эмоций, внутригрупповая и межгрупповая динамика, статусные иерархии, а также эволюционная функция морали и языка как механизмов объединения групп. «Понимание этих аспектов нашей эволюционной истории и психологии необходимо для того, чтобы ученые могли создать более прочную научную и доказательную базу для изучения международных явлений, чем та, которая была создана к настоящему моменту посредством дедуктивного применения теорий международных отношений» (Garlick, 2025, p. 2). Однако автор

вполне отчетливо осознает, что всесторонний анализ столь многообразных проблем не может быть осуществлен в небольшом по объему исследовании. Поэтому речь может идти исключительно о «кратком введении в проблему роли эволюции в международных отношениях» (Garlick, 2025, p. 2).

Вместе с тем список научной литературы, включающий более 160 работ — статей, монографий, материалов научных дискуссий, — напротив, свидетельствует о серьезности и основательности авторских намерений. Необходимость привлечения столь обширной научной литературы обусловлена прежде всего стремлением автора ознакомить академическое сообщество с результатами, достигнутыми специалистами в различных направлениях эволюционной теории, а также с тем «простым фактом», что до недавнего времени «за относительно немногими (и по большей части не очень известными и не часто цитируемыми) исключениями, специалисты-международники уделяли очень мало внимания недавним исследованиям в области эволюционной науки» (Garlick, 2025, p. 2).

Из немногих работ, упомянутых в этом предельно лаконичном квазибиблиографическом очерке, Дж. Гарлик отдает предпочтение обзорным статьям таких известных политологов, как Р. Н. Лебоу, Р. Макдермотт, К. Давенпорт и И. Реннштих, опубликованным в разделах «Политика» и «Международные исследования» «Оксфордской исследовательской энциклопедии» (*Oxford Research Encyclopedias*) (Garlick, 2025, p. 1). Однако автор, по существу, не вступает в дискуссию с учеными, чьи идеи далеко не всегда совпадают с его собственными. Например, кратко упоминая в рамках своего обзора знаменитый сборник «Эволюционные интерпретации мировой политики: новая парадигма международных отношений», опубликованный под редакцией американского политолога У. Р. Томпсона, Дж. Гарлик никак не комментирует инновационную интерпретацию Томпсоном значения эволюционной парадигмы в теории международных

отношений (Thompson, 2001, pp. 11–15). Автор оставил без внимания и две другие знаменитые работы, опубликованные в этом же сборнике — эссе В. Фолджера «Обогащенная эволюционная мировая политика: биологические основы международных отношений» (Falger, 2001) и статью Дж. Модельски «Эволюционная мировая политика: проблемы предела и метода» (Modelski, 2001).

Структура рецензируемой работы выстраивается следующим образом. В ней отсутствуют обычные главы. Текст разделен на секции со сплошной нумерацией — от Предисловия (секция 1) и Введения (секция 2) до трех последующих секций, имеющих уже «специализированные» названия: секция 3 «Смысловые значения эволюции для международных отношений», секция 4 «Очевидные недочеты международных отношений: эволюция выходит на сцену», секция 5 «Способы применения эволюционной науки к международным отношениям» и, наконец, Заключение (секция 6).

В **секции 3** кратко излагается историческое развитие международных отношений как академической науки с акцентом на ее взаимосвязи с проблемами эволюции. Автор стремится выявить причины, по которым эти проблемы на протяжении долгого времени были оставлены без внимания. В качестве главной причины Дж. Гарлик выделяет появление социального дарвинизма в начале XX в. (Garlick, 2025, p. 9).

В **секции 4** обсуждаются возможности внедрения теории эволюции в конкретные области аналитики международных отношений, рассматриваются возможности того вклада, который эволюционная наука способна внести в основные современные теории международных отношений — (нео) реализм, (нео) либерализм и конструктивизм, прежде всего в плане корректировки проблемных локусов и нарративов, слабо совместимых с аргументами сторонников эволюционной теории. Например, акцент неореализма на рациональных субъектах подвергается сомнению в связи с исследованиями эволюционной роли эмоций в принятии решений. Конструктивизм, фокусирующийся на структурировании

идентичности, по мнению Дж. Гарлика, выиграл бы от изучения эволюционных механизмов внутригруппового сотрудничества и межгрупповой конкуренции, содействующих «выживанию групп», даже «за счет некоторых отдельных лиц внутри них» (Garlick, 2025, pp. 5–6, 15).

В **секции 5** осуществляется переход от общих положений теории международных отношений к рассмотрению вопроса о применении различных аспектов теории эволюции к «международным феноменам». Автор начинает с общего обзора «наследия приматов» и его влияния на такие «эволюционно развитые человеческие признаки», как иерархическая организация, внутригрупповое сотрудничество и межгрупповая конкуренция, проявляющиеся и в сфере международных отношений. В частности, исследователь со ссылкой на работу Дж. Хейдта «Праведный разум: почему хорошие люди разделены политикой и религией» (Haidt, 2012) постоянно акцентирует внимание на том, что у людей межгрупповая конкуренция является движущей силой внутригруппового сотрудничества и что наиболее сплоченные группы вытесняют менее сплоченные. Это означает, что межгрупповая конкуренция является эволюционно унаследованным аспектом человеческого опыта, а следовательно, и отношений между группами, включая национальные государства. В плане проекции данной константы на международные отношения и сотрудничество речь также идет о влиянии таких культурных феноменов, как кулинария, чтение или религия, на изменение конкретных генетических характеристик человека на протяжении долгих тысячелетий человеческой эволюции (Garlick, 2025, pp. 6, 64; Haidt, 2012, p. 252).

Сравнительный анализ авторских пассажей, характеризующих воздействие эволюционной теории на современные трактовки мировой политики, в конечном итоге заставляет прийти к выводу, который может показаться парадоксальным: именно «этический момент» устойчиво доминирует в аргументации Дж. Гарлика, отодвигая на задний план политологическую составляющую его работы.

Этический характер аргументации ученого во многом связан с его идеологическими предпочтениями, основанными, в частности, на теоретическом и в некотором отношении эмоциональном неприятии концепций реализма и неореализма.

В целом основные разделы монографии имеют преимущественно квазиметодологический характер с заметным элементом реферативной дидактики и практически не вносят ничего нового в анализ теоретических дискуссий о месте и роли эволюционной теории в современных концепциях мировой политики и международных отношений. На наш взгляд, гораздо большего внимания

заслуживает авторская аналитика проблемы «человеческой природы», присутствующая во всех без исключения секциях монографии и, безусловно, являющаяся тем лейтмотивом, который объединяет эти секции, придает им некоторую оригинальность, динамику и местами оживляет книгу, хотя трактовки Дж. Гарлика и в этом вопросе представляются весьма избирательными. Тем не менее, несмотря на высказанные замечания, рецензируемая монография, безусловно, имеет теоретическую значимость и ее изучение может принести определенную пользу не только студентам и аспирантам, но и уже состоявшимся исследователям.

Поступила в редакцию / Received: 13.11.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы / References

- Bernstein, S., Glas, A., & Laurence, M. (2025). *Norms, practices, and social change in global politics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009560986>
- Falger, V.S.E. (2001). Evolutionary world politics enriched: The biological foundations of international relations. In W.R. Thompson (Ed.), *Evolutionary interpretations of world politics: A new paradigm for international relations* (pp. 30–51). London, New York: Routledge.
- Garlick, J.A. (2013). Critical analysis of EU—China relations: Towards improved mutual understanding. *Contemporary European Studies*, (1), 51–70. Retrieved from <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=207812>
- Garlick, J.A. (2025). *Evolution in international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009464154>
- Garlick, J.A. (2020). *The impact of China's belt and road initiative: from Asia to Europe*. London; New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351182768>; EDN: UCQUZJ
- Garlick, J.A. (2022). *Reconfiguring the China—Pakistan economic corridor: Geo-economic pipe dreams versus geopolitical realities*. London, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003018377>
- Garlick, J.A. (2024a). *Advantage China: Agent of change in an era of global disruption*. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.
- Garlick, J.A. (2024b). China's 'do-as-I-do' paradigm: Practice-based normative diplomacy in the global south. *The Pacific Review*, 37(5), 985–1015. <https://doi.org/10.1080/09512748.2023.2290619>
- Grigorescu, A.V., & Katz, C.J. (2024). *Lockean liberalism in international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009516952>
- Haidt, J. (2012). *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. London: Allen Lane.
- Modelski, G. (2001). Evolutionary world politics: Problems of scope and method. In W.R. Thompson (Ed.), *Evolutionary interpretations of world politics: A new paradigm for international relations* (pp. 16–29). London, New York: Routledge.
- Price, R., & Sikkink, K. (2021). *International norms, moral psychology, and neuroscience*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108966610>
- Thompson, W.R. (2001) Evolving Toward an Evolutionary Perspective. In W.R. Thompson (Ed.), *Evolutionary interpretations of world politics: A new paradigm for international relations* (pp. 1–15). London, New York: Routledge.
- Weymouth, S. (2023). *Digital globalization: Politics, policy, and a governance paradox*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108974158>

Сведения об авторах:

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд № 7; eLibrary SPIN-код: 7952-4892; ORCID: 0000-0001-8063-2558; e-mail: gut-50@mail.ru

Ширинянц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; профессор кафедры сравнительной политологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 9696-6080; ORCID: 0000-0002-6949-2256; e-mail: shirinyants-alan@rudn.ru

About the authors:

Gutorov Vladimir Alexandrovich — PhD, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Head, Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University; 1/3, entr. 7, Smolnogo St, Saint Petersburg, 191060, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 7952-4892; ORCID: 0000-0001-8063-2558; e-mail: gut-50@mail.ru

Shirinyants Aleksandr Andreevich — PhD, Dr.Sc. (Politics), Professor, Head, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; SP-1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Professor, Department of Comparative Political Science, RUDN University; 10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 9696-6080; ORCID: 0000-0002-6949-2256; e-mail: shirinyants-alan@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-185-189

EDN: TFHQKN

Book review:

Hard, I.K., & Kanbergs, D.J. (Eds.). (2023). A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? Washington, DC: Arab Center Washington DC, Inc., 194 p.

Filipp A. Kirichko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ 1142230184@rudn.ru

Funding sources. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 102502-2-000.

For citation: Kirichko, F.A. (2026). Book review: Hard, I.K., & Kanbergs, D.J. (Eds.). (2023). A US pivot away from the Middle East: Fact or fiction? Washington, DC: Arab Center Washington DC, Inc., 194 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 185–189. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-185-189> EDN: TFHQKN

Рецензия на книгу:

A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? / ed. by I.K. Hard, D.J. Kanbergs. Washington, DC: Arab Center Washington DC, 2023. 194 p.

Ф.А. Киричко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

✉ 1142230184@rudn.ru

Сведения о финансировании. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Kirichko F. A. Book review: A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction? / ed. by I.K. Hard, D.J. Kanbergs. Washington, DC: Arab Center Washington DC, 2023. 194 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 185–189. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-185-189>; EDN: TFHQKN

The book *A US Pivot Away from the Middle East: Fact or Fiction?* is a collection of essays exploring various perspectives on the possibility of the US shifting the focus of its foreign policy from the Middle East towards addressing the

strategic challenges posed by China, particularly Beijing's growing influence in international relations.

The book contains two main parts: *The Origin and Facets of a Pivot Away from the*

© Kirichko F.A., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Middle East and Current US Engagements and Entanglements. The first part examines the reasons and the aspects behind a shift away from the region, while the second explores the current commitments and challenges that the United States faces in the Middle East.

The book as a whole consists of 15 essays which were generally presented at a conference organized by the Arab Center in Washington, DC (ACW) on May 18, 2023. The conference aimed at discussing the issue of US disengagement and its pivot away from the Middle East and the realities and dimensions of this perceived retreat (Hard & Kanbergs, 2023, p. 5).

The May conference was held as a result of discussions between Arab Center Washington DC scientists and Arab officials and opinion leaders, many of whom argue that the US has started to pivot away from the region. However, this point of view is countered by American officials and scientists who are convinced that the shift is actually a mere misperception, pointing out that the US is indeed increasing its engagement.

The Arab Center Washington DC is a nonprofit and independent research organization that aims to promote a better understanding of the political, economic, and social aspects of the Arab world within the United States, as well as provide insight into American policy and interests in the Middle East. The mission of the ACW is to address fundamental aspects of US-Arab relations through objective academic research, policy analysis, and educational exchanges. The center maintains tight connections with the Arab Center for Research and Policy Studies (ACRPS) located in Doha, Qatar.

The 15 essays which form the reviewed book were written by a number of widely recognized researchers and scientists who specialize in the Arab world, US foreign policy and relations between Washington and Middle East countries. Among these scholars are: Sahar Aziz, Charles W. Dunne, Imad K. Harb, Waleed Hazbun, Khalil E. Jahshan, Patricia Karam and Tamara Kharroub (Hard & Kanbergs, 2023, pp. 3–4). Sahar Aziz is a Distinguished Professor of Law, Middle East Legal Studies Scholar, and a Chancellor's Social Justice Scholar at Rutgers University Law School.

Imad K. Harb is the co-editor of the reviewed book and the Director of Research and Analysis at ACW. He previously worked as a Senior Analyst at the Emirates Center for Strategic Studies and Research and taught political science and international relations at the University of Utah and San Francisco State University. The research works of Tamara Kharroub focus on the intersection of technology and human rights and democracy in the Middle East and North Africa (MENA) region. She also publishes research papers, policy analyses and editorials exploring the role of media and communication technology in the political process. All of the named authors' contributions explore the historical roots of the American shift in the Middle East, as well as its political, military, economic implications and future outlook.

The aim of the book is not to argue for or against a shift in the US Middle East foreign policy, but to examine its nature, intent and potential implications, and whether it should become an element of US national security strategy (Hard & Kanbergs, 2023, p. 5). The political impression that Washington is indeed pivoting away from the Middle East and abandoning its closest allies and alliances in the region gained popularity among the Arab countries. This has influenced national narratives and official policies among US' allies, such as Saudi Arabia, the United Arab Emirates and Egypt. It has also influenced the views of Washington's critics, such as Iran, Syria, China and Russia (Hard & Kanbergs, 2023, p. 6).

As for the main conclusions and scientific results of the reviewed book, one of the authors concludes that Washington seems to be de-facto admitting that today it sees no way out the situation in the Middle East. He writes that the "heavy weight" of US political and military infrastructure in the region and the current situation on the international arena will not provide for disentanglement in the near future. Washington frequently shifts military resources and political emphasis back and forth between MENA and the Indo-Pacific, but this move is unlikely to cause

a significant reduction in US Middle East presence, according to the author. He states that “The United States seems to be more firmly tied to the region than ever before, and content to make the best of it while leveraging old ties to confront evolving threats”. He adds that “Any serious US retrenchment from the Middle East will have to wait” (Hard & Kanbergs, 2023, p. 21).

Another author of the book argues that it is very complicated to significantly reduce the US military presence in the Middle East, as American participation has tight links to the military structures of the region. Any sudden US withdrawal from the region could weaken the Washington’s regional influence. The author comes to a conclusion that in order to reduce American military presence in the region, Washington has to fundamentally review its policy and give up militarized approaches (Hard & Kanbergs, 2023, p. 32).

As for the economic dimension of the US shift from the Middle East, the authors of the book argue that the US will certainly remain vulnerable to global oil price volatility. Due to its vast oil resources, the Middle East is and will remain a key determinant of global oil prices, thus the Gulf monarchies will secure their significant importance to the United States. The authors state: “Without a greater policy focus on accelerating the move away from oil within the US economy, a pivot away from the Middle East will remain challenging, at least economically” (Hard & Kanbergs, 2023, p. 41).

Some authors of the book express the opinion that the US’s shift to Asia, especially East Asia and China, has led to the prioritization of the Indo-Pacific region recognition of China as the US main rival in the long term. Washington’s reorientation is due to the economic and political rise of Beijing. However, the same authors argue that MENA has become a new zone of the American-Chinese rivalry, meaning that the region’s future depends on the outcome of the contest between them (Hard & Kanbergs, 2023, p. 51). As long as China maintains strong

positions in the Middle East, the US will continue to play a significant role there, even if it have the intention to withdraw, the authors say. They stress that the White House clearly acknowledges the unsuccessfulness of a possible shift from the region, but it has failed to offer a reliable alternative. The reviewed book calls on the United States to challenge China’s and Russia’s growing influence in region in order to maintain its power (Hard & Kanbergs, 2023, p. 63).

The book emphasizes that the US reduction of military activity in the region has led to the fact that an increasing number of Arab states started to Washington as an unreliable security partner. The authors write that some Arab governments are ignoring the US demands to cut energy supplies, increase or lower oil prices and limit relations with China, Russia, Israel and Iran. They are sure that this trend will continue in the coming years as the United States focus on military, counterterrorism, and energy issues in the region. The authors state: “From the perspective of Middle East countries, which are long accustomed to seeing their government officials bought and sold by external actors, there is nothing new here, and the shoe is now merely on the American foot” (Hard & Kanbergs, 2023, p. 89). As for the American point of view, the book argues that the Persian Gulf monarchies’ influence on Washington causes serious challenges in directing American foreign policy in the interests of the US people, and this is seen as a brutal attack on democracy. The authors of the book claim that the United States under President Biden does not respect human rights in the Middle East as it supports “abusive regimes” there (Hard & Kanbergs, 2023, p. 90).

One of the authors concludes that the Gulf countries, as the UAE, Saudi Arabia and Qatar have achieved brilliant success in the cyberspace. They became regional authoritarian digital powers which can contest with the world’s most serious cyber powers — the US, China and Russia. The book emphasizes that the last three powers will undoubtedly continue their struggle for

dominance in the information and technological infrastructures of the Middle East and the world as a whole (Hard & Kanbergs, 2023, p. 101).

When it comes to the strategic American-Israeli alliance, the authors state that Israel's path of apartheid is leading to turbulence in relations with the US. Absolute bipartisan support for Israel inside the United States can no longer be guaranteed, as younger and more diverse Americans lean today towards to the Palestinians, the authors write. Moreover, the dissatisfaction with the Israeli government among the Jewish community in the US is mounting. As for Washington's relations with Israel's deadliest enemies — the Gulf monarchies, the authors of the book point out that a complete American pivot away from the Persian Gulf region is hardly impossible because the Gulf Cooperation Council (GCC) countries are intensively involved in shaping a new global and regional landscape in which China enjoys positions of dominance (Hard & Kanbergs, 2023, p. 125). This, indeed, does not suit the US.

The authors conclude that the US' nation-building and post-conflict efforts in Afghanistan, Iraq and Libya, as well as its brutal push for democracy in those states have clearly failed. The reason for that is the US guidance only by its own national interests and alignment with local corrupt and authoritarian players. Moreover, the US had no or Marshall Plan-like projects. The authors write: "The United States could have used the three cases ... Afghanistan, Iraq, and Libya — to showcase that it can achieve more during peace than it can during war. Thus far, this has not been the case" (Hard & Kanbergs, 2023, p. 138). As for the Syrian conflict, the authors of the book are convinced that after president Bashar al-Assad took back control over most of the country with Russia's military and logistic help, Moscow, Beijing, Tehran and Arab countries began to believe that the US role in Syria has diminished. One of the contradictions in US policy in Syria is that "Washington's concerns about Russia did not seem to extend to the country's actions in Syria, where it continued to act with impunity" (Hard

& Kanbergs, 2023, p. 149), the authors write. We strongly disagree with this statement, because in fact Russia did not act in Syria with impunity, but at the invitation of the official and legitimate Syrian government, helping it fight international terrorism and extremism. Moscow's military support for Damascus should by no means be considered as an "act of impunity."

The reviewed book explores the engagement of the United States into Egypt and emphasizes the fact that President Biden shifted from Cairo and focused on his contest with Russia and China. Meanwhile, the Egyptian authorities made the US unprioritized in their domestic and foreign policy. In response, Washington is seeking to optimize its ties with Cairo, ensuring the security of the Israeli border, maintaining Egypt's dependence on US military equipment and providing foreign aid in order not to step too far away from the most populated Arab state (Hard & Kanbergs, 2023, p. 162).

The book points out that the US wants to reassure its Middle East partners of its security and military commitments to the region, but the American-Gulf relations should be reviewed because they are very strained. Moreover, some Gulf monarchies do not believe that Washington is able to compromise its own interests for the sake of its partners. The authors state: "The wars in Yemen and Syria, the attack on Saudi oil facilities, and a long list of other issues over the past decade indicate that there is a growing view among GCC states that the US must reassess the balance between its commitments and its expectations" (Hard & Kanbergs, 2023, p. 172).

At the end of the book, the authors draw four final conclusions.

Firstly, Washington has chosen a strategy to maintain its engagement in the Middle East, with a reorientation focus on East Asia. However, military presence, the deployment of troops, commitments to Israel and the Gulf states are still important factors for the White House.

Secondly, the US is incapable of properly spreading democracy and human rights in the region because it in fact encourages authoritarian regimes there.

Thirdly, despite the strategic importance of the MENA region, the US has taken steps to prioritize the Indo-Pacific in its foreign policy in the face of challenges posed by China.

And fourthly, the American strategy of “ending all wars” during Barack Obama administration gave Washington the opportunity to act independently while making decisions

about expanding strategic relations with China, Russia and other countries (Hard & Kanbergs, 2023, p. 176).

The reviewed is undoubtedly of significant practical and theoretical importance. It will be of interest to Orientalists studying the Middle East and may also be useful for students, masters and postgraduate students.

Received / Поступила в редакцию: 09.06.2025

Accepted / Принята к публикации: 18.12.2025

References / Список литературы

Hard, I.K., & Kanbergs, D.J. (Eds.). (2023). *A US pivot away from the Middle East: Fact or fiction?* Washington, DC: Arab Center Washington DC, Inc. Retrieved from https://arabcenterdc.org/wp-content/uploads/2023/09/A-US-Pivot-Away-from-the-Middle-East_Fact-or-Fiction.pdf

About the author:

Kirichko Filipp Andreevich — PhD Student, Department of Oriental and African Studies, RUDN University; 10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 9253-5120; ORCID: 0009-0005-2443-5556; e-mail: 1142230184@rudn.ru

Сведения об авторе:

Киричко Филипп Андреевич — аспирант кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 9253-5120; ORCID: 0009-0005-2443-5556; e-mail: 1142230184@rudn.ru